

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В КАЗАХСТАНЕ

АЛМА-АТА 1973

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

АЛМА-АТА · 1973

В книгу вошли статьи по основным направлениям казахстанской археологии, а также заметки и сообщения о результатах последних исследований от палеолита до позднего средневековья включительно. Сборник вводит в науку новые сведения о материальной культуре и искусстве древнего населения территории Казахстана.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, нумизматов, историков и всех интересующихся историей.

Ответственный редактор
К. А. АКИШЕВ

А 0162—121
м 405(07)—73 75—73

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1973 г.

ДЖЕЗКАЗГАН — ДРЕВНИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР (Городище Милыкудук)

А. Х. МАРГУЛАН

В 30-х годах нашего столетия геологами было доказано большое историческое значение Джезказгана как одного из важнейших центров древней металлургии. Об этом в ряде своих статей писал К. И. Сатпаев¹, знаток и исследователь недр Улутау и Джезказгана. Высказывания К. И. Сатпаева о Джезказгане как о древнем металлургическом центре были подтверждены археологическими раскопками, проведенными после второй мировой войны.

Основным объектом исследования было городище Милыкудук, расположенное в обширном логе, в километре на юго-восток от рудника Джезказган. О его существовании прежде не знали. Оно было открыто К. И. Сатпаевым². Милыкудук сохранил мощный пласт культурного наложения, идущий с эпохи бронзы до позднего средневековья и свидетельствующий о производственной деятельности человека по добыче руды, плавке меди, олова, железа, золота, серебра, а также их переработке. Древ-

¹ К. И. Сатпаев. Значение Джезказгана и задачи сессии. В кн.: «Большой Джезказган». Алма-Ата, 1961, стр. 5.

² К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. 1. Алма-Ата, 1967, стр. 57; т. 5. Алма-Ата, 1970, стр. 30, 44.

ние выработки и отвалы Джезказгана весьма грандиозны. По подсчету геолога С. Х. Болла, из разностей Джезказгана было добыто свыше миллиона тонн богатых окисленных руд, содержащих десятки тысяч тонн меди³. Этот факт специалисты оценивают как результат разработки руды в Джезказгане на протяжении многих веков. О важной роли древнего Джезказгана в добыче меди говорится и в отзыве ученых ГАИМК (ныне Институт археологии АН СССР). В нем отмечено: «Выполненные в 1945 г. работы должны рассматриваться как первый этап в деле выяснения истории древней добычи меди в Джезказгане»⁴.

Научный интерес представляет сам термин *жез* — медь в казахском языке (в других тюркских языках — *jāz*, *jās*), употребляемый еще в языках древнего мира: в санскрите, древнегреческом, латинском и готском⁵. Согласно исследованиям Мюллера и Гладстона⁶, описанные в гомеровской поэзии ножи, наконечники копья и вооружение изготовлены из меди. Они утверждают, что в период гомеровской Греции медь была единственным металлом, из которого делали орудия труда и вооружение. Гесиод сообщает о людях, «у которых была медная посуда, медные дома и которые пахали медью, черного железа еще не было»⁷. О медном инвентаре упоминается и в казахских народных преданиях, согласно которым древние богатыри Ертыстик и Кара-Мерген живут в медных домах и своих богатырских коней держат в медной стене.

Первоначально греки называли медь *chalkós*, по имени легендарного мастера медных дел⁸. Позднее они стали употреблять другой термин, очевидно, возникший вследствие торговли с азиатскими скифами. По мнению ученых, древние народы использовали медь в большом количестве для практических целей, а также бронзу и латунь. Нужное количество меди и ее сплавов греки и римляне могли получать только благодаря торговым связям⁹.

Позднее греки стали называть медь *es*. Мюллер допускает, что это искаженная форма *aes*. По нашему мнению, данный термин весьма близок к тому архитипу, который характерен для древнетюркского языка. В латинском языке *jes* получило графическую форму *aes*, в готском — *aiz*. Готский вариант термина *jes* схож с древнекипчакским

³ С. Х. Болл. Геологический доклад о владениях атбасарских медных промыслов. (Рукопись) 1910. Архив акад. К. И. Сатпаева; В. А. Пазухин. Металлургия в Киргизской степи. М. — Л., 1926, стр. 142; К. И. Сатпаев. Избр. труды, т. 1, стр. 142; т. 5, стр. 30, 44.

⁴ Н. В. Валукинский. Разный археологический материал. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 175, л. 17.

⁵ М. Мюллер. Наука о языке. Пер. с англ. Вып. 1. Воронеж, 1868, стр. 221—222.

⁶ Gladston. Homer and Homerik Age. III, London, 1890, p. 499.

⁷ М. Мюллер. Указ. работа, стр. 221.

⁸ Там же.

⁹ А. А. Котляровский. Металлы и их обработка в доисторическую эпоху у племен индоевропейских. Древности. Труды Московского археологического общества, т. 1, вып. 1—2, СПб., 1865, стр. 55—69.

словом *jez*. Мюллер утверждает, что санскритский термин *ayas* (медь) находится в прямой связи с *aes* и *aiz*. В санскрите *ayas* первоначально означало медь, потом его стали употреблять и в наименовании железа. Мюллер пишет, что в «Ведийской легенде» различаются *syamat ayas* — темно-коричневый металл и *lohitam ayas* — блестящий металл. Таким образом, по Мюллеру, у древних индусов четкого разграничения в названии меди и железа не было¹⁰. Напротив, у римлян, германцев и греков *aes* и *aiz* — это только медь. С завоеванием острова Кипр (57 г. до н. э.), где имелись богатые рудники меди, римляне стали называть медь *cuprium*. Вместе с тем термин *aes* еще бытовал. Лучшую медь, привозимую с Кипра, римляне именовали *aes cuprium*. Термин *aes* последний раз встречается у Плиния. Начиная с III—IV вв. римляне употребляют только название *cuprum*¹¹.

Академик К. М. Бэр считает, что многие металлургические термины «не имеют корня ни в семитических, ни в кушитских, ни в арийских языках; надо отыскать первоначальный источник этих имен»¹².

Сравнительный анализ научных материалов убеждает в том, что корни древних металлургических терминов следует искать в тюркских языках, ибо они лучше сохранились в этих языках. Например, в казахском языке олово называется *калаи*, которое, как и медь, сыграло огромную роль в истории древней цивилизации.

Родину олова ученые искали и продолжают искать по традиции на Кавказе или в Иране. Однако сведений, подтверждающих это предположение, пока нет¹³. До сих пор на Кавказе не встречено таких грандиозных оловянных рудников, как в Калбинских и Нарымских горах Казахстана¹⁴ или в Северной Бетпак-Дале, где имеются древнейшие оловянные рудники Калаи-Казган¹⁵.

Впервые вопрос о родине олова был поднят более ста лет назад французским ученым Фурне, высказавшим гипотезу о наличии оловянных рудников на Кавказе¹⁶, но ничем ее не аргументировавшим. Другой французский ученый Ружмон, отыскивший в древних источниках название олова (кала), определил термин «кала» как грузин-

¹⁰ М. Мюллер. Указ. работа, стр. 223.

¹¹ Там же.

¹² К. М. Бэр. Откуда добывалось олово, входящее в состав древней бронзы. Древности ТМАО, т. VII, вып. 3. М., 1878, стр. 240.

¹³ А. А. Иессен. Олово Кавказа. «Известия ГАИМК», 1935, вып. 10, стр. 193—205.

¹⁴ М. П. Русаков. Археологическая справка о характере древних работ на олово на месторождениях Калбы и Нарыма. В кн.: «Большой Алтай», т. II. М. — Л., 1936, стр. 599—603; Б. А. Аккерман. О Калбинских разработках олова эпохи бронзы. «Известия АН КазССР, сер. археолог.», 1948, вып. 1, стр. 40—46.

¹⁵ Г. Б. Жилинский. Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 39—79, 92—119; И. А. Архангельская, А. А. Богданов, И. Ф. Трусова. Очерк геологии северной части Голодной степи. Труды Ин-та геол. наук СССР. Вып. 102. М., 1948, стр. 5.

¹⁶ F u r n e t. De l'influence du mineur sur le progres de la civilisation. Memoire de l'Academie de Lyon, XI, 1861, p. 292; XII, 1862, p. 10.

ский¹⁷. Взгляды Фурне и Ружмона раскритиковал кавказовед Вейденбаум, который отметил, что в грузинском языке нет термина «кала» и что на Кавказе оловянные рудники не обнаружены¹⁸.

Весьма критически к гипотезе Фурне и его последователей отнесся академик К. М. Бэр. Он писал: «Предположение о существовании древних оловянных рудников на Кавказе стало литературной традицией, источников которой выяснить еще не удалось; оно повторялось так часто, что некоторые историки, по-видимому, считают его доказанным, хотя никаких данных о наличии здесь олова не имеется»¹⁹. В своих утверждениях академик Бэр и его сторонники исходят из результатов геологических исследований, проведенных на Кавказе. Со временем эта точка зрения стала господствующей в науке, в ее поддержку выступили такие ученые, как Шантр²⁰, Морган²¹, Мортилье²², Бапст²³, Рейнак²⁴.

Шантр высказал предположение о первоначальном появлении олова в Индии или в Средней Азии. По мнению перечисленной группы ученых, олово, которое употреблялось для изготовления бронзовых изделий на Кавказе, привозилось с Востока. Морган считал, что Кавказ в древности был основным посредником в его распространении. Но о месторождении источников восточного олова он ничего не говорит. Кавказский исследователь Бейерн утверждает, что олово на Кавказ доставлялось с Урала.

Крупный советский исследователь А. А. Иессен подытожил данные о кавказском олове. Он попытался найти его элементы в составе других металлов, но ни касситерита, ни следов добычи олова на Кавказе не обнаружил. А. А. Иессен пишет, что «мы не знаем непосредственных остатков древних работ на олово...»²⁵. Начиная с эпохи эллинов до позднего средневековья Кавказ снабжался привозным оловом. О термине «кала» он заявляет, что «отнесение широко распространенного названия олова — кала к грузинскому языку (Ружмон) не выдерживает критики»²⁶. На наш взгляд, наличие многочисленных оловянных рудников на территории Казахстана и сохранение древнего названия олова «калаи» в казахском языке представляют огромный на-

¹⁷ Rougemont. Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident. Gütersloh, 1869, S. 83—84.

¹⁸ Вейденбаум. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. «Известия Кавказского отдела РГО», 1877, IV, стр. 122.

¹⁹ А. А. Иессен. Олово Кавказа. «Известия ГАИМК», 1935, вып. 10, стр. 194.

²⁰ E. Chantre. Recherches anthropol. dans le Caucase. I. Paris, 1885, pp. 81—84.

²¹ J. de Morgan. Mission Scient. au Caucase. I. Paris, 1889, p. 10. pp. 81—84.

²² Royer. Sur l'origine du Bronze et de l'étain prehist. Bull. de la Soc. d'anthropol., t. IX, Paris, 1886, pp. 290—316.

²³ G. Bapst. Mémoire sur la provenance de l'étain dans la haute antiq. Bruxelles, 1888, p. 5.

²⁴ S. Reinach. L'étain Celtique. L'Anthropologie. Paris, 1892, p. 277.

²⁵ А. А. Иессен. Олово Кавказа, стр. 197, 205.

²⁶ Там же, стр. 195.

учный интерес, что подтверждают многочисленные работы²⁷. Таким образом, термины *жез* (*jäz — jez, jäs — jes*) и *калаи* (олово) возникли в глубокой древности. Их употребляли еще до появления железа (VII—V вв. до н. э.). Разработка же руды в Джезказгане началась еще раньше. По данным археологических исследований, руду стали добывать с энеолита, т. е. с конца IV — начала III тысячелетия до нашей эры. Об этом говорит преемственная связь культуры бронзы с неолитом, для которой характерны многочисленные стоянки с кремневыми орудиями типа нуклеусов, скребков, наконечников стрел, ножевидных пластинок и др. Здесь же встречаются обломки первых медных изделий.

Античные авторы и позднейшие исследователи отмечают роль древних скифов, в составе которых были и кочевые племена, населявшие древний Казахстан (аргиппей, аримаспы, грифы, исседоны, саки, массагеты), в открытии меди²⁸. По сообщениям Геродота, «страна (мас-

²⁷ А. Е. Влангали. Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 гг. «Горный журнал», 1853, ч. II, стр. 157—353; ч. III, стр. 65—163; В. А. Аккерман. О Калбинских разработках олова эпохи бронзы. «Известия АН КазССР, сер. археолог.», 1948, вып. 1, стр. 40—46; П. А. Пазухин. Металлургия в Киргизской степи. М. — Л., 1926; В. Коцовский. Краткий обзор горнозаводской промышленности Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г.». Семипалатинск, 1898, стр. 89—139; М. П. Русаков. Археологическая справка о характере древних работ на олово на месторождениях Калбы и Нарыма. Сб. «Большой Алтай», т. II. М. — Л., 1936, стр. 599—603; Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. «Проблемы ИИМК», 1933, № 9—10, стр. 15—19; Г. Н. Щерба. К истории горного промысла в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1946, № 11, стр. 57—59; А. Безлюдный. Олово в Калбинском хребте. «Новости техники», 1934, № 111—112; В. Ф. Беспалов. Геологическое строение Верхне-Атасуйского района. «Материалы по геологии и полезным ископаемым Казахстана». Вып. 2, 1938; Н. Б. Вайнерман. Состояние и перспективы россыпных оловянных месторождений Калба-Нарымского района. «Советская геология», 1939, № 8; В. И. Волобуев. О касситеритово-сульфидном оруденении Западного Прибалхашья. «Известия АН КазССР», 1958, вып. 30; Н. А. Елисеев. Геологический очерк Калбы. Сб.: «Большой Алтай», т. II, вып. 5. М. — Л., 1936, стр. 113—176; Б. Н. Ерофеев, Н. К. Морзенко. Вольфрамовые и оловянные месторождения Калбы и Нарыма. Сб. «Большой Алтай», т. II, вып. 5, стр. 183—214; Г. Б. Жилинский. Перспективные оловоносные площади Центрального Казахстана. «Материалы к прогнозной карте Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1956; его же. Олово. В кн.: «Геология СССР», т. XX, ч. II (Центральный Казахстан). М., 1944; Н. И. Наковник. Вольфрам и олово в восточной части Казахской степи. «Материалы по геологии Центрального Казахстана». М., 1940; И. А. Преображенский. О границах оловянно-вольфрамового и золотого оруденения в Восточном Казахстане. «Доклады АН СССР», т. 39, № 2, 1949; М. П. Русаков. Мировой опыт разработки оловянных месторождений в приложении к Калбе. Сб.: «Большой Алтай», т. II. М. — Л., 1936; В. С. Трофимов. О классификации месторождений олова сульфидно-касситеритовой формации. «Советская геология», 1938, № 12; Л. Е. Хазанович, К. К. Хазанович. Проявления касситерита на месторождении Борибулак в Центральном Казахстане. «Советская геология», 1948, № 31; Д. И. Щербаков. Оловоносность Средней Азии. Сб. «Таджикско-Памирская экспедиция 1935 года». М., 1937.

²⁸ А. А. Котляровский. Металлы и их обработка в доисторическую эпоху у племен индоевропейских. Древности ТМАО, т. I, вып. 1—2, 1865, СПб., стр. 66.

сагетов) изобиловала медью и золотом. Золото они употребляли для украшения вооружения, головы, плеч и самого тулова»²⁹. «Золотой человек» из Иссыкского кургана может служить подтверждением этих слов отца истории³⁰.

К первооткрывателям металлов Ленорман относит урало-алтайские народы, кавказские племена и жителей Месопотамии, получавших олово из северной страны³¹. В древнетюркских и алтайских языках *jes* — это только медь, в кипчакском — желтая медь. В тюркских языках медь имеет три названия: *жес* — желтая медь, *мыс* — красная и *бакыр* — темно-коричневая. Из нее изготавливали различные изделия, украшения и монеты. В бакыре кроме меди имеется примесь других элементов. В прошлом из него делали походные котлы (бакыр, или казан). У северных казахов бакыр сохранился вплоть до Октябрьской революции и служил для варки пищи.

В казахском языке сохранилось несколько терминов, связанных с разработкой руды и производством металла. Это *кен* — руда, *кенч* — подземное сокровище (ископаемое), *кенчи* — рудокоп, *кен очаги* — месторождение руды, *кенказган* — рудник, *кен шоки* — рудный холм; *калаи* — олово, *калаиычи* — оловянных дел мастер, *калаиылган* — покрытый оловом, *кола* — бронза, *колаба* — слиток металла, отсюда *Колба* (Калба)-*тауы* — оловянная гора, *мырч* — цинк, *мырчым* — цинковые шарики для игры; *коргасын* (коргалжын) — свинец и т. д.

Древнее горное дело отразилось и в топонимике Центрального Казахстана. Приведем некоторые из горнотопонимических названий: Джебды — река, богатая медью, Джебказган — медная копь, Казан-Сынган — место, где котел взорвался при плавке руды, Калаиы казган — оловянная копь, Кенгей — место, богатое рудами, Кенгир — река сокровища, Кен-Корыткан — место плавки руды, Коргасынтау — свинцовая гора, Устанынжалы — гряда кузнецов, Темирчитау — гора кузнецов³² и т. д.

Происхождение топонима Джебказган говорит о добыче и обработке меди с древнейших времен. Существование термина *жес* (*jes*) в языках древнего мира — свидетельство того, что медь еще тогда имела большое культурное и экономическое значение, была предметом торгового обмена между народами Европы и Азии. Судя по источникам, Джебказган сохранял это значение и позднее. Арабский географ Ал-Идриси, описывая страну огузов и кипчаков, отмечает наличие у них медных и серебряных рудников. Он пишет: «Страна гузов плодородна, жители ее богаты. Говорят, что их земля дает четверть неочи-

²⁹ Геродот. История, кн. 1, стр. 215.

³⁰ К. А. Акишев. Раскопки Иссыкского кургана. В кн.: «Археологические открытия 1970 года». М., 1971, стр. 408.

³¹ К. М. Бэр. Откуда добывалось олово, входящее в состав древней бронзы. Древности. ТМАО, т. VII, вып. 3, М., 1878, стр. 234.

³² См. А. Сборовский. Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XX, Омск, 1896, стр. 109—153.

щенного серебра. Из этих рудников добывают много металла. Шашские (ташкентские) купцы отправляются к ним с товарами для обмена, покупают там у них много верблюдов с большим количеством товара (т. е. меди и серебра) и вывозят его во все страны»³³. По Идриси, указанный рудники находились в стране огузов и кипчаков примерно на расстоянии 18-дневного перехода от Шаша на север. Если ежедневный переход каравана принять 40 км, то от Шаша до рудников будет свыше 700 км, что вполне соответствует месту расположения современного Джезказгана.

Интересно отметить, что в древнеиранском эпосе упоминается легендарный «Медный замок» (Диз-и-Руин), расположенный в пределах Бухары, около которого был убит вождь туранцев Афрасиаб³⁴. Согласно Фирдоуси, Афрасиаб был убит в далекой северной стране также у легендарного «Медного замка»³⁵. «Медный замок» по наименованию и расположению совпадает с древним рудником Джезказганом. Историческую справку о местонахождении Дез-руин дает Махмуд Кашгари (XI в.).

По его определению, Дез-руин (دز ریین — медный замок) — одно из названий области Янгикента на Сырдарье³⁶. Если учесть отсутствие медной руды в районе нижней Сырдарьи, то станет ясным, что Махмуд Кашгари имел в виду медные копи древнего Джезказгана, составлявшего вместе с Янгикентом одну область. Известно, что огузы, а затем кипчаки зимой жили на Сырдарье, а летом кочевали в районе Улутау и Кичитау, т. е. около Джезказгана.

Весьма любопытно упоминание Рашид-ад-Дином названия города, напоминающего древний Джезказган. В «Огуз-наме» он приводит топоним города *Ulu Bagur*, расположенного южнее башкирских земель. Он пишет: «Огузхан, направляясь в землю башкир, остановился в городе, который называется *Ulu Bagur* (Великая медь). Причем слово *Ulu* он воспроизводит в манере кипчако-казахского языка (*Ulu Dag* ^ۋالوداع, *Ulu Bagur* ^ۋالو باغور). Профессор Тоган полагает, что под топонимом *Ulu Bagur*, по-видимому, следует понимать город Великие Булгары. Но вряд ли Рашид-ад-Дин, прекрасно знавший волжских булгар, мог допустить такую ошибку, тем более *Ulu Bagur* он помещает южнее башкирских земель. Им написано: *الو باغور* — Великая медь, а не Великие Булгары. В настоящее время в Башкирии имеется месторождение и древний рудник с названием Бақыр-узяк (Медный лог). По Абулгази, Медный рудник (Джезказган — ^ۋمیس نناک کانی), расположенный в горах Улутаг и Кичиктаг, в VIII—X вв. был одним из

³³ См.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТТ), т. 1. М. — Л., 1939, стр. 221—222.

³⁴ В. В. Бартольд. Соч., т. VII. М., 1971, стр. 397.

³⁵ Фирдоуси. Шах-наме. Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. М., 1965, стр. 415.

³⁶ Махмуд Кашгари, т. III. Ташкент, 1963, стр. 164.

знаменитых мест огузов-кипчаков наряду с Иссык-Кулем, Алмалыком, Сайрамом и хребтом Карачик (Каратау)³⁷.

Медный рудник Джезказган был известен и русским ученым XVII—XVIII вв. О нем говорится уже в «Книге Большому Чертежу». Его хорошо знали Рычковы (отец и сын). Н. Рычков (1771 г.), проводя разведку в Улутауской степи, не раз видел много городищ и древних выработок внушительных размеров. Своими впечатлениями он постоянно делился с отцом. П. И. Рычков также нередко бывал в Тургайской степи и много слышал о знаменитом руднике Медной копи. В своей книге он пишет: «Из Улутау вышли три реки: Каракенгир, Жездыкенгир и Жиландыкенгир. По реке Жезды весьма много руды и старинных пустых городов, где, сказывают, бывали рудокопные заводы, и поныне не только того признаки, но и горные плавильные еще видны»³⁸. Эти интересные наблюдения географа XVIII века впоследствии были подтверждены материалами археологических раскопок, проведенных в поселениях древних рудокопов Милыкудук, Соркудук и Айнакуль, составляющих отдельные участки Джезказгана.

Особенностью исторической топографии этих поселений является их связь с ландшафтом и подземными водами, особенно трещинными. Здесь водоносные горизонты приурочены к нижнекаменноугольным известнякам. По исследованию К. И. Сатпаева, грунтовая вода в Джезказгане залегает на глубине от 4 до 30 м, дебит трещинных вод в районе Кресто и Милыкудука равен 3,8 л/сек³⁹. Водой древние поселения снабжались из колодцев, большинство которых находится в Милыкудуке, Таскудуке и Соркудуке. Все колодцы средневекового Джезказгана приурочены к верхнему горизонту грунтовых вод. К сожалению, из множества памятников оседлой культуры Джезказгана удалось изучить только несколько. Огромная площадь средневекового рудника теперь занята новостройками.

Центром древнего и средневекового Джезказгана было городище Милыкудук (старое название Елукудук — 50 колодцев). Оно расположено в 1 км южнее Кресто-Центра, на юго-восточной окраине рудника Джезказгана, в котловине. Участок с остатками древней культуры обширен, видимая его площадь, по определению К. И. Сатпаева, достигает не менее 10 га⁴⁰. Речь идет только о зафиксированной площади памятника. Здесь обнаружены остатки жилых и хозяйственных строений, мастерских и складских помещений в виде бугров и ям, к ним не относятся места добычи и разработки руды, которые расположены к северу от Милыкудука на расстоянии 1—8 км.

Основными участками добычи руды в древние и средние века были нынешние Кресто, Петро, Покро, Карпиенский, Раймунд, Златоуст и Таскудук. Самый ближайший к Милыкудуку и самый богатый по запасам — рудник Кресто с рудоносным горизонтом 18 м. Около

³⁷ Абулгази. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 40.

³⁸ П. И. Рычков. Топография Оренбургского края. Т. I, СПб., 1762, стр. 242.

³⁹ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. I. Алма-Ата, 1967, стр. 27.

⁴⁰ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. 5. Алма-Ата, 1970, стр. 44.

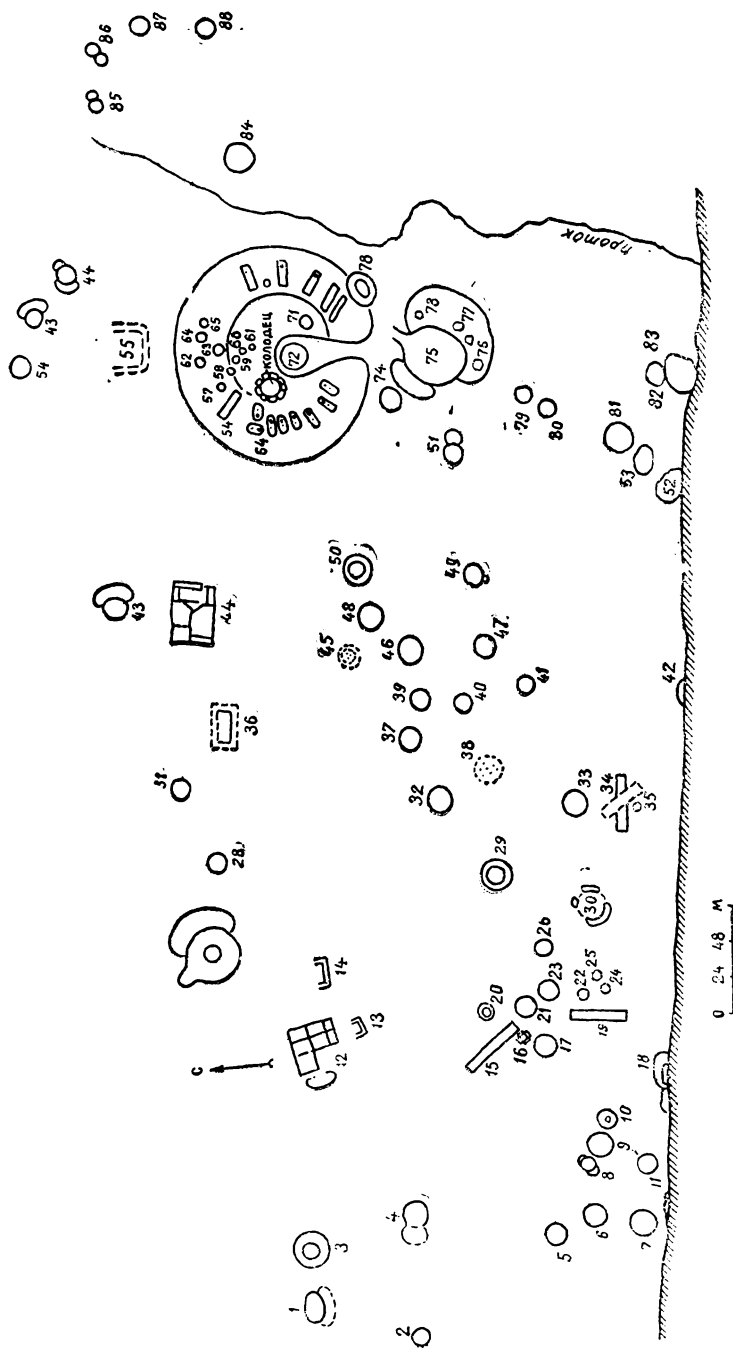

Рис. 1. Общий план поселения Милькудук (Зарисовка Н. В. Валукинского).

него отмечено много древних и средневековых выработок, расположенных дугой, между концами которой 460 м⁴¹. Отдельные выработки в длину достигают 750 м при ширине 50 м и глубине 8 м. Немало выработок находится около Петро, Покро и Златоуста, несколько меньше у Карпиенского, Анненского и Раймунда. Они тянутся цепочкой на значительное расстояние. Археолог Н. В. Валукинский с помощью топографа Джезказганского медного комбината производил съемку планов и разрезов выработок Джезказгана. Особенно интересны рисунки планов, разрезов, подбоев и штолен Кресто-Запада, Кресто-Центра, Петро 3⁴². По его замечанию, древние карьеры Джезказгана обширны, иногда простираются до 1 км. Это результат выработки в течение многих веков. В Джезказгане встречены древнейшие выработки, которые эксплуатировались еще в средневековье⁴³.

Руда добывалась двумя способами: открытым и глубинным. Открытым способом пользовались рудокопы эпохи бронзы, выбирая окисленную руду только верхнего горизонта. Открытые выработки зафиксированы на участках Кресто и Златоуста, они датируются керамикой гребенчатого штампа, характерной для эпохи бронзы.

В раннее средневековье руду добывали глубинным способом, устраивая забои, штольни и шахты. В штольнях выявлена керамика, сделанная на гончарном круге. Шахтная разработка велась на отводах Кресто-Запад, Кресто-Центр, Петро-холм, Покро и Никольском отводе. Эти выработки являются классической формой рудника с системой крепления боковых штреков. Выработки представляют собой длинные карьеры глубиной до 12 м. В них найдены керамика, изготовленная на гончарном круге, горные орудия, совки из лопаточной кости животных и др.

Неплохо исследованы карьеры Кресто-Центра, Петро 1—3. На дне разрезов обнаружены хорошо сохранившиеся штольни длиной до 22 м с боковыми ходами, укрепленными с помощью целиков и искусственных опор. В карьерах Кресто-Центра штольня отмечена на глубине 5 м. Ее площадь 30 м² с одним мощным целиком высотой более 1 м. Здесь руду выбирали сидя. Несколько лучше штольни Петро 2 и 3 (штольня Петро 1 ликвидирована). Они сохранились до глубины 5—6 м. Площадь каждой штольни 12×10 м, внутри них по два целика и одной искусственной опоре, сложенной из сланцевых плит. Их высота в рост человека. В штольне имеется четыре забоя, по два при входе справа и слева. В северо-восточной части Петро отмечена еще одна штольня высотой около 2 м. Она схожа с описанной. Из сказанного видно, что средневековые выработки Джезказгана большие и усложненной формы проходки. Очень трудоемкой была проходка забоя,

⁴¹ В. А. Пазухин. Металлургия в Киргизской степи. М.—Л., 1926, стр. 142.

⁴² Н. В. Валукинский. Древние выработки в районе Милыкудука. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 171, л. 63.

⁴³ Н. В. Валукинский. Древняя добыча медной руды в Джезказгане. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 177, л. 7.

которую рудокоп вел на глубине по горизонту и отбивал руду при высоте 0,5—0,8 м лежа.

Кроме шахтной разработки в средние века руду добывали и открытым способом. Карьеры открытой разработки лучше сохранились на участках Златоуст, Анненский, Карпиенский и Спасский. В карьерах Златоуста прослежен разрез, идущий с севера на юг, глубиной 5 м. На Спасском участке — два разреза глубиной до 4 м, на Карпиенском — один длиной 25 м, шириной 12 м и глубиной 2 м, на Анненском — один глубиной до 7 м, в основании его отвесной стены имеются следы широкого подбоя, где высота кровли достигает 6 м. В штольнях найдены светильники, горные орудия и большое количество керамики, сделанной на гончарном круге.

Рис. 2. План мест добычи и рудоразработки на участке Златоуст (Съемка Н. В. Валукинского).

Добытые руды обогащали в несколько приемов. Первичную сортировку руды производили вручную у самого забоя: богатые куски отбирали, а бедные бросали в отвалы. Отобранную руду переносили к бассейну, расположенному около плавильных печей, где ее дробили, измельчали и обогащали. От обогащения сохранились следы в виде широких «сплесков» и хвостов на всех отводах Джезказгана, но более значительные в Милыкудуке, Соркудуке и Айнакуле. О плавке меди из этой «обогащенной» руды говорит найденное здесь большое количество шлаков, обломков тиглей, подовых частей плавильных горнов, слитков металла и пр. По наблюдению К. И. Сатпаева, «древние шла-

ки от плавки медных руд обнаружены в значительных количествах среди «сплесков» у лога Милыкудук, а также на р. Джезды и на р. Бекбулат, в пределах гор Арганаты. На р. Кызыл-эспе, к югу от Сарысу, геолог Н. Г. Николаев в 1931 г. нашел остатки глиняных горшков с медной шихтой»⁴⁴.

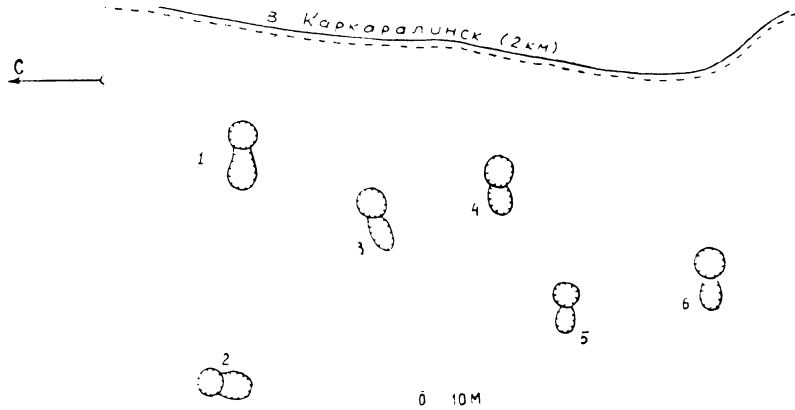

Рис. 3. План рудоплавильных печей из окрестностей Каркаралинска.

Шлаки, формы для литья и остатки плавильных печей найдены в разных пунктах Центрального Казахстана, но особенно много в районе Джезказгана и Каркаралинской степи, в горах Кызыл-Арай, на Бешоки, Мурзашоки, Суук-Булаке, в горах Темирчи, возле старой зимовки Бекбергена. Много плавильных печей исследовано в 18 км к юго-востоку от Каркаралинска. Одна часть собранных шлаков хранится в Карагандинском музее, другая — в музее Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР. Немало шлаков выявлено и при раскопке поселения древних рудокопов на р. Атасу, научный анализ их сделан Т. А. Сатпаевой⁴⁵. Шлак от выплавки меди или свинца найден В. А. Селевиным в Центральной Бетпак-Дале, в урочище Кок-Уюрюм, возле горы Домбралытау, мимо которой проходил древний караванный путь с юга на север. Он считает, что «найденные в Бетпак-Дале следы плавки металла скорее позднего происхождения»⁴⁶.

Мощный древний массив Джезказгана стал объектом исследования после Великой Отечественной войны. Большое внимание к изучению древних выработок Джезказгана проявил президент только что

⁴⁴ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. 5, стр. 45.

⁴⁵ См. в кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 298—300.

⁴⁶ В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Далы. В кн.: «Результаты Бетпак-Далинской экспедиции Среднеазиатского государственного университета». Ташкент, 1935, стр. 4.

созданной республиканской Академии наук К. И. Сатпаев. Он выделил нужные средства и подал строителям Джезказгана мысль, как сохранить центр основного культурного массива для исследования⁴⁷. К работе был привлечен археолог Н. В. Валукинский. Ему удалось изучить важный памятник данного района — Милыкудук. Он оставил после себя значительный рукописный материал, который, к сожалению, еще не обработан. В 1946, 1947 и 1949 гг. мы имели возможность осмотреть раскопки Н. В. Валукинского. Наше внимание привлекло исключительное своеобразие топографии Милыкудука, которая очень отличалась от исторической топографии средневековых городищ Центрального и Южного Казахстана. Здесь нет следов больших архитектурных комплексов типа укрепленных замков с угловыми башнями. Все покрыто буграми и ямами, свидетельствующими о том, что Милыкудук был значительным производственным центром средневекового Казахстана. Как показывают материалы археологических раскопок, Милыкудук существовал в течение многих веков. Его культурные отложения охватывают периоды с эпохи бронзы до позднего средневековья (XVII в.).

Городище трехслойное с культурными пластами, четко прослеживаемыми благодаря наносным слоям⁴⁸. Нижний слой сильно отличается от верхних по цвету и вещам, которые в нем найдены. Он содержит много ям, оставшихся от полужемлянок — жилищ древних рудокопов, и керамики с гребенчатым штампом, характерной для культуры эпохи бронзы.

В черте Джезказгана выявлены остатки многочисленных поселений эпохи бронзы с полужемлянками в виде неглубоких ям. Из них четыре исследованы. Некоторые ямы достигают 4×6 м и более. Они расположены в 1,5—2 м друг от друга с севера на юг по территории Милыкудука. Поселения эпохи бронзы сопровождаются кремневыми орудиями — наконечниками стрел, скребками и керамикой с гребенчатым штампом. О наличии двух культур в отложениях Милыкудука сказано в отзыве А. А. Иессена. Он писал: «Обнаруженные обломки керамики и каменные орудия, несомненно, относятся к двум историческим периодам. Ранняя группа вряд ли относится ко времени значительно более позднему, чем бронзовый век. Целый ряд каменных орудий (скребки, наконечники стрел) характерен именно для бронзового века. Что касается поздней группы материалов, то датировка керамики с Милыкудука временем около X—XII вв. н. э. представляется правильной. Металлические предметы могут относиться к несколько более раннему времени, около VIII—X вв.»⁴⁹. Датировка А. А. Иес-

⁴⁷ Н. В. Валукинский. Древние выработки в районе Милыкудука. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 171, л. 67.

⁴⁸ Н. В. Валукинский. Лепная керамика из поселения Кулман на берегу р. Жезды. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 176, л. 73; рукопись № 170, л. 12 об.

⁴⁹ Н. В. Валукинский. Разный археологический материал. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 175, лл. 15—16.

сена была подтверждена материалами раскопок, проведенных в 1946—1949 гг. Обнаружены остатки жилых и хозяйственных помещений, сложенных из сырца и камня, определена граница не только нижнего слоя, но и верхнего третьего. Находки верхнего слоя почти сходны с находками из второго слоя, но в отличие от предыдущего в нем много костей животных, использованных населением в качестве топлива.

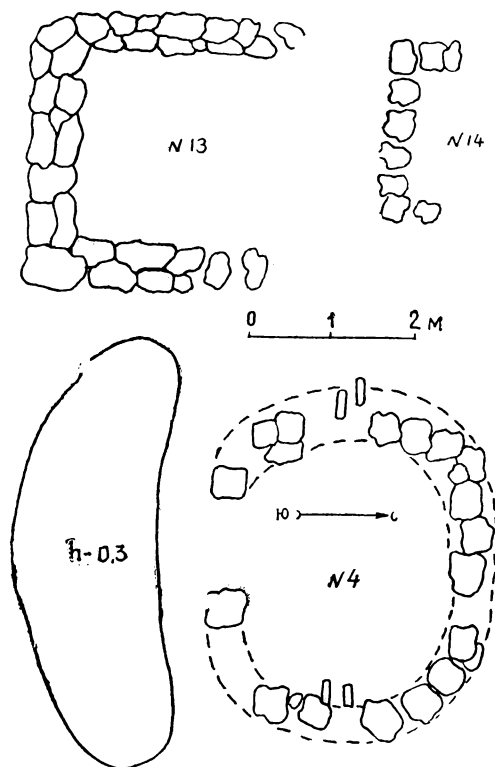

Рис. 4. Планы остатков жилищ 4, 13, 14
(По чертежу Н. В. Валукинского).

Жилище 4 — в плане квадрат площадью 16 м^2 , глинобитное, у нижней стены имеются следы от входа. Расположено рядом с помещением 12. Основание сложено из плит серого песчаника размером $0,3 \times 0,8 \text{ м}$. Перекрытие сделано из бревен, положенных поперек с севера на юг. Остатки деревянной кровли сохранились в виде пятен и слоя сгнившего дерева. В результате чего кровля и глинобитная часть стен упали на землю — неизвестно.

Жилище 13 находится возле мастерской (помещение 12). Имеет подквадратную форму размером $3 \times 4 \text{ м}$. Сохранились остатки трех

Более насыщена материалами западная часть второго культурного слоя. В нем очень много ям. Н. В. Валукинский насчитал до 140, но с невыявленными их еще больше. Это остатки кладовых, колодцев, водоемов и полуземлянок. Последние сосредоточены в юго-западной и южной частях слоя. Они являются жилищами рудокопов средневекового Джекказгана и датируются керамикой, сделанной на гончарном круге. Кроме полуземлянок здесь зафиксированы остатки наземных строений со стенками из сырцового кирпича, камня и плетня, обмазанного глиной. В плане они имеют круглое или прямоугольное очертание, сильно размыты, от них остались лишь сцементированные пятна. Хорошо сохранились основания строений из камня. Н. В. Валукинскому удалось изучить основания семи помещений (№ 4, 12, 13, 14, 36, 44, 55), сложенных из крупных плит песчаника.

стен, четвертая разобрана. Каменное основание и глинобитная верхняя часть стен прочные. О кровле данных нет.

Жилище 14 глинобитное с основанием из песчаных плит. В плане прямоугольное, расположено рядом с той же мастерской. Сохранилось не полностью, разобраны северная и частично западная и восточная стены.

Жилище 36 глинобитное с уцелевшим каменным основанием, прямоугольное в плане, ориентировано продольной осью с запада на восток, размером 5×8 м. Расположено ближе к производственному центру средневекового Джезказгана.

Жилище 55 глинобитное с каменным основанием, северная стена разобрана. В плане квадрат площадью 48 м^2 . Находится к северу от производственного центра.

Помещение 12 одно из самых больших. Исследовано в 1949 г. Представляло собой холм, сильно засоренный хозяйственным мусором. С его западной стороны выступал небольшой бугор, после расчистки обнаружена куча костей домашних животных, среди которых были кости крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. Их заготовили в качестве топлива. Сохранность костей хорошая, они находились в верхнем слое с дробленой рудой, около наземного жилища. Большая часть их пропитана медной зеленью. После разборки сначала обнажилась западная, а потом другие стены. Это производственное помещение с жилыми комнатами. В плане квадрат площадью 124 м^2 . Основание стен сложено из плит серого песчаника размером $0,3 \times 0,8$ м. Сохранившаяся высота по внутреннему обмеру $0,4-0,8$ м. Помещение состоит из 7 комнат, все они с каменными основаниями.

Комната 1 узкая прямоугольная, площадью 4 м^2 , расположена в юго-западном углу комплекса. У северной стены имелись остатки кузнечного горна с пеплом и мелкими угольками.

Комната 2 вытянутая прямоугольная, площадью 4 м^2 , расположена в юго-восточном углу помещения. В юго-западном углу комнаты выявлены остатки кузнечного горна, у восточной стены — большие куски окисленной медной руды.

Комната 3 — в плане квадрат площадью 6 м^2 , находится в центре помещения, имеет вход с запада. В юго-западном углу сложена в кучу окисленная медная руда, раздробленная до размера крупнозернистого песка. Следов печи не обнаружено.

Комната 4 — в плане квадрат площадью 6 м^2 . Расположена в центре помещения, одной стороной примыкает к его юго-восточной стене. У северной стены комнаты сложена кладовая из плит серого песчаника в форме ящика полуциркульного очертания. Пол выложен плоскими плитами, частично сохранившимися. Следов печей не обнаружено. Сообщение было внутреннее.

Комната 5 — глинобитная. В ней обнаружены остатки «ручной доменки», или печи для выплавки железной руды и обработ-

ки кричного железа. Находится в северо-западном углу комплекса. В плане квадрат площадью 8 м². Наружный ход, по-видимому, устроен с севера, внутреннее сообщение с комнатами 6 и 7 осуществлялось через каменные пороги. Остатки печи, которую Н. В. Валукинский называет «ручной доменкой», встречены в юго-восточном углу помещения. В противоположном, северо-западном углу выявлены остатки кузнечного очага для горячейковки железа. Об этом говорит мощный слой пепла и угольков. На полу прослежен слой шлаковой пыли, обломки железа и куски дробленой железной руды. Здесь найдено 12 каменных ступок для дробления железной руды, которую рудокопы добывали в карьере Кресто-Центр.

Ступы в виде четырехгранного бруска с рабочим полем в центре, на котором от ударов образовались ямки диаметром 10—12 см. Девять каменных ступок лежали около «ручной доменки», три — около кузнечного очага. Много шлака и обломков каменных рудодробильных орудий встречено у наружных стен помещения 12.

Комната 6 — в плане квадрат площадью 7 м². Расположена между комнатами 5 и 7. Со смежными помещениями соединена внутренними ходами. Это жилое помещение, ибо следов производства в нем не обнаружено.

Комната 7 — в плане прямоугольник площадью 6,5 м². Расположена в северо-восточном углу помещения. В юго-западном углу комнаты прослежены остатки кузнечного очага в виде полуциркульных пятен, а в северо-западном обнаружен подбой в стене в виде круглой ниши. В ней сохранились инструменты мастера-кузнеца — железные зубила, кузнечный пробойник, а также образцы железной руды, шлаки и куски кричного железа.

Судя по всему, железные предметы имели сакраментальное значение и им поклонялись. Это было в обычае местных племен, особенно периода Тюркского каганата и позже.

Как мы уже говорили, помещение 12 производственное. В нем плавил и обрабатывали кричное железо, изготавливали железные орудия и инструменты. В помещении обнаружены остатки четырех кузнечных очагов для горячейковки и обработки железа и мощная печь («ручная доменка») для плавки железной руды. Следы ее добычи отмечены Н. В. Валукинским и геологами в карьере Кресто-Центра, где руда выходит на поверхность в виде шляпы, покрывающей рудные тела. Внутри помещения и у наружных стен встречены железные шлаки, мелкие куски железа, меди и свинца, обломки горных рудодробильных орудий и целые орудия типа ступки, молотка, отбойника, кричное железо и пр. По материалам, кузница датируется X—XII вв. Ей подобна железоделательная мастерская под № 44. Она расположена к северо-западу от производственного центра городища Милыкудук. В ней восемь комнат общей площадью около 132 м². Хорошо сохранилось каменное основание мастерской с четырьмя перегородками, тремя горнами и «ручной доменкой», такой же как в поме-

Рис. 5. Рудоплавильные печи из Милыкудука (Рисунок Н. В. Валукинского).

щении 12. Около мастерской выявлена яма-кладовая с дробленой рудой и шлаком. Рядом зафиксированы два колодца, выложенные камнем. Из характеристики видно, что это остатки кузницы, в кото-

рой выплавляли и обрабатывали железо. Около мастерской прослежены остатки производственного мусора — шлак, обломки кричного железа и дробленая железная руда, особенно много возле стен.

Большой интерес представляет производственный центр средневековых рудоплавильных печей (XII—XV вв. н. э.), названный Н. В. Валукинским Старинный заводской двор⁵⁰. Первоначально он был огорожен с южной стороны круглой глинобитной стеной с воротами. Диаметр ограды 144 м. Внутри нее отмечены остатки медеплавильных печей, мастерских-кузниц, кладовых и колодцы. К северо-востоку от ограды расположены ямы-водоемы для промывки и мокрой флотации руды. Диаметр ям до 5 м, глубина 0,5—0,6 м. При раскопке этого участка Н. В. Валукинский обнаружил медеплавильные печи (15), кузницы-мастерские, ямы-кладовые (11). В плане все они круглых или прямоугольно-удлиненных очертаний. На участке выявлены также один большой и 20 малых колодцев, укрепленных камнями. У большого колодца было сосредоточено все производство. Вокруг него преимущественно на западной, южной, юго-восточной и восточной сторонах располагались медеплавильные печи. О своих открытиях Н. В. Валукинский в письме от 25 августа 1948 г. писал: «Продолжая раскопки в урочище Милыкудук, я установил теперь 15 печей. Все они оказались вокруг большого колодца. С северной стороны к колодцу примыкает одно сложное помещение для производства кричного железа. Одним словом, теперь у меня целый старинный заводской двор»⁵¹. Все производственные помещения, медеплавильные печи, кладовые, колодцы и другие были нанесены Н. В. Валукинским на развернутый планшет «Заводской двор». К сожалению, этот важный документ (л. 2) с нумерацией рудоплавильных печей, кладовых и колодцев исчез из архива Н. В. Валукинского. Некоторые детали двора имеются на общем плане (л. 1).

Материалы раскопок показывают, что плавка металла производилась в сыродутных печах, остатки которых сохранились на разных участках Милыкудука, а также в плавильных центрах Соркудука и Айнаукуля. Первая печь для плавки руды была обнаружена в 1945 г. во время земляных работ в городской черте Джезказгана. Экскаватор срезал половину ямы, которая оказалась основанием сыродутной печи⁵². Она устроена так же, как и печи для обжига кирпича, зафиксированные в Центральном Казахстане. Печь состояла из устья, обжигательного устройства и устройства воздушной циркуляции. В ней найдены крупные фрагменты тиглей с зашлакованными краями. Толщина стенок тиглей до 35 мм, высота 300—350 мм, диаметр 100—300 мм. Тигли изготовлены из глины с примесью песка и формованы

⁵⁰ Н. В. В а л у к и н с к и й. План заводского двора. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 173, табл. 1.

⁵¹ Письмо находится в архиве автора.

⁵² Н. В. В а л у к и н с к и й. Древняя добыча медной руды в Джезказгане. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 177, л. 14 (рис. 12).

на плетневой основе путем ручной лепки. На них снаружи хорошо сохранились отпечатки плетенки, а внутри — отпечатки пальцев — следы сглаживания. Глину для печи и для формовки тиглей брали на месте. Обломки тиглей в значительном количестве отмечены в культурных слоях Милыкудука и меньше в Айнакуле.

В Милыкудуке обнаружены разные типы печей. К первому относится сыродутная печь. В плане низ ее опущен в землю, стены сделаны кладкой из сланцевых плит высотой до 2 м, площадью 4×4 м. Свод сложен в виде усеченного конуса, он служил дымоходом. В боку его сохранилось отверстие для вдувания воздуха мехами. По-видимому, таких отверстий было несколько. Судя по размеру, печь была предназначена для кучевого обжига руды.

Другой тип — шахтная печь. В прямоугольном плане она размером: длина 2 м, ширина 1 м, с одним дымоходом высотой до 1 м. Основание печи погружено в землю на 1 м, стены высотой 0,6 м возведены кладкой из сланцевых плит с коробовым сводом, под которым устроена трубочка для тяги. По всей вероятности, печь предназначалась для переработки тугоплавких металлов.

Очень своеобразны печи для обжига угля (в плане 30, 45, 48) и дробленой руды (в плане 67—70). Их три типа.

а. Печь (в плане 30) вырыта на пологой поверхности террасы с наклонным подом 1 : 4, длина 2,1 м, ширина устья 1 м, свод высотой 0,5—0,6 м.

б. Печь вырезана в земле на пологой поверхности террасы с наклоном пода к устью. Длина 2 м, ширина 1 м. Стенки обмазаны глиной, на ней сохранились отпечатки пальцев.

в. Печь вырыта в грунте без наклона подовой части. Длина 4 м, ширина 1 м. Стены ее выложены из сланцевых плит с двумя дымоходами высотой до 1 м. Печь имеет два деления, в одном обжигали руду, в другом — уголь. Затем обработанная руда поступала в более высокотемпературную печь шахтного типа, где происходила вторичная переработка. В другой печи такого рода сделано особое устройство для посадки глиняных тиглей, в которых плавляли вторичные продукты, а также легкоплавкий металл, в частности свинец, олово, серебро. Интересно, что подовая часть всех печей ровно засыпана дробленой рудой, а сверху покрыта тонким слоем древесного угля.

Печи, расположенные на пологой прибрежной террасе, неоднократно встречены нами в Центральном Казахстане. Очень много их в Каркаралинской степи. Одна группа таких печей зафиксирована у восточного подножия горы Жамантас, на территории совхоза Бесоба Каркаралинского района. Печи находятся выше поймы горного источника, на наклонной прибрежной террасе. Вторая группа печей расположена на территории того же совхоза, в пойме верховьев р. Нура, в урочище Комултын-Карашоқысы. Благодаря тому, что печи сооружены из больших гранитных плит, они хорошо сохранились. Первоначально мы полагали, что это остатки древнего жилища.

Не менее интересна группа плавильных печей, обнаруженная в 2 км к югу от г. Каркаралинска. В ней насчитывается 6 стандартных печей. Они состоят из пода и поддувала, длина их 12 м, глубина 1,5 м. Печи расположены в большом логе возле водного источника, одним краем примыкают к террасе. На самой террасе выявлены остатки жилых сооружений из камня.

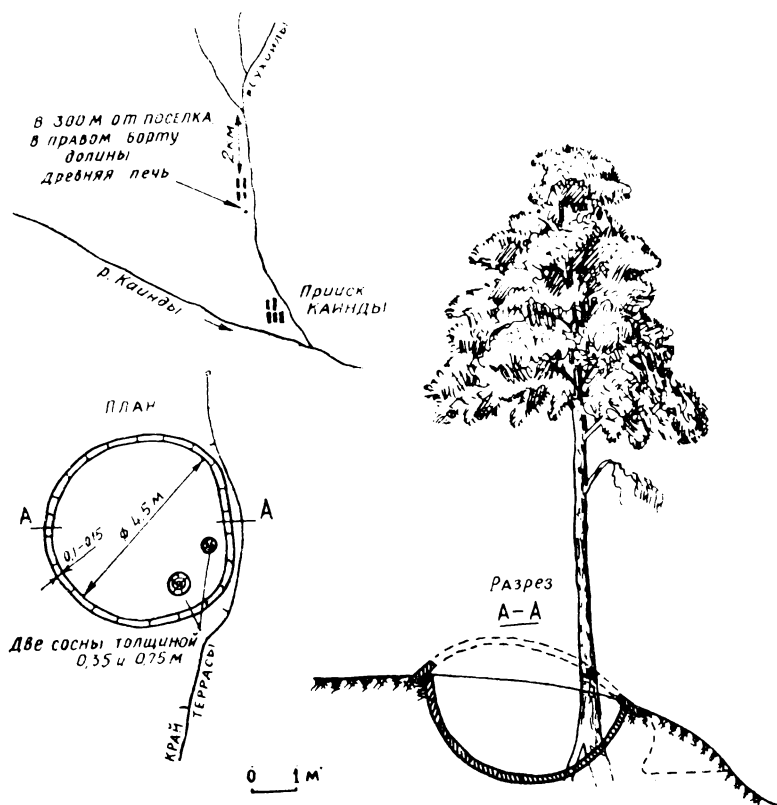

Рис. 6. План и разрез плавильной печи из Восточной Калбы (По чертежу акад. АН КазССР Г. Н. Щербы).

Очень своеобразна плавильная печь, встреченная в Восточной Калбе, возле прииска Каинды, Самарского района Восточно-Казахстанской области. План и разрез этой печи, сделанные в 1951 г. геологом Г. Н. Щербой, были любезно переданы нам. Мы публикуем их впервые. Калбинская печь находится на краю второй террасы долины притока р. Каинды, у нее несколько наклонена подовая часть. Печь в плане в виде круга диаметром 4,5 м имеет глубину 1,5 м. Стены ее сложены из гранитных плит размером 60—70×30—40×10—15 см.

Кладка сделана на глине. В подовой части оказался древесный уголь, шлаков не было. Это говорит о том, что здесь обжигали только уголь. Возле печи выросли две сосны толщиной 0,35 м и 0,75 м — одно из свидетельств древности печи.

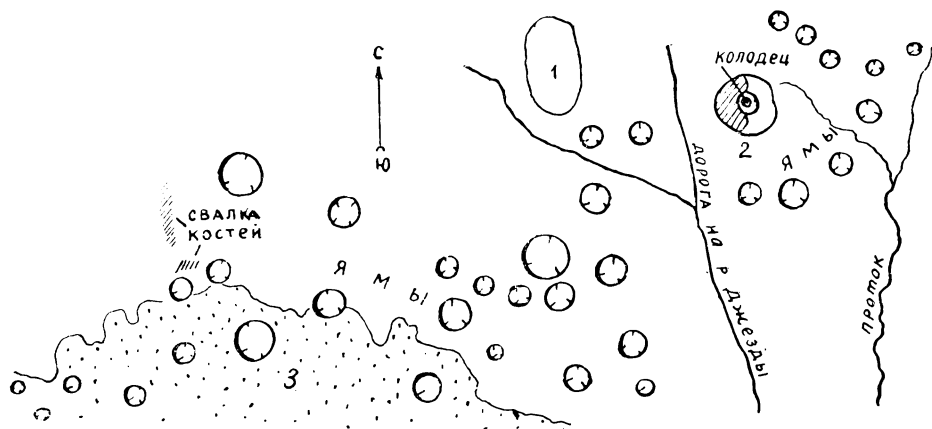

Рис. 7. План северо-западной части поселения Милыкудука.

В печах древнего Джекказгана производилась выплавка различных металлов: меди, свинца, олова, серебра, золота, позже и железа. На это указывают обнаруженные шлаки меди, слитки свинца и серебра, украшения из латуни, меди, серебра, золота и свинца, а также железные орудия и т. д. Судя по материалам, руду плавил по мере потребности. Размельченная и обогащенная руда хранилась у каждого мастера в особых ямах-кладовых. При надобности он брал из склада нужное количество руды и выплавлял металл. Топливом для плавки служили саксаул, степные кустарники, кизяк, а также кости животных. В культурных слоях Милыкудука встречаются образцы и обуглившиеся остатки саксаула, которые теперь хранятся в музее Джекказгана и Геологическом музее Института геологических наук АН КазССР. По подсчету геологов, для плавки 15 кг черной меди требовалась тонна степного кустарника.

На площади основного производственного центра («Заводской двор») возле плавильных печей (№ 67—70) обнаружена значительная гуча шлаков. Они плотные, черные или темно-коричневые, имеют пористый вид. Химический анализ, проведенный геологическим отделом Джекказганского медного комбината, показал, что в них содержится от 0,2 до 2,9% меди.

Для основного производственного центра — «Заводского двора» — было выбрано пониженное место с богатым источником воды в верхнем горизонте, что позволило устроить много колодцев, необходимых

для ручной промывки дробленой руды и мокрого обогащения. Как правило, они трех типов: а) колодцы, выложенные отесанными плитами песчаника и обмазанные цементирующей глиной; б) колодцы, вырытые в почве, обложенные плитами песчаника, но не обмазанные; в) колодцы без облицовки стен.

Многочисленные колодцы разбросаны по городищу (в общем плане № 16, 22, 24, 25, 57—65, 72, 76, 78). Всего изучено около 20 колодцев, они выложены плитами песчаника. Их глубина 2,5—4 м.

Наиболее мощный колодец обнаружен в основном хозяйственном дворе. Его диаметр 5 м, глубина 6 м, стены выложены камнем.

Из хозяйственных сооружений большой интерес представляют и остатки ям-кладовых. Их исследовано 11. Они трех типов: 1) ямы-кладовые (№ 3, 10, 20, 29) круглой формы, диаметр 1,5—2,5 м, глубина 0,8—1 м, выложены плитами песчаника. В них хранилась обогащенная руда; 2) ямы-кладовые (№ 27, 75) круглой формы, диаметр 4 м, глубина 1,5 м с узким коридором. Стены отвесные. Склад дробленой руды; 3) ямы-кладовые (№ 15, 19, 34, 35) удлиненной формы, размером 5×2 м. Еще одно хранилище обожженной руды — яма № 67.

Все ямы-кладовые сделаны возле медеплавильных печей. В кладовых осталась дробленая руда слоем 0,5—0,6 м. Она тщательно раздроблена до размера крупнозернистого песка. Богатый запас такой же руды выявлен около «Заводского двора» при раскопках в 1948 и 1949 гг. Во время ее разбора были собраны интересные предметы. В письме от 13 октября 1949 г. Н. В. Валукинский писал: «Мы успели снять отвалы руды. Находки есть очень ценные — светильник, наподобие подсвечника, лепной, из грубообожженной глины, череп архара со срезанными рогами, крупные фрагменты и ручки от сосудов станковой работы и т. д. Сегодня договорился, чтобы дали геодезиста для застройки заводского двора... Археологическая работа принесет свою пользу и для науки, и для производства... Раскопки дадут столько руды, сколько дает одна шахта в месяц, как определил опытный старший контролер»⁵³.

Важными рудоплавильными центрами в средние века были еще Соркудук и Айнакуль, расположенные в окрестностях Джезказгана. По культуре они сходны с Милыкудуком. В них обнаружены такие же плавильные печи, ямы-кладовые и колодцы. При раскопках Милыкудука, Соркудука и Айнакуля собран богатый материал — горные орудия, кузнечные инструменты, железные поделки, шлаки, слитки свинца, меди, кричного железа, украшения и керамика, основная масса которого теперь хранится в Джезказганском геологическом музее. Большую часть находок Н. В. Валукинский зарисовал с натуры⁵⁴.

⁵³ Н. В. В а л у к и н с к и й. План заводского двора. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 173, л. 9.

⁵⁴ Н. В. В а л у к и н с к и й. Лепная керамика из поселения Кулман на берегу р. Жезды. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 176, л. 36.

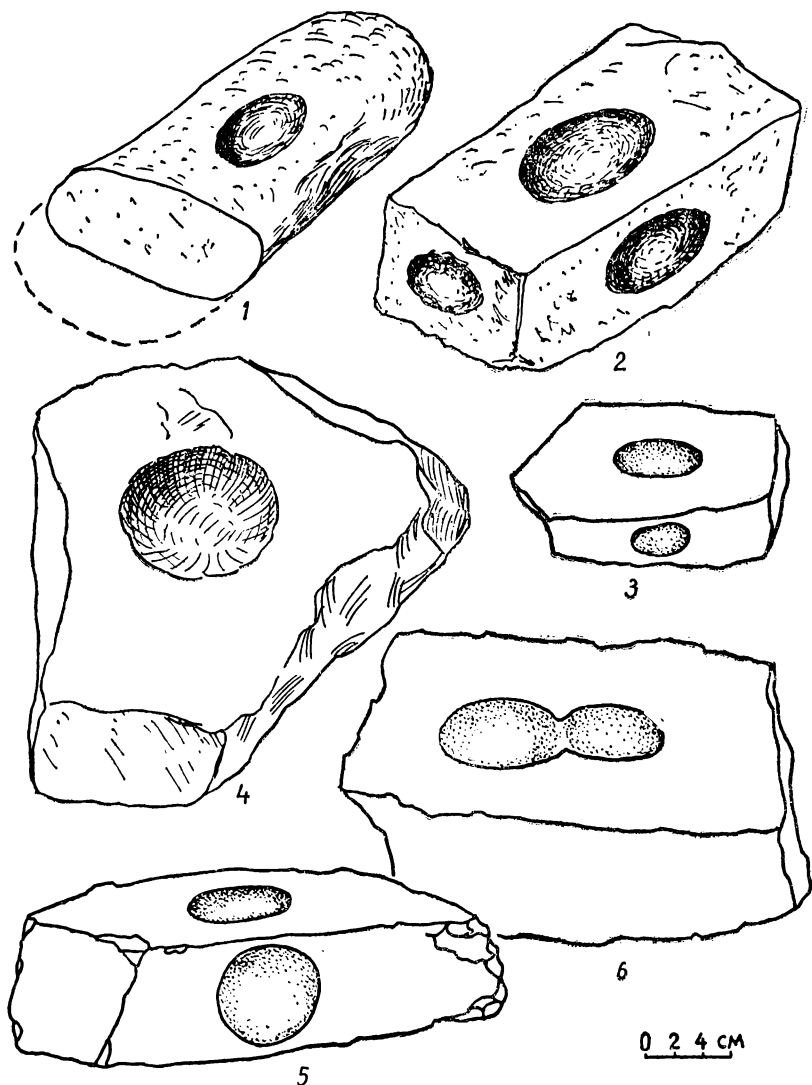

Рис. 8. Каменные ступы для дробления руды (Рисунок Н. В. Валукинского).

Каменные орудия употребляли не только в эпоху бронзы, но и в более позднее время. Поздние каменные орудия имеют хорошо сглаженную (шлифованную) поверхность и более совершенные формы. Больше всего их найдено во втором культурном слое Милыкудука вместе с керамикой, сделанной на гончарном круге, в выработках

Кресто, Петро, Златоуст и др. Их несколько типов. Очень массивны орудия из кварцита, предназначенные для ломки породы — отбойники и молоты весом до 5 кг и больше. Встречены отбойники в виде бруска с тщательно обработанной поверхностью, а также круглые в виде мотыги с отверстием для рукояти. Подобные кварцевые орудия отмечены на дне выработки Петро-Восточный.

Хорошо отшлифованы рудодобильные орудия — каменные молотки, песты с округлым рабочим концом и рукоятью, круглой в сечении, орудия шаровидной формы с хорошо отполированной поверхностью. Значительны каменные ступы четырехгранной, эллипсоидной и трапециевидной формы с хорошо обработанными профилями.

В культурных слоях Милыкудука собрано много точильных и отшлифованных камней, свидетельствующих об искусстве каменотесов Джезказгана VIII—X вв. Среди горных орудий имеются молотки из рогов марала и архара, лопатки крупных животных, употреблявшиеся в качестве совков для сгребания руды, костяной нож для среза глины. Орудий из железа сохранилось мало, большинство из них разрушено коррозией и превратилось в бесформенную массу. Удалось зафиксировать лишь два инструмента: зубило для рубки железа и пробойник для сверления, оба находились в тайнике мастерской 12.

В древнем Джезказгане жили в основном рудокопы, кузнецы, мастера и их подсобный люд. Поэтому здесь очень редки находки украшений из металла. В западной части городища в культурном слое выявлено несколько изящных предметов. Это прежде всего две пряжки. Одна — железная кольцевая, инкрустированная серебром, с орнаментом в виде бараньего рога. Часть орнамента сильно стерта или не закончена, возможно, производственный брак. Пряжка имеет параболическую форму с заостренным кончиком. Она состоит из двух пластинок: медной основы и железного украшения. Пластинки прикреплены друг к другу с помощью зацепов из желтой меди. Другая пряжка из тонкой пластинки серебра с удлиненным параболической формы отверстием. Орнамент сложный, выгравированный из эллипсоидных кружков и цилиндров, с рифлением бортовых линий. В культурных слоях обнаружена и свинцовая пластиночка подквадратной формы с ручкой. Несомненно, это бракованная печать, характерная для XIII—XIV вв.

Очень своеобразны две тонкие железные пластинки треугольной формы с клювовидными концами, орнаментом из мотивов «бараньи рога». Обработка в виде клювов или когтей грифонов напоминает пережиточную форму древнескифского звериного стиля⁵⁵. Пластинки найдены в кургане позднего времени, расположенном вблизи Милыкудука, у Анненского карьера, рядом со старинными выработками. Они украшали переднюю и заднюю луки детского седла. Их орнаментальное поле выгравировано очень тщательно и расцвечено серебряной ин-

⁵⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 337, табл. XXX, 19, 23.

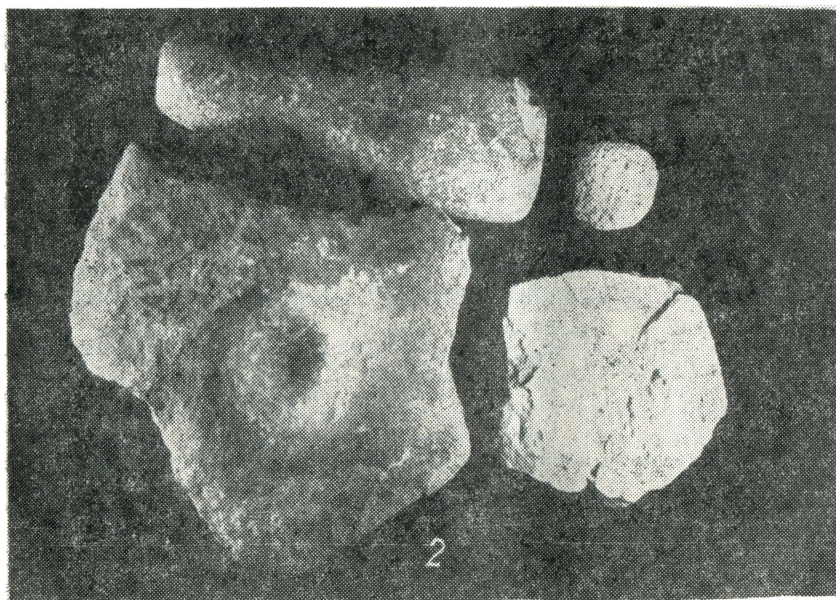
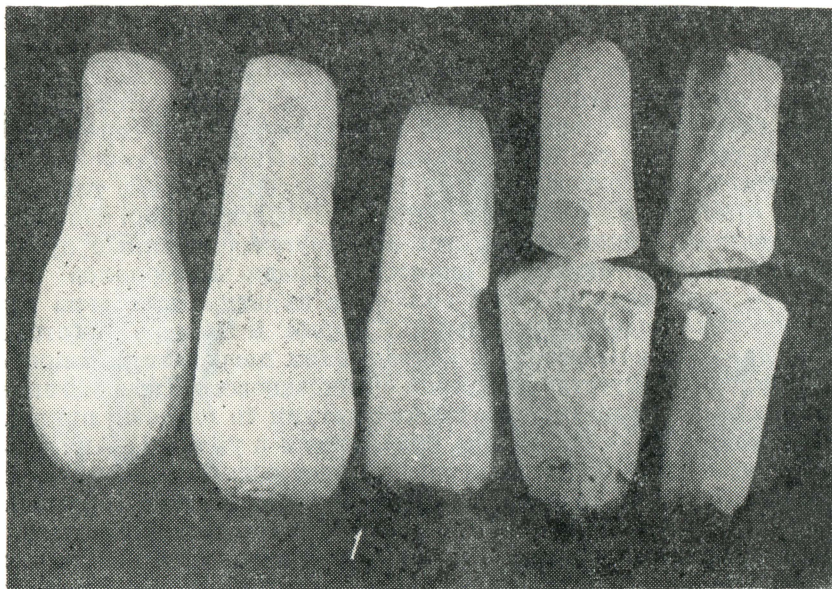

Рис. 9. Каменные рудодробильные орудия (Рисунок Н. В. Валукинского).

крустацией. Пластинки дают представление о тонкой работе мастеров-ювелиров средневекового Джезказгана. Аналогичная бляха треугольной формы с загнутыми концами вверх зафиксирована в половецком погребении на Дону⁵⁶.

Еще одна железная пластинка полуциркульной формы найдена в развалинах старинного поселения Кулман, недалеко от Милыкудука. Она тщательно отгравирована и инкрустирована серебром. Серебро почти стерлось, следы сохранились на выпуклой стороне пластинки. Пластинка относится к набору конской сбруи. Точно такое же украшение отмечено в кургане 23 Ноин-Ула⁵⁷. Несомненно, обе являются произведениями гуннского искусства. Другие описанные пряжки и пластинки имеют близкую аналогию среди материалов периода Тюркского каганата (VI—VIII вв.)⁵⁸ и в культуре кипчаков раннего средневековья⁵⁹. Очень сходная по форме и манере изготовления пряжка найдена на Иртыше в доисламских погребениях кипчаков⁶⁰.

О высоком искусстве ювелиров средневекового Джезказгана говорит уникальная пластинка из тонкой латуни со следами припая. Это накладка детского колчана, она обнаружена в урочище Акчи, в 1 км к западу от Милыкудука. Пластинка имеет форму колчана — кверху расширена, а книзу сужена, причем ее верхний край обрамлен волнообразной бортовкой с полуциркульным выступом по центру. Максимальная длина (с учетом высоты сегмента) 17 см, минимальная 16,5 см, ширина в верхней части 10,5 см, в нижней 8,5 см. Пластинка отличается четкостью модели и соразмерностью боковых частей. Орнамент сделан мастерски. Он имеет три ряда узоров, спускающихся сверху вниз. Боковые узоры составлены из парных коротких линий, заполненных маленькими кружками. Центральное поле темного фона также покрыто рисунком, но из роговых мотивов. В рисунке встречаются древние элементы в виде стилизованных когтей грифонов, характерных для искусства раннегуннского времени и широко известных в курганах Алтая (Шибе, Пазырык)⁶¹. Вполне вероятно, кружки что-то символизировали, возможно, стрельбу из лука.

Пластинка из латуни очень самобытна, ее орнамент имеет много общего с орнаментом предметов из Пазырыкских курганов и памятников искусства западных кипчаков⁶². До недавнего времени она хра-

⁵⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 58, рис. 10, 10.

⁵⁷ Dr. S. Ume h a r a. Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. Tokyo, 1961, p. 41, picture 3.

⁵⁸ С. В. Киселев. Указ. работа, стр. 537, табл. L, 4, 5.

⁵⁹ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, стр. 54, рис. 9, 1, 9; стр. 59, рис. 10, 10.

⁶⁰ Ф. Х. Арсланова. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртыше. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 57.

⁶¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 337; табл. XXX, 19, 24—26.

⁶² Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, стр. 30, рис. 4, 1; стр. 54, рис. 9, 1.

нилась в Джезказганском геологическом музее, сейчас местонахождение ее неизвестно. Рисунок, сделанный с натуры, находится в архиве Н. В. Валукинского ⁶³.

К интересным находкам из Милыкудука относится бронзовая бляха, которая хранится в Джезказганском геологическом музее под № 13 («Чеканная медная круглая пластинка»). Несомненно, это производственный брак. Она найдена в культурном слое, около мастерских. Бляха круглая, накладная, с круглыми отверстиями по краям, шероховатой поверхностью и слабыми наметками каких-то изображений. Диаметр диска 10 см.

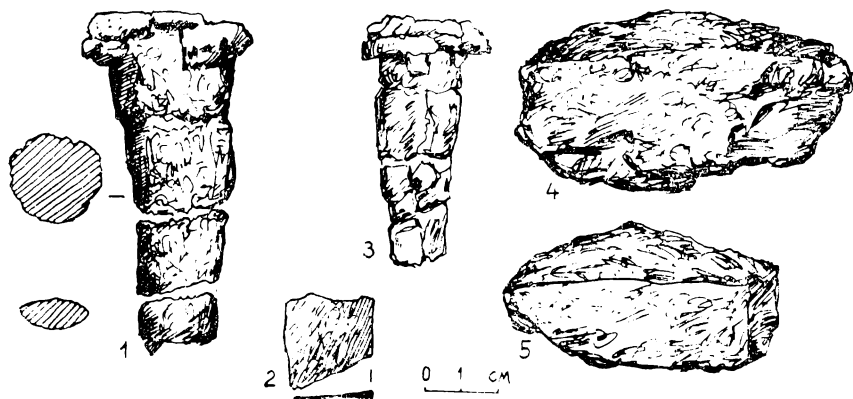

Рис. 10. Остатки железных инструментов и куски кричного железа (Милыкудук).

Аналогичные бляхи круглой формы неоднократно находили на территории нашей страны, особенно часто при раскопках кипчакских курганов ⁶⁴. Они датируются в основном VIII—IX вв ⁶⁵. С бляхой из Милыкудука, очевидно, синхронны железные инструменты из тайника помещения 12.

В культурных слоях Милыкудука встречены остатки чугунных и железных предметов, в том числе однолезвийного железного ножа ⁶⁶. Изделия из железа найдены и в соседних поселениях рудокопов — в Соркудуке и Айнауле, а также на стоянке № 31 ⁶⁷. Так, обломок чугунного котла обнаружен в Айнауле. Обломки чугунного котла выявлены

⁶³ Н. В. Валукинский. Лепная керамика из поселения Кулман на берегу р. Жезды. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 176, л. 37.

⁶⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ, работа, стр. 80, рис. 14, 2.

⁶⁵ А. Н. Бернштам. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1952, стр. 28, 29, табл. X, 1.

⁶⁶ Н. В. Валукинский. Древняя добыча медной руды в Джезказгане. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 177, л. 19.

⁶⁷ Н. В. Валукинский. Древние выработки в районе Милыкудука. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 171, л. 72.

еще в развалинах средневекового замка Болган-ана, расположенного на левом берегу р. Кенгир, в 70 км к юго-востоку от рудника Джекказган. Теперь они хранятся в Центральном музее КазССР⁶⁸.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в период средневековья Джекказган был крупным центром металлургии и ремесел Дешт-и-Кипчака по обработке металла и металлических орудий. Одним из главных занятий местных племен была разработка руды. Добыча железа и меди составляла характерную черту хозяйства племен Тюркского каганата (VI—IX вв.)⁶⁹, затем огузов, кипчаков и канглов (X—XII, XIII—XV вв.). Грандиозные отвалы являются доказательством широкой разработки руды. Специалисты, исходя из объема вынутой руды, считают, что ее добывали не только для внутренней потребности, но и для продажи. Это утверждение согласуется с замечаниями арабских и персидских источников, что кипчаки продают медь в Бухаре, Хорасане и Армении. Фасонное железо в виде четырехгранного бруска весом около 40 кг, найденное в тайнике, возможно, было заготовлено для продажи.

Как показывают материалы исследований, железную руду добывали в самом Джекказгане на участке Кресто-Центр, где наряду с богатой медной рудой были значительные запасы железной руды. Древние выработки железной руды открыты еще вблизи Джекказгана на Найзатасе и около Карсакпая⁷⁰. Эти месторождения медной и железной руды давали сырье для плавильных горнов Милыкудука, Соркудука и Айнаукула.

В Милыкудуке исследованы остатки двух мощных горнов доменного типа, где производилась плавка железа и литье чугуновых изделий. На «заводском дворе» зафиксированы основания 15 плавильных печей, кроме того, печи для обжига руды, угля и керамических изделий. В двух помещениях (12, 44) прослежены остатки комплексного производства, в которых одновременно происходили плавка железной руды и обработка кричного железа. Судя по материалам, техника обработки железа и других металлов довольно разнообразна. Несомненно, существовала специализация по черной и тонкой обработке металлов, например, профессия кузнеца и ювелира. Материалы Милыкудука знакомы с техникойковки, литья, сварки, гравировки, инкрустации, золочения, припайки, амальгамы и т. д. На основе этой техники в мастерских Джекказгана изготавливались разные изделия и прежде всего орудия труда самих мастеров-кузнецов, в том числе и инструменты для всевозможной обработки металлов. Основные продукты ремесла — это оружие и конская сбруя, украшения и предметы

⁶⁸ Фонд Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.

⁶⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 515—516.

⁷⁰ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. I. Алма-Ата, 1967, стр. 68—69, 79; т. 2. Алма-Ата, 1968, 53—87, 90—100, т. 5. Алма-Ата, 1970, стр. 45; И. С. Яговкин. Геологический очерк Джекказган-Улутауского района. В кн.: «Большой Джекказган». Алма-Ата, 1961, стр. 89; М. Р. Убеков, И. П. Новохатский. Карсакпайский железорудный бассейн. Там же, стр. 237, 245.

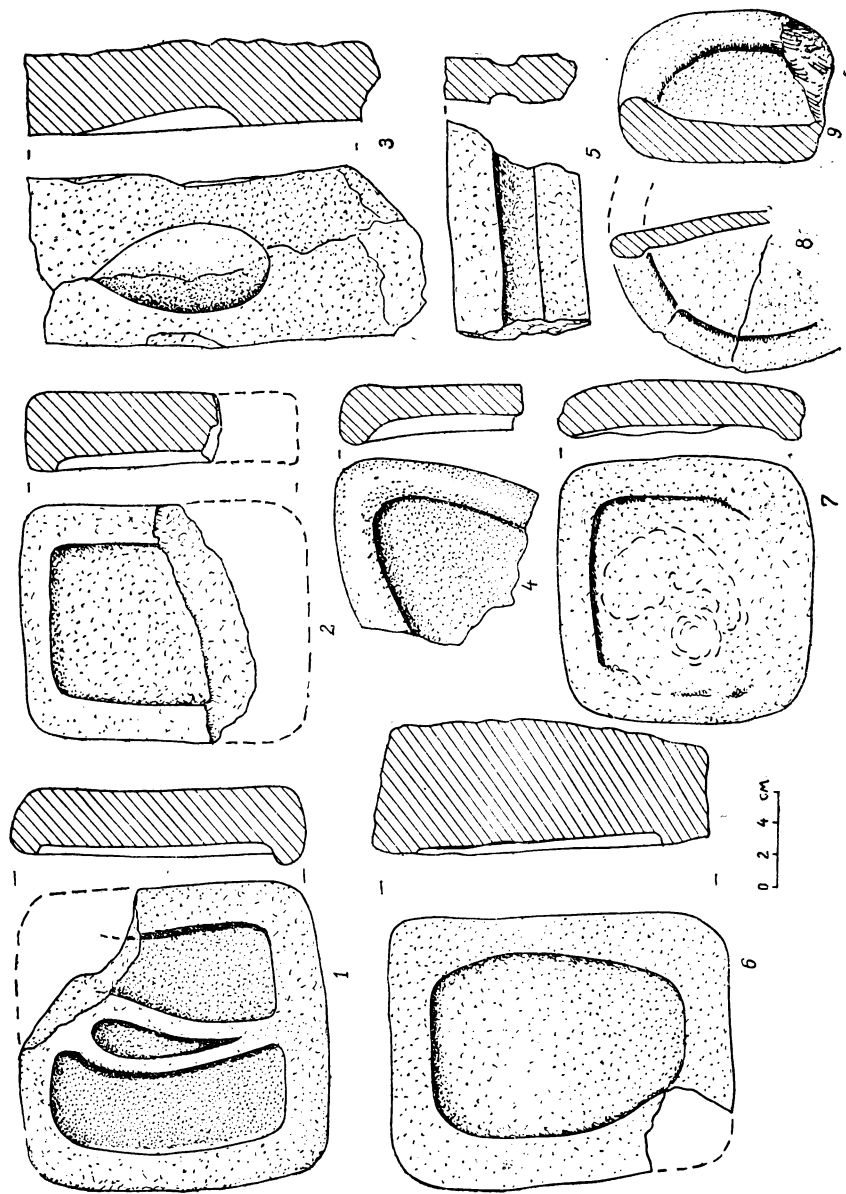

Рис. 11. Литейные формы из Милыкудука (Рисунки Н. В. Валукинского).

бытового обихода (котлы, таганы, топоры, молотки, кетмени, ножи, тесла-долота, пробойники, зубила, чоты, гвозди и др.). В культурном слое Милыкудука встречено много моделей этих предметов.

В период бесконечных войн большой спрос был на холодное оружие из железа, особенно на мечи, сабли, кинжалы, ножи типа селебе, кольчуги, боевые топоры, колчаны, копья, луки, наконечники стрел, шлемы. Некоторые доспехи (кривые сабли, длинные мечи, шлемы, короткие кинжалы) изображены на литейных формах из Джезказгана и каменных изваяниях Центрального Казахстана. Железные и бронзовые наконечники стрел различных типов нередко встречаются в культурных слоях Джезказгана, района предгорий Улутау, р. Сарысу и Бетпак-Далы. Железный наконечник вилообразной формы найден в развалинах Аманбай-Дувала у слияния Кенгира с Сарысу. Подобный наконечник с раздвоенным широким концом был обнаружен в погребениях западных кипчаков. Несомненно, главным местом их производства был древний Джезказган⁷¹. Другим центром изготовления наконечников стрел, как отмечают источники, был Сыгнак. Фирдоуси пишет о красивых луках и стрелах Шаша и Тараза⁷². Надо полагать, что основным источником снабжения Сыгнака железом и другими металлами был Джезказган и другие рудники Центрального Казахстана.

Одной из важных статей ремесленного производства Джезказгана было изготовление сбруи и седельного набора, на которые всегда был большой спрос у степного населения. Степные коневоды, как истые всадники, любили наряжать своих коней, поэтому украшали седла, узду и псаири, расцвечивали серебром и золотом стремена, подпруги, ременные пряжки, нагрудники, подхвостники. Эта традиция сохранялась еще долго у казахов. Инженер Герман, побывавший в прошлом веке в Улутауской степи, писал: «Байсакал и прочие были одеты и вооружены по их обычаю великолепно. На нем пунцовый кафтан, сабля, кинжал в богатой вызолоченной оправе, и убор на лошади также весь вызолочен, осыпан жемчугом, кораллами и бирюзью»⁷³. В Милыкудуке и Айнауле найдены элементы убранства седла и сбруи.

Значительным было и изготовление украшений. Это была очень тонкая и сложная работа. Судя по материалам Милыкудука, украшения делали из различных металлов и сплавов: серебра (концевая пряжка), меди, бронзы (круглая бляха с изображением), латуни (накладка детского колчана), свинца (печать квадратной формы)⁷⁴, цинка (для скрепления частей), железа (пряжки, инкрустированные серебром) и т. д. Классификация находок была произведена на основе дан-

⁷¹ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. 5, стр. 45; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, стр. 26, рис. 3, ВУ, ВХП.

⁷² Фирдоуси. Шах-Наме, т. I. М., 1965, стр. 120, 176.

⁷³ А. Герман. Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь. «Вестник Европы», 1816, № 14, стр. 120.

⁷⁴ Н. В. Валукинский. Древняя добыча медной руды в Джезказгане. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 177, л. 72.

ных химического анализа, проведенного в лаборатории Джекказганского медного комбината.

Из перечисленных предметов наиболее ранние: бронзовая бляха, накладка детского колчана из латуни и железные инструменты, найденные в тайнике помещения 12. Все относится к периоду позднетюркского каганата (VIII—IX вв.). А. И. Иессен датирует их примерно этим же временем. Н. В. Валукинский относит их к несколько более позднему времени — VIII—X вв.⁷⁵ К более позднему периоду принадлежат железные и серебряные концевые пряжки, железные бляхи, инкрустированные серебром. Детали находок выполнены в едином стиле, они выделены с помощью зачипок из желтой меди, латуни и цинка. Зачастую украшения и сбруя более позднего времени сделаны с использованием железа, серебра, меди, латуни и свинца. В одном случае на предмете была и позолота.

Очень редкой находкой являются обломки чугунных котлов, встреченные в культурных слоях Милыкудука, Айнакуля и в руинах Болган-аны. Искусство чугунного литья известно с периода Тюркского каганата, т. е. со времени, когда оно стало важным фактором в хозяйственной жизни местного населения. Как доказательство на территории Казахстана обнаруживаются остатки чугунных изделий раннего средневековья, в том числе чугунных котлов. Очень редкие образцы семи чугунных котлов были найдены в 1958 г. под Алма-Атой, на территории совхоза «Горный гигант». По типу они аналогичны медным котлам того же периода (VI—VIII вв.). Чугунные изделия получили свое дальнейшее развитие позднее — в период Караханидов и в XIII—XIV вв. Остатки чугунных котлов, зеркал и других бытовых предметов встречаются в погребениях западных кипчаков и в золотоордынских городах Нижнего Поволжья и Казахстана⁷⁶.

Важной отраслью ремесел Джезказгана было керамическое производство. По данным источников, у кипчаков существовало хорошо развитое гончарное производство. На это указывает перечень названий глиняных сосудов, приводимых в кипчацких словарях, и обилие керамики городов нижней Сырдарьи, Сарайчика и Волжского низовья. По словарю кипчацкого языка общее название гончарных изделий — *козэ*, гончар — *козечи*, удлиненный глиняный сосуд с растреском — *чигыр козесы*, кувшин изящной формы — *кутга* (куты), кувшин с узким горлом — *манкус*, большой кувшин — *бардак* и т. д., большой резервуар типа хума — *куб* или *куби*. Такой куб с надписью найден в Сарайчике (хранится в Гурьевском краеведческом музее). Перечисленные типы сосудов почти все встречены в культурных слоях Милыкудука, особенно в северо-западной части городища, в основании помещений, в ямах-кладовых, около водохранилищ и, наконец, в

⁷⁵ Н. В. Валукинский. Разные археологические материалы. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 175, л. 16.

⁷⁶ В. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 146, рис. 25; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 89.

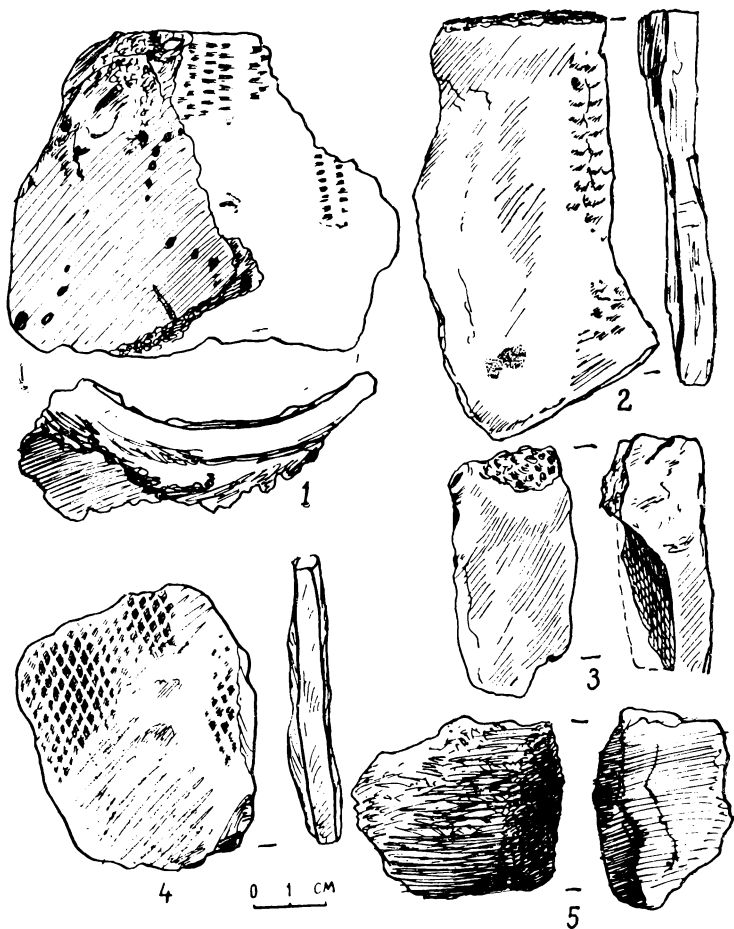

Рис. 12. Фрагменты глиняных тиглей (Милыкудук, Айнаукуль).

отвалах. Немало фрагментов гончарной керамики обнаружено в выработках Кресто-Востока и Златоуста.

Златоуст расположен в 5 км к северу от Джезказгана и является одним из его основных карьеров. В его средневековых отвалах собрано 108 фрагментов крупных сосудов, сделанных на гончарном круге. Сосуды имеют хорошо сглаженные наружные стенки, они формованы из тщательно отмученного теста, прекрасно обожжены. Толщина стенок 8—15 мм. Есть фрагменты сосудов с выпуклыми резными поясками, окрашенными черным ангобом, изящные ручки, узкие горловины, крупные обломки боковин и донца больших сосудов, носики-сливы, крышки с резным орнаментом. У чаш венчики наlepные в форме ва-

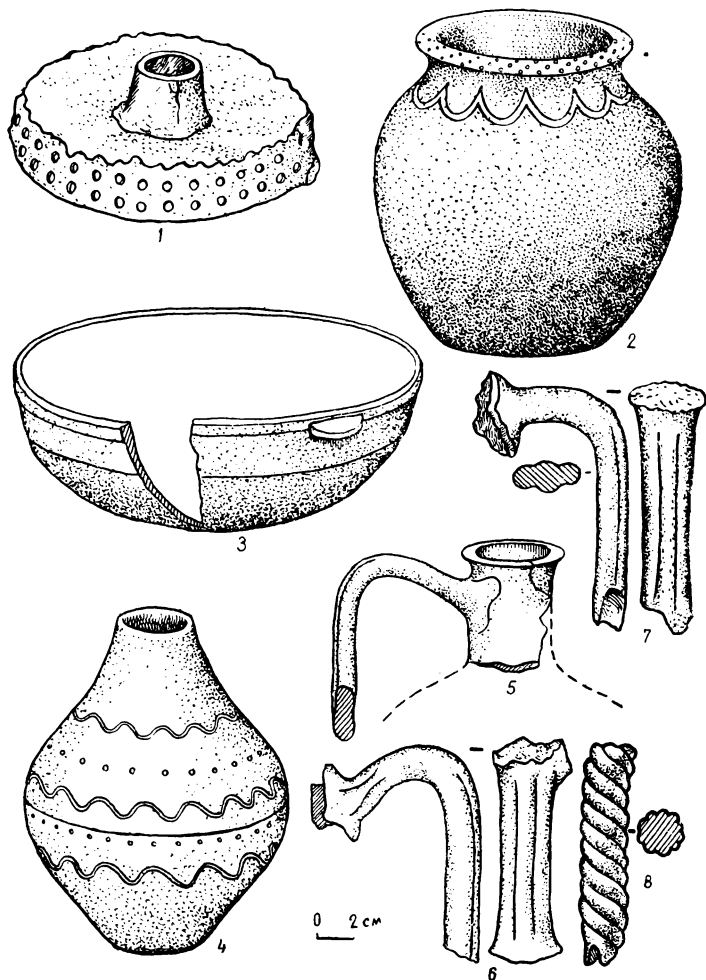

Рис. 13. Керамика раннего средневековья: 1 — глиняный подсвечник (Милыкудук); 2 — лепной сосуд из городища Ногербек-Дарасы (Улутау); 3 — глиняный котел ручной лепки из Милыкудука (рис. Н. В. Валукинского); 4 — кувшин, сделанный на гончарном круге из Милыкудука (рис. Н. В. Валукинского); 5—8 — типы ручек от гончарных сосудов (Милыкудук).

лика, по нему сделаны круглые ямки в виде горошин и спаренные кружки, наподобие восьмерки, ниже прочерчены горизонтальные линии. Ручки сосудов массивны, но выразительны. Отмечены два типа ручек: плоские с прорезными линиями посередине и овальные в сечении, витые с многолопастной формой в сечении.

О гончарном искусстве средневекового Джезказгана можно получить представление благодаря наличию разных типов сосудов из культурных слоев Милыкудука, Айнакуля и Соркудука. Они дали лепную и гончарную керамику. Лепная керамика в основном в виде обломков грубой кухонной посуды найдена в нижних слоях Милыкудука и южнее Кресто и относится к более раннему времени (VI—VIII вв.).

Характерной ее чертой являются налепные венчики в виде валиков с орнаментом из ямочек и насечек. Основа данной техники восходит к культуре эпохи бронзы. Обжиг лепной керамики очень хороший. Это говорит о том, что у гончаров Джезказгана существовала традиция высокотемпературного обжига глиняных изделий (гончарных сосудов, изразцовых и шиферных керамических плит). Особо этим отличается керамика из Златоуста и второго слоя Милыкудука. Данная серия более поздняя, она сделана на гончарном круге, очень прочная. Имеются кувшины, покрытые светлым ангобом с наводкой из темных полос сверху вниз. Они относятся к золотоордынскому времени (XIII—XIV вв.).

Лепную керамику средневекового Джезказгана характеризуют некоторые кувшины, керсены и глиняные котлы из Милыкудука, Раймунда и других участков. Лучшим образцом лепной керамики является целый кувшин, найденный в культурном слое «заводского двора». Он имеет яйцевидное тулово, отбитый короткий носик, овальную ручку, висящую над горлом и соединяющую его с плечиками. По плечикам идут две горизонтальные линии — единственное украшение кувшина. Аналогичные кувшины с такими ручками отмечены в Саркеле и Тмутаракани, которые С. А. Плетнева относит к половцам и датирует XI—XII вв.⁷⁷

С кувшином из Милыкудука синхронны лепные кувшины, обнаруженные в поселениях Кулман (на р. Жезды)⁷⁸ и Ногербек-Дарасы (Улутау). Сосуд из поселения Ногербек-Дарасы имеет шаровидное тулово, плоское дно и налепной венчик, сильно отогнутый наружу. Налепной венчик в виде валика орнаментирован двумя рядами круглых ямочек, сделанных вдавливанием. На плечики нанесена цепочка гирлянд или арок.

Очень сходный с этим сосуд, но сделанный на гончарном круге, найден в культурном слое Милыкудука, в северной части «заводского двора». У него такой же традиционный орнамент, он состоит из арок, опоясывающих плечики, и чередующихся горизонтальных и парных линий. На сходство форм и орнамента лепной и гончарной керамики указывал М. И. Артамонов⁷⁹. Вместе с тем гончарные изде-

⁷⁷ С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 232; ее же. Средневековая керамика Таманского городища. В кн.: «Керамика и стекло Тмутаракани». М., 1963, стр. 30.

⁷⁸ Н. В. Валуйский. Лепная керамика из поселения Кулман на берегу р. Жезды. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 176, лл. 113, 116.

⁷⁹ М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, 1952, стр. 63.

для Джезказгана сохранили традиционные формы лепной керамики более раннего времени (VI—VIII вв.). Лепные кувшины с хорошим обжигом и орнаментированные гирляндами, волнистыми линиями и ямочками являются продолжением традиции кипчакской керамики раннего средневековья. Большое количество подобной керамики собрано при раскопках джезказганской группы поселений (Милюкудук, Акчий, Раймунд, Айнакуль, Соркудук, Кулман) и поселений Улутауских предгорий (Ногербек-Дарасы, Аяк-Камыр). Аналогичная керамика — узкогорлые грушевидные (или яйцевидные) кувшины, орнаментированные гирляндами, волнистыми линиями и вереницей арок, — найдена при исследовании погребений западных кипчаков (половцев)⁸⁰ и культурных слоев городищ Саркела, Тмутаракани⁸¹, относящихся к кипчакам. Это говорит о непрерывной связи и культурном обмене между западными и восточными кипчаками.

В Милюкудуке впервые обнаружен глиняный котел полусферической формы с двумя ручками полуциркульного очертания и слегка срезанным налепным валиком. Диаметр венчика 44 см, толщина стенок 1—1,5 см. Аналогичные котлы из глины с ручками на плечиках или внутренними петлеобразными отмечены в половецких погребениях Южной России⁸², а также в городищах Саркела и Тмутаракани⁸³. Некоторые фрагменты лепной керамики из Джезказгана позволяют получить представление о культуре ранних кочевников.

Из тонкой керамики, сделанной на гончарном круге, интересны полосатые кувшины, раскрашенные черным ангобом. Они узкогорлые, с плоско срезанным краем венчика, вытянутой шейкой, грушевидным туловом и плоскими ручками. Крупные фрагменты этих кувшинов встречены в культурном слое Милюкудука, в отвалах Кресто-Востока и в разное Златоуста. Данный факт весьма важен, ибо дает возможность установить одновременность существования основных участков Джезказгана и свидетельствует о тесном производственном контакте между ними. О высокой технике гончарного искусства Джезказгана говорит украшенный с большим искусством кувшин. Он яйцевидной формы, с прямым срезанным венчиком, узким коническим горлом и конической нижней частью. Орнамент состоит из чередований волнистых линий и ямочек, тулово украшено жирной линией. Весьма своеобразна сама композиция орнамента, имитирующая инкрустацию серебром. Поле орнамента ограничено двумя волнистыми линиями и разделено линией посередине, с помощью которой составлен узор. Орнамент покрывает плечики, переходя на горло и тулово.

⁸⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 88, рис. 15, АІ, АІІ, ВІ; М. И. Артамонов. Указ. работа, стр. 67, рис. 18.

⁸¹ С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи, стр. 230—231, рис. 15, 6—8; е е же. Средневековая керамика Таманского городища, стр. 29—31.

⁸² Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, стр. 88, рис. 15, ДІ.

⁸³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела, стр. 238, рис. 24; е е же. Средневековая керамика Таманского городища, стр. 16—17, рис. 8, 8.

Кувшин относится к золотоордынскому времени (XIII—XIV вв.). Такие кувшины найдены при раскопках городища Сарайчика и городов Нижней Сырдарьи.

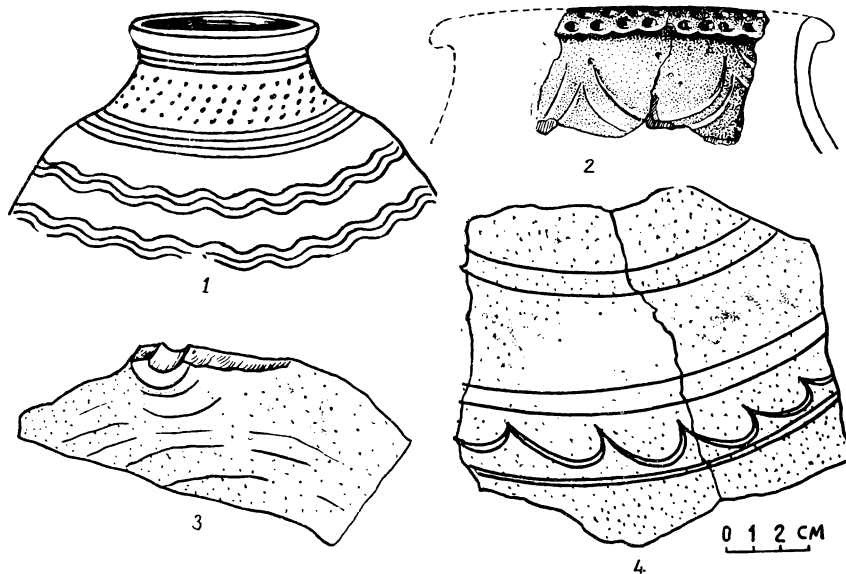

Рис. 14. Керамика раннего средневековья: 1 — поселение Болган-ана; 2 — поселение Кулман; 3—4 — Милыкудук.

Особый интерес представляют обломки фаянсовой посуды, обнаруженные около обжигательных горнов Милыкудука. В основном это фрагменты малых сосудов типа чашек, покрытых белой и голубой поливой. На светлый фон нанесены темные и бурые полосы, расстояние между ними 20—25 мм. Толщина стенок фаянсовой посуды 4—5 мм. Судя по наличию производственного брака, одним из мест изготовления фаянсовой посуды был средневековый Джезказган. Среди производственного брака имеется конический поддон, или подставка от большой вазы со следами голубой поливы, а также фрагменты изразцовых плит, покрытых зеленовато-голубой глазурью. Таким образом, в керамических обжигательных печах Милыкудука производились фаянсовые чаши, красивые вазы и изразцовые плиты для облицовки монументальных сооружений.

Небезынтересно, что в 45—60 км к северу от Джезказгана, на берегу р. Кенгир находится ряд мавзолеев с голубыми куполами. Это мавзолеи Алаша-хана, Жоши-хана, Жансеита, Келинтам, Бестам, Киикпайтам и др. Плиты с голубой поливой из Милыкудука по размеру и технике поливы идентичны плитам с этих мавзолеев, особенно Жоши-хана, построенного в конце 20-х годов XIII в. Основным красителем стекла были кобальт, малахит, азурит и окиси разных элемен-

тов, в том числе железа. Месторождение кобальта расположено недалеко от Джезказгана, в местности Итауз⁸⁴. При вскрытии гробницы Алаша-хана в ней было обнаружено около 5 кг синего стекла. По спектральному анализу в его составе имелись элементы: силиций (Si), магний (Mg), натрий (Na), алюминий (Al) выше кларка; титан (Ti), кальций (Ca), стронций (Sr), медь (Cu) примерно около кларка; железо (Fe) и марганец (Mn) ниже кларка. Полный силикатный химический анализ этого стекла дал следующие результаты:

Наименование	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	H ₂ O	Сумма
Стекло из мавзолея Алаша-хана на р. Кенгир	57,38	0,14	6,21	3,10	7,49	4,14	8,48	10,80	0,18	97,82
Стекло нашей современной промышленности	67,50	—	2,50	—	7	—	14	—	—	—
Стекло Пайрекс	80,89	—	2,05	2,03	0,13	—	4,51	0,67	—	—

Профессор А. Ж. Машанов, руководивший работой отдела Института геологических наук АН КазССР, в объяснительной записке к анализу писал: «Стекло из кенгирского мавзолея является сравнительно низкотемпературным и с низким содержанием кремнезема (SiO₂), но отличается высоким содержанием окиси щелочных элементов и других примесей. Необходимо отметить присутствие меди в составе стекла»⁸⁵. Все это свидетельствует о зарождении в средневековом Джезказгане силикатного производства. В жизни древнетюркских племен голубой цвет (*кок*) имел культовое значение, он символизировал голубое небо (*кок тангри*). Потому богатые люди купола мавзолеев своих предков обкладывали голубыми плитами, а в сами гробницы помещали голубые камни. Этой традиции придерживались и последующие поколения, включая потомков Тимура.

Интересно, что в основаниях мастерских Милыкудука обнаружено немало мелких зернышек цветных камней, в том числе малахита, азурита, кварца, кремния, опала, цветного мергеля, цветных глин. Отсюда ясно, что в мастерских Джезказгана обрабатывали и цветные камни. Наличие обломков мергеля, песчаника, диорита и других камней является доказательством существования здесь каменотесного дела, изготовления каменных изваяний, которые встречаются очень часто в Улутауском районе.

Наряду с предметами бытового обихода в отвалах Джезказгана

⁸⁴ К. И. Сатпаев. Избранные труды, т. 5. Алма-Ата, 1970, стр. 42; И. К. Ахметов. Основные черты геологического строения рудного поля Джиландинской группы. В кн.: «Новое в исследованиях руд Джезказгана». Алма-Ата, 1970, стр. 28, 30.

⁸⁵ Анализ с заключением А. Ж. Машанова находится в архиве автора.

встречены крупные фрагменты очень емких сосудов, изготовленных специально для производства. Такие сосуды могли быть употреблены для ручной флотации или мокрого обогащения руды. Около обжигательных печей найдены кувшины удлиненной формы с раструбом, сделанные для водоподъемных машин (чигири).

Рис. 15. Разные типы керамических сосудов (Милыкудук).

Специальное назначение имеет лепной подсвечник круглой формы с отбитой ручкой и короткой трубкой посередине. Диаметр круга 15 см, высота 4 см. По всему верхнему краю подсвечника сделаны специальные зазубрины для закрепления фитилей. Снаружи подсвечник украшен орнаментом из рядов круглых ямочек. Подсвечник использовался не только для освещения помещения, но и для сохранения огня и разжигания печи. При отсутствии в то время механического зажигателя сохранение огня было очень важно. По форме и орнаментации подсвечник архаичен. Он связан с лепной керамикой кипчакской степи VIII—X вв.

Возле плавильных печей зафиксировано много обломков глиняных тиглей, вылепленных на плетеной основе цилиндрической формы. В процессе обжига плетенка сгорела, остались лишь следы от нее.

Здесь же обнаружен целый тигель цилиндрической формы с зашлакованными краями. Толщина стенок 35 мм, диаметр в разных местах от 100 до 300 мм с расширением кверху, высота 300—350 мм. Джекказганский тигель аналогичен тиглю, хранящемуся в Семипалатинском краеведческом музее под № 1318—89, который найден в Зайсанском уезде, в урочище Тункур. Сходство плавильных горшков из разных и притом отдаленных районов Казахстана свидетельствует о существовании в металлургическом производстве стандартных форм орудий производства, в том числе тиглей. По наблюдению А. И. Иессена, глиняные тигли служили для плавки промежуточного продукта, а не исходной руды⁸⁶. Точка зрения С. С. Черникова, что глиняные тигли употреблялись для разливки металла не убедительна⁸⁷.

В культурном слое Милыкудука и на отвалах Кресто-Центра встречена большая серия литейных форм для отливки бронзовых, железных и других изделий. Найдено свыше десяти моделей. Большинство из них предназначено для отливки холодного оружия, в частности копий, стрел, булав, ножей, топоров и пр., а также предметов быта, украшений. Большинство литейных форм изготовлено из камня в виде плоских, подквадратных или прямоугольных плиток с некоторым закруглением в углах. Поверхность моделей хорошо отшлифована. Размеры литейных форм различные (25×22; 22×30; 20×18; 18×16; 15×11; 14×9 см). Имеются литейные формы в виде удлиненного овала с рисунком листовидного наконечника копья и неполного круга для отливки бронзовых зеркал. Кроме каменных моделей в культурном слое Милыкудука встречены фрагменты литейных форм из бронзы.

Находка модели бронзового зеркала в Джезказгане должна изменить наше традиционное представление о том, что бронзовые зеркала в кипчакской степи были только привозные.

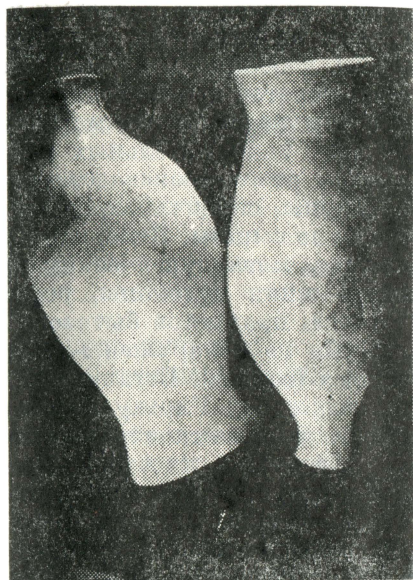

Рис. 16. Образцы гончарных сосудов для чигирей.

⁸⁶ Н. В. Валукинский. Разные археологические материалы. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 175, л. 15.

⁸⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 132.

Описанный материал подтверждает, что средневековый Джезказган был важным ремесленным центром Дешт-и-Кипчака. Здесь существовали крупные мастерские с большим числом обжигательных и плавильной печей. Это были места сосредоточения различных ремесел, в том числе гончарного, железоделательного, каменотесного, производств фаянсовой посуды и изразцовых плит. В таких мастерских работали не одиночки, а группы мастеров-гончаров, каменотесов, кузнецов, ювелиров и др. Изготовление поливной и гончарной керамики, производство изразцовых плит, обтеска каменных изваяний и другая трудоемкая работа не могли происходить без специальных приспособлений и дополнительных рабочих рук, т. е. подмастерьев. В осуществлении этого производственного процесса важное значение имели и рудокопы, специализировавшиеся на добыче руды и снабжавшие мастерские сырьем. Ясно, что в древние и средние века Джезказган был важным металлургическим центром по добыче и обработке металлов. Здесь жили рудокопы, ремесленники, занимавшиеся изготовлением оружия, предметов бытового обихода и украшений. Поэтому в Джезказгане не обнаружены следы крупных общественных зданий типа замков (сараев). Богачи страны жили, как пишет Абулгази, в живописных горах Улутау и Арганаты, где и поныне сохранились руины феодальных замков и красивых мавзолеев.

Огромный масштаб вынудой, хорошо раздробленной и обогащенной руды, наличие большого числа плавильных печей и крупных мастерских дают основание заключить, что медь и железо в древнем Джезказгане производились не только для покрытия внутренних потребностей, но и для внешнего рынка. К сожалению, эти важные вопросы истории Казахстана еще не достаточно изучены. Перед археологами стоит задача исследовать их.

САКИ АЗИАТСКИЕ И СКИФЫ ЕВРОПЕЙСКИЕ (Общее и особенное в культуре)

Н. А. АНИШЕВ

Материальная культура скифских, савроматских и сакских племен евразийских степей имеет много общего. Эту общность обусловили факторы как внутреннего развития, так и внешнего воздействия (генезис и конвергентность, связи и влияние, миграция и военные походы). Степень изученности памятников этих племен далеко не одинакова. Лучше исследованы история и культура скифских племен Причерноморья, Приднепровья, савроматов и сарматов Поволжья, Заволжья, Приуралья и значительно хуже — древности сакского времени Средней Азии, Казахстана и Сибири.

В настоящее время сакология все еще находится на стадии накопления фактического материала. До сих пор мы достаточно ясно не представляем, что такое культура племен сакской общности, точнее, четко не отличаем сакскую культуру от скифской или савромато-сарматской.

Разработанная хронологическая шкала скифской культуры кладется в основу датировки сакских древностей, причем с обязательной коррекцией на омоложение примерно на два века.

Неизученность памятников, неразработанность хронологии культуры приводили к поискам формально-типологических аналогов в территориально далеком, но по культуре близком скифском мире. На начальном этапе изучения сакских древностей это было необходимо и сыграло положительную роль в становлении и развитии сакской археологии.

Поиски только общего и близкого создали мнение о монокультурности, о существовании скифской Ойкумены на огромной территории от Понта Евксинского до Серских скифов. Региональное разделение ее на европейскую Скифию и Скифию азиатскую носило географический характер, а не историко-культурный.

За последние десятилетия в изучении древностей племен сакской общности достигнуты значительные успехи. Открыты и исследованы знаменитые башадарские и пазырыкские курганы на Алтае (Руденко, Грязнов), памятники майэмирской и тагарской культур Сибири (Грязнов, Киселев, Членова), погребальные сооружения Памира и юга Казахстана (Бернштам, Литвинский), монументы и города приаральских саков (Толстов, Итина, Вишневская), бесшатырские пирамиды и курганы Иссыка в Семиречье (Акишев), курганные могильники Центрального Казахстана (Кадырбаев) и чиликтинские курганы Тарбагатай (Черников).

Раскопки этих памятников дали значительный материал, свидетельствующий о близости основных компонентов культуры — погребального обряда, посуды, вооружения, конского снаряжения, прикладного искусства, аксессуаров быта и украшений. Однако близость не означает этнографическую однородность культур сакского типа. Напротив, при большом сходстве культура каждого из районов пространства имеет локальные своеобразия.

В то же время каждая из них еще в большей степени, чем друг от друга, отличается от культуры скифов и савроматов. Изучению этого вопроса посвящена данная статья.

Современный уровень наших знаний археологических и палеоантропологических источников о районах Скифии европейской и Скифии азиатской убеждает в том, что утвердившееся мнение о монокультурности этих регионов во многих аспектах неверно.

Сведения этих источников подтверждают, на наш взгляд, то, что культура этнически разных племен степной полосы Евразии была лишь скифоидной по формально-типологическим признакам и местной по этно-социальному содержанию.

Теория о единстве культур скифского времени евразийских степей основывалась исключительно на блеске золота и бронзы, на таких элементах культуры, как «скифская» триада¹, при этом недостаточно учитывались менее яркие, но не менее важные ее компоненты, как погребальный обряд, керамические сосуды, предметы быта. Между

¹ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 93.

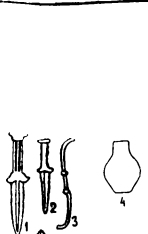
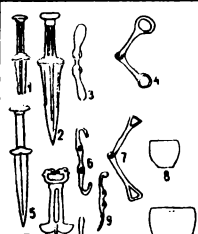
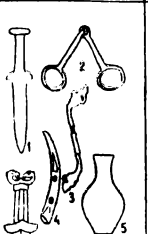
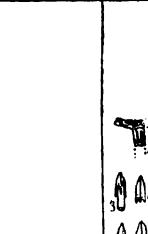
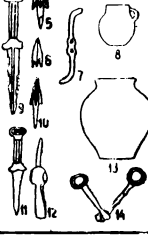
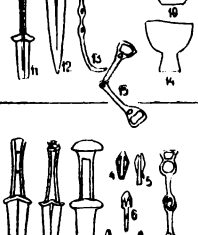
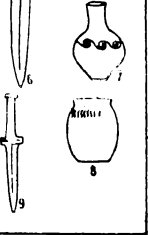
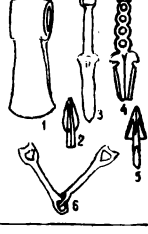
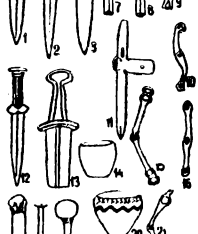
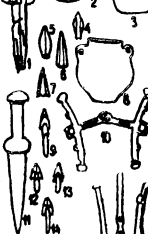
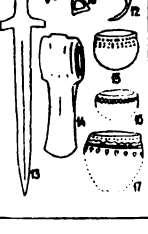
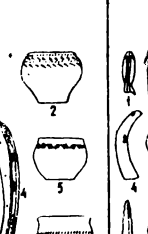
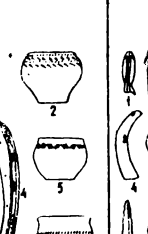
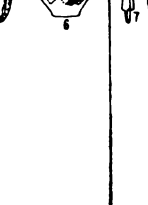
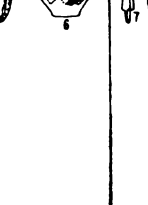
	ТУВА	СИБИРЬ	АЛТАЙ	ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН	СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН	ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН	ПРИАРАЛЬЕ
III - I BB.							
IV BB.							
V BB.							
VI BB.							
VII BB.							

Таблица I. Предметы вооружения, конского снаряжения и посуда Ев

СЕМИРЕЧЬЕ	ПАМИР	ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН	ПРИУРАЛЬЕ ПОВОЛЖЬЕ	КАВКАЗ	СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

разли эпохи поздней бронзы и раннего ж

тем именно эти составные части культуры имеют принципиальное значение для определения ее генезиса и выяснения этнической истории племен.

Особенно важен погребальный обряд. Он характеризует идеологические представления и религиозные убеждения и поэтому наиболее устойчив и консервативен. Напротив, посуда, предметы быта и украшения подвержены частым изменениям. Появление новых форм керамических сосудов и орнаментации их обуславливались «индивидуальными» потребностями, установившимися традициями и сложившимися вкусами крупного или мелкого, но конкретного объединения людей. В этом смысле керамика в какой-то мере может быть этническим определителем. Погребальный обряд и керамика — единственные источники среди археологического материала, на основе которых можно судить об этнической разнородности древнего населения, оставившего изучаемые памятники. При этом вероятность ошибки значительна. Различия сравниваемых погребальных обрядов и керамических традиций можно объяснить лишь двумя причинами: разным этносом и разным образом жизни родственных этносов в различной географической среде. В обоих случаях в выводах следует учитывать данные палеоантропологии.

Всегда подчеркиваемая общность вооружения и конского снаряжения в значительной степени также кажущаяся. В меньшей степени это относится к прикладному искусству «звериного стиля». По-видимому, искусство и мода и в древности не знали границ и сравнительно быстро распространялись вширь благодаря торговле и вследствие войн. Поэтому изучение предметов искусства менее перспективно для разработки интересующего нас вопроса, а установление первичной родины искусства «звериного стиля» и вторичной родины бытования или конвергентного возникновения его в нескольких регионах — проблема всей скифо-сакской археологии.

Наша задача значительно скромнее — сравнительное изучение таких элементов скифо-сакско-савроматской культуры, как вооружение, конское снаряжение, погребальный обряд, керамические сосуды.

Бронзовые, железные и биметаллические кинжалы-акинаки, их типы аналогичны на всей территории евразийских степей начиная с VII—VI вв. до н. э. Хорошо разработана хронология оружия Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, значительно хуже — районов, лежащих к востоку.

Более или менее обоснованно могут быть определены истоки происхождения бронзовых кинжалов только Сибири, Алтая и Казахстана, т. е. тех районов, где распространены карасукская и близкая ей дандабай-бегазинская культуры.

Мнение (Киселев, Членова) о том, что прототипом их являются карасукские кинжалы с шипами (на месте перекрестия) представляется обоснованным. Тем более, что именно майэмирские и раннетагарские кинжалы демонстрируют переход «шипов» уже в настоящее пе-

рекрестие, которое предлагается определять как прямое перекрестие (Членова).

Карасукские «шипастые» кинжалы были распространены не только в Сибири, но и далее на запад, в Северном и Центральном Казахстане. Однако находки последних лет говорят о том, что в X—VIII вв. до н. э. в Казахстане существовала и другая форма кинжала, подосновой которой были андроновские выемчатые кинжалы. Пока их найдено всего два, один из них — в Восточном Казахстане, второй — в Семиречье (случайная находка). Восточно-казахстанский кинжал обнаружен вместе с сосудом в разграбленной могильной яме. Оба кинжала имеют обоюдоострые с жилкой клинки (ромбовидного сечения), обособленные плоские черенки, на которые, видимо, насаживались деревянные или костяные рукоятки; в верхней части клинка сохранились выемки, характерные для кинжалов алакульского времени. Бронзовый кинжал из Восточного Казахстана имеет перекрестие прямоугольной формы (табл. 1, графа «Восточный Казахстан», рис. 8; графа «Семиречье», рис. 13).

В Туве и Средней Азии, Северном Причерноморье и Поволжье исходные формы акинаков пока неизвестны, в VII—VI вв. до н. э. здесь бытовали кинжалы широко распространенных, развитых форм.

В V—IV вв. до н. э. повсеместно изменяются формы бронзовых и железных кинжалов. В богатых захоронениях Скифии появляются кинжалы и мечи, рукоятки которых обложены листовым золотом с тисненными фигурками животных.

В Северном и Центральном Казахстане известны своеобразные бронзовые кинжалы с широкой рукоятью и волнистым краем, орнаментированной, как отмечает М. П. Грязнов, рядами волн в виде бегущей волны².

Аналогичные казахстанским кинжалы известны и в Ташкентском оазисе³ и Прикамье⁴. Таким образом, область распространения этих своеобразных кинжалов выходит за пределы Казахстана.

Бронзово-железный акинак с богато орнаментированной в «зверином стиле» рукоятью и необычайной формой перекрестия обнаружен в сакском погребении Восточного Памира⁵. В захоронениях Поволжья часты находки акинаков с зооморфным навершием, форма перекрестия их претерпевает изменения и становится более разнообразной⁶.

² М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 12, рис. 3; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 344, рис. 38.

³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 339, табл. 40.

⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьевскую эпоху. МИА, № 36, 1952, табл. 21.

⁵ Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, стр. 3, рис. 2.

⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1964.

Хотя бронзовые, железные, бронзово-железные кинжалы с зооморфным навершием распространены на большой территории, но, видимо, только в Казахстане и на Алтае бытовали кинжалы с навершием в виде обращенных друг к другу головок ушастых грифонов. К этому же типу относится уникальный железный акинак, случайно найденный в районе г. Алма-Аты. Он имеет двулезвийный клинок с продольной жилкой, рубчатую (в виде трех валиков) рукоять и широкое бабочковидное перекрестие. Навершие кинжала выполнено в виде двух, обращенных друг к другу головок фантастических хищных животных — тигриных грифонов. Аналогии ему нам неизвестны (табл. II, графа «Семиречье», рис. 2).

Общий контур изображения подчеркнуто реалистично передает морфологические особенности хищника кошачьей породы, но на месте нижней челюсти изображен клюв орла⁷.

К типу кинжалов более раннего времени (VI—V вв. до н. э.) с зооморфным навершием (точные аналогии ему нам неизвестны) относится бронзовый акинак, случайно найденный в окрестностях с. Кугалы (Алма-Атинская обл.)⁸. Он имеет клинок с продольной жилкой, рубчатую рукоять с двумя валиками и почковидное перекрестие. Массивное навершие оформлено в виде двух колец. По форме навершия кинжал может быть сопоставлен с кинжалами, имеющими когтевидное навершие, распространенными в Поволжье и Приуралье⁹, в Казахстане¹⁰, на Киевщине и Полтавщине, в Курской области¹¹ и в Поднепровье¹². Наиболее близок по форме навершия кугалинский кинжал к железному акинаку VII—IV вв. до н. э. из Нестеровского могильника Северного Кавказа¹³.

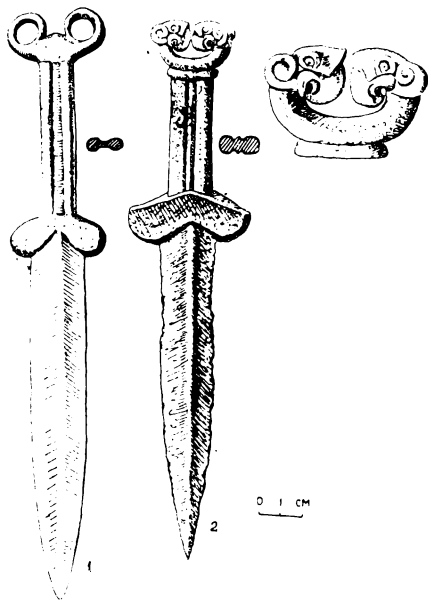

Таблица II. Бронзовый и железный кинжалы. Семиречье. Случайная находка.

⁷ Хранится в Центральном музее г. Алма-Аты, № КП-10644.

⁸ Там же, № КП-10647.

⁹ К. Ф. Смирнов. Указ. работа, таблицы.

¹⁰ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология, 1956, стр. 256, табл. II, 3.

¹¹ Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках в Курской области. МИА, № 113, 1962, стр. 131, рис. 1.

¹² П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 160, табл. 1.

¹³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 482, табл. XII, 1.

Находки бронзовых кинжалов с рубчатой рукоятью и когтевидным навершием известны из Северного Китая¹⁴ и могильника Кызылгын в Туве¹⁵, но датируются они более поздним временем, чем выявленные на Западе, V—III вв. до н. э.

Районами бытования начиная с VII в. до н. э. устойчивых однотипных с рубчатой рукоятью, бабочковидным и сердцевидным перекрестием и валиковым навершием бронзовых и железных кинжалов являются Тува, Сибирь, Алтай, Казахстан и степная часть Средней Азии, т. е. территория, населенная племенами сакской общности. В этих районах генезис культур кочевнического типа на андроновско-карасукской основе, близость этнического происхождения и территориальное соседство обусловили «унификацию» форм кинжалов.

Однако кинжалы — не единственные предметы культуры, основные типы которых общи для этих районов. В это же время здесь были распространены одинаковые формы бронзовых наконечников стрел. Причем особенностью сакского круга памятников является одновременное появление и совместное бытование двух типов наконечников стрел: втульчатых и черешковых, на что мы уже обращали внимание в другой работе¹⁶.

На территории обитания племен сакской общности первые находки бронзовых наконечников стрел относятся к XIV—XI вв. до н. э. Они обнаружены в Центральном и Восточном Казахстане¹⁷ в хорошо датированных могильниках алакульского времени, причем в одном захоронении находили втульчатые и черешковые наконечники стрел двуперой формы.

Крупные втульчатые наконечники стрел подразделяются на типы по размерам втулок: длинной, короткой и скрытой, а черешковые по форме пера: длинного под прямым углом, срезанного у начала черенка, укороченного и широкого листовидного, косо срезанного у черенка и короткого с опущенными вниз концами.

Двуперые наконечники стрел повсеместно в районах распространения этого вида оружия являются архаичной формой. Как видим, Казахстан также не составляет исключения, более того, казахстанские двуперые наконечники, по-видимому, одни из древнейших на территории нашей страны (табл. I, графа «Центральный Казахстан», рис. 1, 2).

¹⁴ Н. Л. Членова. Место Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. Ученые записки Тувинского науч.-исслед. института языка, литературы и истории, вып. IX. Кызыл, 1961, стр. 148, табл. 1, 15.

¹⁵ Там же, табл. 1, 8.

¹⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 121.

¹⁷ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. работа, стр. 271, рис. 2—6; С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 54, рис. 21, 2.

В дандыбай-бегазинское время, в X—VIII вв. до н. э. продолжают употребляться двуперые втульчатые наконечники стрел. Они становятся меньше размером, утрачивают длинную втулку; в то же время появляется новый тип двуперых втульчатых наконечников с острым вниз опущенным жалом на укороченной втулке, который был широко распространен в VII—VI вв. до н. э. у скифов и савроматов.

Исчезают двуперые черешковые наконечники, их заменяют крупные трехлопастные наконечники с длинным сплюснутым черенком. Эти архаические формы наконечников продолжают сохраняться в раннесакское время, в VII—VI вв. до н. э. С этого времени втульчатые и черешковые наконечники стрел распространяются повсеместно в районах обитания племен сакской общности и, судя по находкам, изготавливаются в большом количестве. Одновременно появляются новые типы стрел с трехгранной формой боевой части, со втулкой или черенком. Несколько изменяются и трехлопастные черешковые наконечники, возникают переходные формы от трехперых к трехгранным.

В конце VI — первой половине V в. до н. э. продолжают бытовать крупные трехгранные с длинным черенком наконечники стрел, вырабатывается и новая форма — втульчатая, трехгранная с гранями, которые заканчиваются шипами.

В V в. до н. э. формы наконечников стрел становятся еще более разнообразными и совершенными: сохраняются два основных типа — втульчатые и черешковые; исчезают копьевидные лавролистные; широкое распространение получают трехгранные стрелы со втулкой и черенком, бытуют трехперые черешковые наконечники; появляются две новые формы — четырехгранная со скрытой втулкой, грани которой заканчиваются шипами, и трехлопастная с укороченной втулкой. Уменьшается размер наконечников стрел, исчезают крупные и тяжелые, изготавливаются изящные по форме и миниатюрные по величине.

В IV—III вв. до н. э. для Казахстана характерны втульчатый тип наконечников стрел, черешковые почти пропадают. Основными формами в этот период остаются трехгранные и четырехгранные со скрытой втулкой и трехлопастные с укороченной втулкой.

К этому времени в результате тысячелетней эволюции наконечников стрел вырабатываются наиболее удобные и стабильные их форма и размер.

С IV—III вв. до н. э. единые формы наконечников стрел получают распространение на огромной территории, начиная от Монголии и Тувы и кончая Северным Причерноморьем.

С VIII—VII вв. до н. э. в Туве, Сибири, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии бытуют одни формы бронзовых наконечников стрел. Особенностью культур сакского времени этих регионов является возникновение и продолжительное сосуществование черешковых и втульчатых стрел. Данная особенность говорит не только о сходстве, но, возможно, и о генетической близости культур сакского времени,

принципиально отличает сакские культуры от скифской и даже савроматской.

Следующим видом оружия, распространенным хотя и не так широко, как кинжалы и лук со стрелами, в Евразии в скифское время, являются клевцы, чеканы и боевые топоры.

Судя по находкам, бронзовые втульчатые чеканы с разнообразным стержнем были широко известны в Сибири, особенно в раннетагарское время¹⁸. Происхождение их от позднекарасукских чеканов со ступенчатым лезвием считается не подлежащим сомнению¹⁹.

На территорию Тувы, Монголии, Алтая и далее на восток чеканы проникли, по-видимому, из Сибири. Однако сакские племена Казахстана и степной части Средней Азии были мало знакомы с таким видом оружия. Чеканы здесь не обнаружены, за исключением бронзового втульчатого чекана с плоским обухом, украшенным скульптурным изображением горного барана-архара (табл. I, графа «Северный Казахстан», рис. 12)²⁰.

Боевым оружием казахстанским и среднеазиатским сакам служили вислообушные топоры, бытовавшие здесь с андроновского времени. На возможность изготовления саками по андроновским образцам вислообушных топоров и некоторых других видов орудий и необходимость датировки раннесакским временем (VIII—VII вв. до н. э.) ряда кладов Семиречья мы уже обращали внимание специалистов²¹.

Уже говорилось, что форма перекрестия железно-бронзовых кинжалов, железные клевцы и топоры у саков Восточного Памира отличаются от подобного оружия населения остальных районов сакской общности²². Зачастую клевцы и топоры объединяют в себе признаки и того и другого, поэтому их можно было бы называть «клевец-топор» или «топор-клевец».

У европейских скифов и савроматов клевцы также не были распространенным видом оружия. Немногочисленные находки их в памятниках VI—IV вв. до н. э., видимо, свидетельствуют, как отмечает К. Ф. Смирнов, о проникновении бронзовых клевцов из Сибири²³.

На Кавказе боевые бронзовые топоры известны с IX—VIII вв. до н. э. у племен кобанской культуры²⁴, а в VII—IV вв. до н. э. распро-

¹⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 241, табл. XXIV.

¹⁹ Н. Л. Членова. Тагарская культура на Енисее. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964, стр. 294.

²⁰ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 14, рис. 4.

²¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 106.

²² Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960, стр. 2, рис. 1.

²³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 74.

²⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 83, рис. 8.

страняются железные топоры типа, найденных в Луговом и Нестеровском могильниках ²⁵.

На территории Казахстана, Средней Азии, Алтая, Сибири и Тувы пока находки бронзовых втульчатых наконечников копий редки, напротив, на Западе их значительно больше, они начинают появляться здесь в XV—XIV вв. до н. э. ²⁶

В Казахстане среди редких находок ранних наконечников копий отмечено два типа: лавролистный из поселения Малая Красноярка в Восточном Казахстане ²⁷ и прорезной из поселения Чаглинка в Кокчетавской области ²⁸. Оба поселения датируются X—VIII вв. до н. э.

В многочисленной сакской бронзе имеется лишь один массивный бронзовый втульчатый с длинным пером наконечник копья, найденный вместе с кольчатыми удилами, рубчатым кинжалом с валиковым навершием и бронзовым котлом в окрестностях г. Алма-Аты (табл. I, графа «Семиречье», рис. 3) ²⁹.

Два экземпляра втульчатого наконечника копья находятся в коллекциях Ташкентского музея ³⁰. Еще один прорезной наконечник копья срубного типа выявлен в Иссыккульской котловине ³¹. Этим перечнем исчерпываются известные нам находки наконечников копий на территории племен сакской общности.

Однако малочисленность находок не означает, что в арсенале сакского вооружения не было копья. Возможно, что редкие находки их в памятниках саков и частые в скифских и савроматских объясняются разной степенью изученности культур этих племен. Как сообщают древние авторы, а теперь подтверждают археологические данные ³², в составе войск саков была легкая конница, а также тяжелая — катафрактарий. Не исключено, что истоки сакских наконечников копий западного происхождения, так как на территории Поволжья и Приуралья, Кавказа и Северного Причерноморья кованые втульчатые наконечники копий появляются еще в конце первой половины второго тысячелетия, а в вооружении скифского времени копьё занимает уже третье место после мечей, кинжалов и лука со стрелами ³³.

Теперь охарактеризуем один из наиболее ярких элементов культуры скотоводческих племен Евразии — предметы конского убора,

²⁵ Там же, стр. 277, рис. 45.

²⁶ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 22—36.

²⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 231, табл. XXXVI.

²⁸ Найден А. М. Оразбаевым в 1965 г.

²⁹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 110, рис. 85.

³⁰ В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 40, 44.

³¹ Б. Г. Тихонов. Указ. работа, табл. XVII, 2.

³² С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СА, 1961, № 4, стр. 137, 138.

³³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 70.

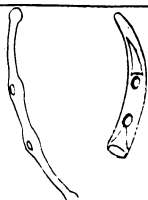
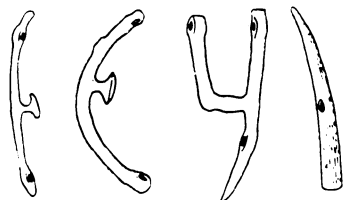
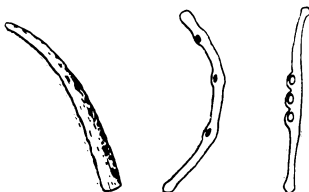
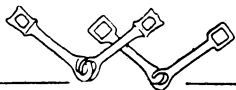
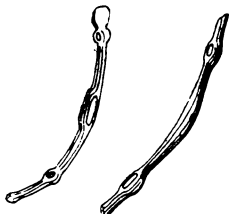
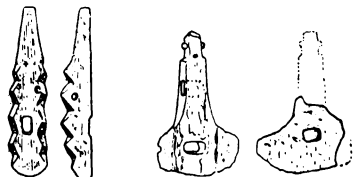
типы удил	типы псалии
	
	
	
	
	
	

Таблица III. Эволюция типов удил и псалиев Казахстана пред-
сакского и сакского времени.

обратив основное внимание на типы удил и псалиев (табл. III). Выбор наш не случаен. Удила и псалии — главное приспособление укрощения и управления коня, они составляют основу конской узды, да и всего конского убора. У скотоводческих племен удила и псалии появляются вместе или, по крайней мере, вскоре после приручения лошади.

Процесс одомашнивания лошади происходил одновременно с приручением ее под верховую езду или использованием для других транспортных целей. Выгоды были огромны: верховой конь сократил расстояния, а скорость его — время.

Историческое значение приручения коня для социально-экономического развития древних конных скотоводов, пожалуй, не меньше, чем освоение огня первочеловеком или изобретение паровой турбины в позднем средневековье. Приручение коня под верховую езду в степях Евразии произошло еще в первой половине второго тысячелетия до нашей эры. Дату появления первых всадников подтверждают находки костяных псалиев в захоронениях, поселениях и селищах племен эпохи бронзы.

К этому же времени относятся наиболее ранние для Казахстана, Поволжья и Приуралья захоронения коней вместе с человеком³⁴. В 1952 г. А. Е. Алихова при раскопке одного из курганов у с. Комаровки получила прямые доказательства того, что костяки или отдельные черепа лошадей, найденные в курганах срубной и андроновской культур, принадлежат верховым коням. В комаровском кургане рядом с человеком лежали трупы двух лошадей, в углах губ одной из них были костяные псалии, сделанные из расщепленной трубчатой кости животного³⁵.

В Казахстане обнаружены еще одни костяные псалии вместе с костями лошади.

В 1956 г. в кургане-огrade 1 могильника алакульского времени Айдабуль I (Кокчетавская обл.) в разграбленном погребении был найден череп лошади и пара костяных псалий (один целый, от второго обломок)³⁶, относящихся к архаическим псалиям дисковидной формы.

В работе К. Ф. Смирнова специально рассматривается вопрос о древних всадниках Поволжья, Приуралья и казахстанских степей, приводится сводка по 12 костяным псалиям и описываются способы их крепления к узде³⁷. Четыре из этих псалиев казахстанские: два из поселения Тасты-бутах (Актюбинская обл.), один из поселения Челкар и еще один из могильника Айдабуль I (Кокчетавская обл.). В по-

³⁴ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, 1957, XXVII, стр. 214—217.

³⁵ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 96, 97, рис. 37, 38.

³⁶ К. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 16, рис. 8.

³⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 и далее.

следние годы при раскопке поселений Атасу (Карагандинская обл.)³⁸ и Чаглинка (Кокчетавская обл.)³⁹ найдены два костяных псалия, относящиеся к более позднему времени, чем указанные.

Атасуйский псалий костяной, изогнутый (концы обломаны), имеет три отверстия, сделанные в двух планах. Среднее отверстие прямоугольно-овальное, боковые круглые.

Чаглинский псалий также костяной, трехдырчатый, длиной 17 см. Все три прямоугольной формы отверстия располагаются в одном плане. Оба псалия обнаружены в культурном слое поселений андроновской культуры, датируемых XIV—XI вв. до н. э.

Таким образом, с территории Казахстана известны находки шести костяных псалиев древнейших форм.

Если первые четыре псалия, как отмечено К. Ф. Смирновым⁴⁰, имеют аналогии в памятниках срубной и андроновской культур Поволжья и Приуралья, то атасуйские и чаглинские пока подобных себе образцов из этих районов не имеют. Между тем они очень сходны с роговыми и костяными псалиями чернолесской культуры Причерноморья и синхронных культур Дунайского бассейна. Хронология памятников эпохи бронзы этих районов разработана гораздо лучше, чем казахстанских, поэтому представляется возможным уточнить датировку наших поселений.

Атасуйский псалий по форме и двухплановому расположению отверстий следует причислить к IV типу роговых и костяных псалиев, выделенному К. Ф. Смирновым для Поволжья, Приуралья и Казахстана. К этому типу он отнес роговой псалий, найденный в поселении у Постникова оврага около г. Куйбышева, и обратил внимание на близость его к роговым псалиям эпохи раннего гальштата⁴¹. Хотя из-за отсутствия нижней половины постниковского псалия трудно установить точное расположение отверстий, однако предложенная его реконструкция и приводимая датировка вполне возможны.

Атасуйский псалий по довольно сильной изогнутости, форме и расположению отверстий аналогичен не роговым псалиям начала гальштатской эпохи, а псалиям кишзомбарского типа, относимым А. Можолитч к пятому типу костяных псалиев эпохи бронзы Венгрии⁴². Поэтому наш псалий и в целом Атасуйское поселение может быть датировано XIV—XII вв. до н. э. Чаглинский псалий по форме, орнаменту и расположению отверстий (на нашем отверстия размещены на одной половине псалия) почти полностью повторяет костяной

³⁸ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 215, табл. XXIV, 7.

³⁹ Находка А. М. Оразбаева в 1965 г.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 47—49, 60—61.

⁴¹ Там же, стр. 61, рис. 9.

⁴² A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes. Acta Archaeologica, т. 3, f. 1—4. Budapest, 1953, p. 86, fig. 22.

псалий из Субботовского городища на Поднепровье, описанный и неоднократно опубликованный А. И. Тереножкиным.

В одной из своих работ А. И. Тереножкин уточнил датировку городища и псалия, определив ее в пределах XII—IX вв. до н. э.⁴³. По-видимому, Чаглинское поселение относится к этому же времени. Такую дату подтверждает и другая находка из этого поселения — прорезной наконечник копья. В памятниках срубной культуры он бытует на рубеже II—I тысячелетий до нашей эры.

Погребальный обряд — одно из немногих категорий в археологии, позволяющих получить представление о духовной культуре племен. **Изменение погребального обряда** почти всегда означало приход другого этноса в результате военного вторжения, ибо появление новых этнических групп на территории до них занятой аборигенами никогда не носило характера мирного переселения. Всякий раз происходили истребление какой-то части аборигенов, миграция и расселение на новых землях другой части, а также смешение и ассимиляция оставшейся. Религиозные убеждения победителя распространялись на все общество.

В настоящее время можно обоснованно разделить территорию Евразии на районы племен скифской, савроматско-сарматской и сакской этнокультурной общности. Первопричиной сложения являлись этногенез и генезис культур данных племен соответственно на срубной, срубно-андроновско-замараевской и андроновско-карасукской основе.

Ареалом культур скифской общности является территория собственно Скифии, савроматской — не только Поволжье и Приуралье, но и весь Западный Казахстан до Тобола и, наконец, сакской — районы, лежащие к востоку и югу от Тобола. Наименования ареалов в определенной степени условные, но они необходимы для изучения различий в культуре трех групп племен, которых не меньше, чем общих черт.

В культурной общности саков азиатских и Скифии европейской, в свою очередь, могут быть выделены локальные регионы с самобытной культурой.

Один из них — это Казахстан, Алтай и Средняя Азия.

Культура этих районов отличается некоторым своеобразием типов вооружения и конского снаряжения, архаичностью погребального обряда и региональной специфичностью форм керамической посуды.

Из конского снаряжения — это прежде всего бронзовые удила. Они двух типов: прямоугольные с упором и стремевидные с дополнительным отверстием. Нигде, кроме этих районов, не встречены бронзовые псалии таких ранних форм, как псалии трехдырчатые, двухдырчато-крючководные и трехдырчато-коленчатые. У первых среднее отверстие оформлено в виде прямоугольной петли. Отверстия расположены в двух планах. Исходными формами этого типа псалиев явились

⁴³ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского времени. СА, 1965, № 1, стр. 76.

атасуйские костяные псалии, аналогичные кишзомбарскому типу Венгрии.

Вторые на месте третьего среднего отверстия имеют выступающий крючок, который вставлялся в отверстие удила.

И наконец, у третьих от середины основного стержня отходит ответвление, согнутое почти под прямым углом. Отросток на конце имеет отверстие. Соединение с удилами такое же, как у двухдырчатокрючководных псалиев.

Эти же области, по-видимому, являются родиной и районом распространения двух типов бронзовых кинжалов: с широкой рукоятью и волнистым краем, орнаментированным волютами в виде бегущей волны, и с навершием в виде обращенных друг к другу головок ушастых грифонов и тигриных грифонов.

Мы уже отмечали, что в Средней Азии, Казахстане и Алтае редко находки наконечников копий, клевцов и чеканов. Возможно, здесь боевым оружием служили вислообушнные топоры.

По всей вероятности, в этих районах возникли и распространились вширь черешковые наконечники стрел четырех-, трех- и двухлопастных форм. Особенностью регионов следует считать одновременное и раннее появление и параллельное событование втульчатых и черешковых наконечников стрел.

Этот комплекс вещей отличает данные регионы как районы собственно сакского преобладания от Сибири, Скифии, Сарматии и Кавказа. Именно это саки внесли в евразийскую триаду.

Однако при всей общности культур саков Средней Азии, Казахстана и Алтая, при родственном происхождении их на андроновской основе между ними имеются довольно четкие этнические различия.

В этом плане прежде всего должны быть выделены саки Восточного Памира. Здесь памятников раньше конца VI в. до н. э., судя по изданным материалам, пока не обнаружено.

Курган 10 в Памирском могильнике, где найдены стремевидные удила с трехдырчатыми псалиями, и курган 4 в могильнике Айдынкуль I, где обнаружены двуперые втульчатые наконечники стрел, не могут быть датированы раньше указанного времени.

Из Памирского могильника имеется целая серия железных кинжалов с простым антенновидным навершием, которые во всех районах распространения датируются не ранее конца VI в. до н. э. Кроме того, в кургане 10 вместе с удилами и псалиями были найдены два железных наконечника стрелы, появление которых в VII в. до н. э. не представляется возможным. Поэтому датировка А. Н. Бернштамом всего могильника V—III вв. до н. э. если и требует удрежнения, то лишь верхней хронологической границы. Могильник Памирская I относится к концу VI—V вв. до н. э.

Выявленные в Айдынкуле I в кургане 4 архаические типы наконечников стрел, судя по условиям находки, не использовались по своему назначению, а служили скорее всего оберегом, поэтому они не могут быть датирующим материалом. Это реликты.

Культура саков Памира резко отлична от всех других локальных культур сакского времени, что выразилось прежде всего в вооружении — железные кинжалы с необычным перекрестием в виде лежащей «З», особая форма проушных топоров и клевцов, восточная ориентировка погребенных.

Антропологический тип памирских саков также отличается от физического облика сакских племен других районов⁴⁴. Все вместе дает основание считать, что этногенез саков Памира происходил на иной основе, чем у остальных саков, на основе местного населения палеометаллической эпохи, культуру которых Б. А. Литвинский назвал кайраккумской.

Материальная культура местных племен испытала сильное воздействие культур Центральной и Передней Азии. На центральноазиатское (Индия, Китай) влияние на Восточный Памир указывал Б. А. Литвинский⁴⁵.

В степях Центрального Казахстана в VIII—VII вв. до н. э. произошли какие-то исторические события, приведшие к существенным изменениям в материальной культуре. Появляется новый тип надмогильного сооружения — «курганы с усами», не имеющий аналогии ни у других саков, ни у сарматов и скифов. Центральный Казахстан является единственным районом широкого распространения этого типа памятников, хотя одиночные «курганы с усами» отмечены в Семиречье, Северном и Восточном Казахстане и даже в Башкирии.

Очень своеобразна форма глиняных сосудов из погребений. Можно считать, что вся посуда устойчивой формы. Это черные толстостенные, высокие горшки с плоским дном, нередко с наклепным на внутренней стороне венчика выступом.

В целом центральноказахстанская посуда сакского времени не имеет аналогов, но единичные экземпляры горшков можно сопоставить с некоторыми формами сарматских сосудов.

Для Центрального Казахстана — одного из мощных центров андроновской культуры — совершенно неожиданно изменение погребального обряда. В могилах костяки лежат вытянуто на спине, головой преимущественно на север или северо-запад, иногда на восток и запад.

Изменения основных компонентов материальной культуры сакского времени в Центральном Казахстане могут быть объяснены только проникновением или вторжением и смешением с потомками андроновцев в IX—VII вв. до н. э. новых этнических групп. Новый этнос мог быть двоякого происхождения: восточного, возможно протогуннского (северная ориентировка, бронзовые колокольчики, форма сосу-

⁴⁴ Т. А. Трофимова. Саки Приаралья (Краниологический очерк). Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг., вып. 6. М., 1963, стр. 230—231; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948.

⁴⁵ Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 177—178 и др.

дов), и западного, савроматского (неустойчивая ориентировка, некоторые формы сосудов, захоронение в квадратных и широких прямоугольных могилах).

В то же время Семиречье и Приаралье, судя по современным данным о древних культурах, являются единственными регионами в сакском мире, где наиболее устойчиво сохранились архаические черты прошедшей бронзовой эпохи в материальной культуре (погребальный обряд, планировка надмогильных устройств, форма узкогорлых сосудов, типы бронзовых орудий и оружия). Данный тезис объясним, если учесть, что основные пути инфильтрации или миграции племен с востока на запад и в обратном направлении лежали вне этих районов. Один из них проходил севернее этих регионов через Алтай, Восточный, Центральный и Западный Казахстан, другой — южнее через Синьцзянь, Центральный Тянь-Шань и Памир.

По-видимому, так было во все времена: в античный, гуннский и тюркский периоды. Преимущественно по этим направлениям в средневековье проходили и основные торговые пути.

Этими причинами объясняются относительная изолированность от чужеземного влияния культур Семиречья и Приаралья и сильная синкретичность культур территорий, лежащих на пути миграции племен.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИПЧАКОВ И ХОРЕЗМА В XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

С. М. АХИНЖАНОВ

Развернувшиеся в Южном Казахстане широкие археологические изыскания на Отраре и его периферии выдвигают на первый план необходимость более конкретного изучения на базе письменных источников исторических и политических процессов, происходивших в бассейне среднего течения Сырдарьи в начале II тысячелетия нашей эры. Только на основе комплексного использования различного круга сведений, в частности археологических данных и известий средневековых авторов, можно добиться положительных результатов. В этой связи следует помнить слова В. И. Ленина о том, что по каждому конкретному исследованию надо брать «всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов»¹.

По установившейся исторической традиции район Сырдарьи издавна был местом интенсивных контактов (политических, культурных, торговых и военных) между представителями двух историко-культурных зон — оседло-земледельческих оазисов Южного Казахстана и Средней Азии и кочевых скотоводче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351.

ских племен обширных степей Центрального Казахстана, Южной Сибири и Алтая.

С начала II тысячелетия нашей эры район среднего течения реки и прилегающая территория стали ареной взаимоотношений двух крупных этнополитических объединений Средней Азии и Казахстана того периода — государства хорезмшахов и кипчакской конфедерации племен, еще в начале XI в. придвинувшихся своими кочевьями вплотную к богатым сырдарьинским оазисам².

Государство хорезмшахов³, с которым пришлось иметь дело кипчакским племенам, в период своего расцвета при Мухаммаде простиралось «от правого берега Сырдарьи до горных перевалов между Ираном и долиной Тигра; на юге его верховная власть была признана даже на Аравийском полуострове (в Омане)»⁴. Следовательно, оно объединяло большую часть Средней Азии, весь нынешний Афганистан и почти весь Иран. Такого возвышения Хорезм добился благодаря тому, что находился на перекрестке торговых караванных путей, связывающих Среднюю Азию с Восточной Европой, с кочевыми племенами Казахстана, Монголии и с Китаем⁵. Особенно возросло могущество державы хорезмшахов в конце XII в., накануне нашествия монголов. Вследствие непрерывных войн с соседними государствами были завоеваны обширные области, населенные как иранскими, так и тюркскими народностями.

Из выходцев тюркской народности, в основном кипчаков и канглы, хорезмшахи, особенно последние — Текеш и Мухаммад, сформировали значительные военные силы. Опираясь на них, они вели войны с караханидами и каракитаями и использовали их для борьбы внутри государства против владетельных феодалов, а также для удержания в узде народных масс. Пользуясь своим особым положением, тюркская военная знать занималась грабежом и активно участвовала в дворцовых интригах и заговорах.

Привлечение тюркских кочевых племен к несению службы существенно усилило военную мощь Хорезма, но в то же время было чревато опасностями, так как, с одной стороны, говоря словами В. В. Бартольда, «влияние тюркской военной аристократии вскоре пошатнуло авторитет престола, ибо их поведение делало имя их государя предметом ненависти населения»⁶, а с другой стороны, они были ненадежны в борьбе со степными сородичами, постоянно совершавшими набеги на северные и восточные границы державы хорезмшахов.

² Впервые о появлении кипчакских племен на границе Хорезма в 30-годах XI в. сообщает Бейхаки. См. Абул-Фазл Бейхаки. История Масуда 1030—1041 гг. Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса. Ташкент, 1962, стр. 104.

³ Речь идет о государстве, во главе которого стояли представители последней, четвертой по счету и самой могущественной династии хорезмшахов, правящей с 1097 по 1220 г.

⁴ В. В. Бартольд. Хорезм. Соч., т. III. М., 1965, стр. 547.

⁵ Там же, стр. 547.

⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, стр. 413.

В этом можно убедиться, познакомившись с событиями, которые произошли в XII в. на северо-восточных границах Хорезмийского государства. Хотя В. В. Бартольд в своем фундаментальном исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» достаточно подробно рассмотрел вопросы взаимоотношений Хорезма со степными племенами, однако он не принял во внимание некоторые детали, приведенные в источниках, которыми он пользовался при написании своего труда. Это вынуждает нас затронуть данную проблему.

Придя к власти, хорезмшахи сразу повели войны за расширение пределов своего государства. Не обошлось и без притязаний на степи Казахстана. Борьба с кочевавшими здесь племенами кипчаков велась с переменным успехом. Первый хорезмшах Кутб-ад-Дин Мухаммад (1097—1127 гг.) в течение 30 лет отражал нападения кипчаков на свои владения. К сожалению, подробности до нас не дошли. Только Джузджани упоминает о том, что Мухаммад «благодаря своей бдительности и смелости удерживал врагов... и охранял границы от язычников саксинов и кипчаков»⁷. Такую пассивную политику первого представителя четвертой династии хорезмшахов можно объяснить не столько его слабостью, сколько могуществом кипчацкого объединения, сложившегося в степях Казахстана в конце XI — начале XII в.⁸

⁷ Tabakati-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... by the Maulana Minhaj-ud-Din, Aby-Umar-i-Uzman. Tran. by H. G. Raverty, vol. I—II. London, 1881, p. 234.— В дальнейшем: Джузджани.

⁸ Согласно данным различных письменных источников, в степях Казахстана, в районах севернее Аральского моря, на рубеже XI—XII в. сложилась конфедерация кипчаков во главе с ханом. В китайской официальной истории «Юань-ши» (Е. И. Кычанов. Сведения «Юань-ши» о переселении киргизов в XIII в. «Известия АН КиргССР, серия общественных наук», 1963, вып. 1, стр. 62) сказано, что у кипчаков, проживающих в местности Юйлиболи, расположенной в 30 тыс. ли к северо-западу от Китая, имелась правящая династия с ханами во главе. Там говорится: «Из поколения в поколение они были государями кипчаков». И. Маркварт в своей чрезвычайно интересной работе «О народности команов», пришел к выводу, что район Юйлиболи, где обитали кипчаки, соответствует предгорьям Урала и северо-западу Казахстана. (I. Marguarts. Über das Volkstum der Komänen. AKGWG. Bd. XIII, N. I, Berlin, 1914. S. 138). По замечаниям П. Пелльо, исследовавшего значение слова «юйлиболи», мы узнаем, что это в китайской передаче этническое название племени Ильбари — племени, хорошо известного среди кипчацких племен. (P. Pelliot et L. Hambis. Histoire des Compagnes de Chingis Khan. Vol. 1, Leiden, 1951, p. 107). Так в списке тюркских племен писателя Ибн Халдуна имеется кипчацкое племя Эльбули. («Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (далее: СМЗО), т. I, СПб., 1884, стр. 541). Еще более определенно информирует Рашид-ад-Дин, указывая, что предводителем народного восстания против монголов в 30-х годах XIII в. был «Бачман из народа кипчак, из племени Ольбурлик» (СМЗО, т. II, М., 1941, стр. 35). Один из индийских султанов первой половины XIII в., бежавший от монголов, Улуг-хан Аджам был родом из кипчаков. Он назван также Джузджани «ханом Ильбари и шахом Йемеков» (Джузджани, т. II, стр. 1294). От него же мы узнаем, что отец Улуг-хана «в Туркестане был важной персоной среди племен Ильбари и носил титул хана» (там же, стр. 794). Дед Улуг-хана был потомком «Абар-хана Ильбари, а он был ханом над 10 тыс. семейств» (там же, стр. 800). Сделав приблизительный подсчет поколений представителей племени Ильбари, можно предположить, что Абар-хан Ильбари правил в конце XI в. Возможно, именно его имел в виду Махмуд Кашгарский, когда указывал, что у кипчаков был хан по имени Табар-хан. Таким обра-

Поэтому хорезмшахи, стремясь не допустить существования серьезного противника на своих северных и восточных рубежах, всячески старались подорвать могущество кипчакского объединения. Еще при Кутб-ад-Дине Мухаммаде началось планомерное наступление на местности, где находились зимние пастбища кипчаков, имевшие большое значение в жизни кочевников. Такими районами были низовья Сырдарьи, окрестности Дженда.

Основная борьба за этот район развернулась при сыне Кутб-ад-Дине Мухаммада Атсызе, который «был истинным основателем могущества династии хорезмшахов»⁹, хотя номинально был вассалом Санджара. Джузджани сообщает: «Он направлял свои войска против Дженда, Туркестана и кипчаков, и благодаря своей мудрости, умению он был счастлив в своих намерениях»¹⁰. Атсыз совершил еще поход на Мангышлак, где уже с XI в. обитали кипчаки¹¹. О завоевании полуострова написаны стихи. Их приводит Якут. Они прославляют хорезмшаха:

Ты послал на страх Манкашлаку молнию
Из острий мечей, поражены ужасом его жители¹².

Закрепившись в низовьях Сырдарьи, Атсыз предпринял несколько удачных походов в Туркестан, к северу от Аральского моря, где одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался большим авторитетом»¹³, вероятно над ханом из племени Ильбари.

Хотя Атсыз в начале своего правления добился успехов в завоевании низовьев Сырдарьи, однако окончательно он смог здесь закрепиться только в конце своей жизни, в середине XII в. Это видно из того факта, что когда в мае 1152 г. Атсыз задумал идти походом на Сыгнак, то заключил союз с правителем Дженда Кемаль-ад-Дином из династии Караханидов. Об этом Джувейни писал следующее: «В 547 г. х. (1152) Атсыз несколько раз предпринимал поход на неверных и одержал над ними победу. Правителем Дженда в то время был Кемаль-ад-Дин, сын Арслан-хана Махмуда, с которым Атсыз заключил наступательный союз, чтобы овладеть Сыгнаком и рядом других го-

зом, данные источников позволяют нам говорить о существовании в степях Казахстана крупного кипчакского объединения, во главе которого стояли представители племени Ильбари. Интересно отметить, что это владение кипчаков с племенем Ильбари во главе располагалось в том же районе, где еще с середины IX в., согласно «Худуд ал-Алам», находилась независимая от кимаков кипчакская область (Hudud al-Alam. «The Regions of the World». A Persian geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl and explained by V. Minorsky. London, 1937, p. 101).

⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963, стр. 387.

¹⁰ Джузджани, т. 1, стр. 237.

¹¹ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 247.

¹² См.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее: МИТТ), т. 1. М.—Л., 1939, стр. 435.

¹³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898, стр. 37.

родов. Однако, когда Атсыз в мухарамма (в конце мая) того же года стал приближаться к границам Дженда, союзник бежал вместе с войском...»¹⁴. Далее источники ничего не говорят о результатах похода на Сыгнак, возможно, что он не состоялся, так как когда в июне того же года произошло восстание в Дженде, Атсыз для подавления его двинулся из Хорезма. Мятеежный хан, узнав о приближении хорезмшаха, бежал¹⁵. Согласно Джувейни, «когда город Дженд был очищен от мятежников, Атсыз послал туда (своего старшего сына) Абу-л-Фатха иль-Арслана и ту область утвердил за ним»¹⁶.

Таким образом, к концу своего правления Атсыз покорил обширную территорию, населенную кипчаками. Как отметил Джузджани, «когда династии Санджара пришел конец, верховным владетелем... над всей территорией Сахри¹⁷, Туркестана и Дженда стал он. Все это оказалось в его владениях»¹⁸.

Но Сыгнак оставался для преемника Атсыза иль-Арслана недоступным. Возможно, в этот период Сыгнак находился в руках караханидов. Во всяком случае, источники умалчивают о каких-либо наступательных действиях иль-Арслана против кипчаков. Наоборот, согласно Джузджани, иль-Арслан был вынужден даже заключить «союз с ханом кипчаков и охранять границы своего государства всеми силами, на что он был способен»¹⁹. Этот отрывок, между прочим, говорит о том, что все захваты Атсыза были непрочными, а подчинение Мангышлака и Туркестана носило номинальный характер. Даже в низовьях Сырдарьи хорезмшахам принадлежал лишь Дженд, в окрестностях же его влияние владетеля Дженда было незначительным. Например, в середине XII в. вскоре после подчинения Дженда хорезмшахам туркменские племена, жившие между этим городом и озером Каракуль, оказывали помощь и поддержку караханидским правителям Самарканда в борьбе против иль-Арслана²⁰.

Более успешную политику по отношению к кипчакам проводил старший сын иль-Арслана Текеш, вступивший на престол в 1172 г. после нескольких лет упорной борьбы за власть со своим младшим братом Султан-шахом. Вероятно, при нем вскоре после прихода к власти был подчинен Сыгнак. Прямых известий об этом в источниках нет. Однако среди официальных документов того периода имеется

¹⁴ МИТТ, т. 1, стр. 443.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Термин «сахри» на арабском языке означает степь, пустыня. Джузджани словом «сахри» называл местность, где издавна проживали канглы и кипчаки. И. Маркварт предполагал, что синонимами тюркского слова «кум» как географического термина были персидское «дешт» и арабское «сахри». Таким образом, степь, где обитали в XI—XIII вв. кипчаки, называвшаяся по-персидски Дешт-и-Кипчак, по-арабски именовалась «Сахри». Более подробно об этом термине см. нашу статью «Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия». «Вестник АН КазССР», 1970, № 1, стр. 47—48.

¹⁸ Джузджани, т. 1, стр. 237.

¹⁹ Там же, стр. 238.

²⁰ МИТТ, т. 1, стр. 444.

несколько писем Текеша к своим подданным. Из письма к правителю гурийцев, относящегося к маю 1182 г., ясно, что старший сын Текеша Найир ад-Дин Мелик-шах был правителем Дженда, Рибатта, Сыгнака и Барчилыкента²¹.

В майском письме хорезмшах сообщал, что зимой в Дженд явился с покорностью предводитель кипчаков Алп-Кара Уран. Для переговоров он отправил посольство, состоящее из «сыновей югуров»²², во главе со своим старшим сыном Кыраном²³. В письме высказывается пожелание, чтобы бог обратил его в ислам. Это говорит о том, что кипчаки, пришедшие к Дженду, не были мусульманами.

Текеш, приняв кипчаков в свое подданство, воспользовался их военной силой и направил против каракитаев, назначив командуящим новой армии своего старшего сына Мелик-шаха. Вероятно, плацдармом для похода явился Сыгнак. Он стал форпостом на восточных границах Хорезмийского государства.

Об успехе кампании говорится в письме от октября 1182 г.²⁴ В нем сказано, что Алп-Кара готов снова оказать услугу, как во время успешного похода, когда «дошли до Тараза и очистили от неверных (в данном случае от каракитаев) обширную территорию». Там же сообщалось, что старший сын Алп-Кара Урана Кыран породнился с домом хорезмшаха Текеша.

Для нас представляет интерес личность Кырана сына Алп-Кара Урана. Он возглавлял «сыновей югуров» (уйгуров) и был, вероятно, настолько могуществен, что хорезмшах Текеш нашел нужным вступить с ним в родство, благодаря чему укрепить свой союз с кипчаками. В каком родстве состоял глава крупнейшего государства Средней Азии с кипчацким предводителем, ответ дает Джужджани. Он пишет, что султан Текеш «вошел в союз с ханом кипчаков по имени Икран (Акран) и женился на дочери этого правителя»²⁵, на женщине по имени Теркен-хатун, матери будущего хорезмшаха Мухаммада.

Таким образом, Текеш женился на дочери хана кипчаков по имени Кыран, или Икран. Переход имени Кыран в Икран возможен в результате редукции инициального *к*, обычной в тюркских языках²⁶.

²¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб., 1898, стр. 80.

²² Югуры в данном случае — уйгуры, часть которых, согласно источникам, обитала в степях к северу от Аральского моря в середине IX в. О соотношении этнических терминов югуры—уйгуры см.: С. М. А х и н ж а н о в. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. «Вестник АН КазССР», 1970, № 1, стр. 46.

²³ В. В. Бартольд. Туркестан..., Тексты, стр. 79. М. Ф. Копрюлю в статье «О племени Уран» отмечает: «Хотя в некоторых списках это имя пишется как Фиран, однако с филологической точки зрения более правильным будет написание Кыран». (M. F. Köprülü. Uran kabilesi. «Türk Tarih Kurumu. Belleten», cilt. VII, № 26, 1943, S. 223).

²⁴ В. В. Бартольд. Туркестан..., Тексты, стр. 80.

²⁵ Джужджани, т. 1, стр. 240.

²⁶ Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков в IX—XI вв. по арабским источникам. Автореферат диссертации. Алма-Ата, 1970, стр. 4.

Согласно Джузджани, имя Икран было тюркским именем кипчацкого хана, он носил еще и мусульманский титул Кадыр-хана²⁷.

В источниках нет описания событий, связанных с личностью по имени Кадыр-хан в течение 13 последующих лет. Имя Кадыр-хан всплывает только в 1195 г., когда хорезмшах Текеш выступил на подавление восстания Кадыр-Буку-хана — правителя окрестностей Сыгнака и Дженда. Вероятно, это то же лицо, которое носило в 1182 г. имя Кыран.

Возможно, Кыран во время похода против каракитаев или немного позже настолько отличился, что Текеш сделал его правителем над его же соплеменниками — кипчаками, обитающими в окрестностях Дженда и Сыгнака. Не последнюю роль в этом сыграла и жена Текеша, дочь Кырана, царица Теркен, известная в источниках как женщина решительная и властная. Во всяком случае, в этот период Малик-шах, бывший, как известно, в 1182 г. наместником Сыгнака и Дженда, становится правителем Нишапурской области²⁸. На освободившееся место был посажен Кыран с титулом Кадыр-хан. Конечно, и «сыновья югуров», пришедшие когда-то с ним, расселились в его владениях. Поэтому у Рашид-ад-Дина, описывающего события 1195 г., Кадыр-хан (у него он именуется Кайр-Таку-хан) назван уйгурским²⁹. Присутствие в титуле Кайр-хана имени уйгур, а также сведения о том, что Кыран Кадыр-хан был главой югуров-уйгуров, подтверждает тождество Кырана и владетеля Сыгнака и Дженда Кадыр-Буку-хана, с которым в 1195 г. воевал Текеш.

Рашид-ад-Дин приводит краткую версию о битве Текеша и его поражениях. Более подробно о ней сообщает Джувеини. «В 591 г. х. (1195 г.) хорезмшах под предлогом священной войны против неверных отправился в Сыгнак. Правитель Сыгнака и Дженда Кадыр-Буку-хан принужден был отступить перед превосходящими силами неприятеля. Однако урани, тюркское племя, входящее в состав его войска, известило Кадыр-Буку-хана о своем намерении помочь ему и изменить хорезмшаху Текешу. Ободренный Буку-хан приостановил отступление и 6 джумада (18 мая 1195 г.) дал сражение хорезмшаху. По уговору урани оставили центр войска, напали с тыла, разграбили обоз, и приведенное в замешательство войско бросилось бежать. Многие погибли под мечами, еще больше погибло в песках от голода и жажды. Хорезмшах добрался до Хорезма только через 18 дней»³⁰.

Имя уран, являющееся названием племени, сыгравшего столь роковую роль в судьбе хорезмийского войска, также наводит на мысль о том, что Кадыр-Буку-хан и Кыран — одна и та же личность. Напомним, что Кыран был сыном Алп-Кара Урана. Последнее слово в имени указывает на принадлежность Алп-Кара к племени уран, следовательно

²⁷ Джузджани, т. 1, стр. 254.

²⁸ МИТТ, т. 1, стр. 447.

²⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М. — Л., 1952, стр. 137. Далее. Рашид-ад-Дин.

³⁰ МИТТ, т. 1, стр. 448.

но, и Кыран имел к нему прямое отношение. Доказательством является и то, что дочь Кырана — Теркен-хатун, жена Текеша — также происходила из уранийцев. У Рашид-ад-Дина написано: «При бегстве хорезмшаха Мухаммада группа тюрок из родственников его матери, называемые уранийцы, была его спутниками»³¹.

Из сказанного понятно, что побудило племя уран, находившееся в центре войска Текеша, отдать предпочтение Кадыр-Буку-хану и изменить хорезмшаху.

Несмотря на поражение, Текеш не отказался от своих притязаний на Сыгнак. Согласно Джувейни, султан Текеш воспользовался соперничеством между кипчакской верхушкой. Он пишет: «Три года спустя Алп-Дерек — племянник Буку-хана, не поладив со своим дядей, обратился за помощью к хорезмшаху Текешу. Хорезмшах вызвал из Шадьяха Кутб-ад-Дина Мухаммада и в 594 г. в месяц раби 1 (январь — февраль) 1198 г. отправил его вместе с Алп-Дереком против Буку-хана. Буку-хан был разбит и приведен пленником в Хорезм»³².

По словам Рашид-ад-Дина, в этой войне участвовал только Кутб-ад-Дин Мухаммад, сын Текеша. «В 594 г. х. (1198 г.) Текеш послал его на войну против Кайр-Таку-хана. Когда они вступили в битву, Таку-хан (потерпев поражение) бежал, Кутб-ад-Дин взял его в плен вместе с эмирами и привел к отцу. Хорезмшах его помиловал и сделал его правителем (эмиром)»³³. Рашид-ад-Дин не указывает, почему Текеш так поступил со вчерашним мятежником. Но из других источников причина становится ясной. Дело в том, что народ Буку-хана — уранийцы — перешли во владение Алп-Дерека и под его руководством возобновили набеги на владения Хорезма.

Текеш, оказавшись перед новым выступлением кипчаков, был заинтересован в продолжении соперничества между предводителями кипчаков. Поэтому он освободил Кадыр-Буку-хана из плена, дал ему большое войско и послал против своего бывшего союзника Алп-Дерека. В. В. Бартольд считал (его мнение утвердилось в исторической литературе)³⁴, что «упомянутый... Алп-Дерек тождествен с Алп-Кара официальных документов, прибывший в Хорезм... еще в 1181 г.»³⁵. Зная, что Алп-Кара Уран был отцом Кырана, носящего титул Кадыр-Буку-хана, который, в свою очередь, согласно Джувейни, приходился дядей Алп-Дереку³⁶, мы не согласны с точкой зрения В. В. Бартольда. На самом деле Алп-Дерек был внуком Алп-Кара Урана. Следовательно, Алп-Дерек приходился также двоюродным братом Теркен-хатун, отцом которой был именно Кыран.

³¹ Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 2, стр. 209.

³² МИТТ, т. 1, стр. 448.

³³ Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 2, стр. 137.

³⁴ См.: М. Ф. К ö r ç ü l ü. Uran kabilesi. «Turk Tarih Kurumu. Belleten», cilt. VII, № 26, 1943, С. 223.

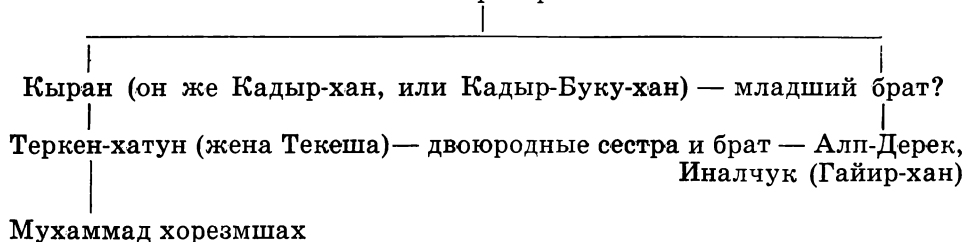
³⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963, стр. 407.

³⁶ МИТТ, т. 1, стр. 448.

В источниках упоминается еще один двоюродный брат Теркен-хатун. Это наместник хорезмшаха в Отраре, чье имя вошло в историю в связи с так называемой «Отрарской катастрофой» (1218 г.), послужившей одним из поводов к войне между хорезмшахом и Чингиз-ханом и ставшей начальным этапом захватнических войн монголов в Западной Азии и Восточной Европе. Его звали Иналчук, позже дали титул Гайир-хан (тюркский вариант арабского имени Кадыр-хан — могущественный хан). По Рашид-ад-Дину, он был дядей по матери султана Мухаммада ³⁷, т. е. двоюродным братом Теркен-хатун ³⁸. Если учесть сообщение Абулгази, то можно уточнить, с чьей стороны Иналчук приходился двоюродным братом Теркен. Оказывается, он был сыном «младшего брата Турканиного отца» ³⁹, т. е. сыном младшего брата Кырана. У Абулгази написано, что Иналчук, «перешед к султану, принял мусульманство, и султан пожаловал ему область Туркестанскую, где он и был правителем. С этого дня, говорил ему султан, тебя никто не должен звать Иналчуком, да назовут Гайир-ханом» ⁴⁰.

Составим генеалогическую схему родственников Теркен-хатун. Дед Теркен-хатун со стороны отца был Алп-Кара Уран.

Алп-Кара Уран

Данная схема довольно наглядно показывает тождество Алп-Дерека с Иналчуком — Гайир-ханом, будущим управителем Отрара. Действительно, и Алп-Дерек и Иналчук — сыновья младшего брата отца Теркен Кырана (Кадыр-Буку-хана). Возможно, Алп-Дерек — языческое тюркское имя Иналчука, Гайир-хана, до принятия им мусульманской веры. Оно, скорее всего, говорило о принадлежности данной

³⁷ Рашид-ад-Дин, т. 1, кн. 2, стр. 67.

³⁸ В источниках имеются другие сведения о родстве Иналчука. Современник этих событий, секретарь последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, историк Несеви писал, что «Ианал-хан... был сыном дяди султана со стороны матери Мухаммада (Mohammed en-Nesewi. Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mancoberti prince du Kharesm. Traduit de l'arabe par. O. Houdas, t. 11, Paris, 1895, p. 59. Далее: Несеви), т. е. он приходился двоюродным братом самому Мухаммаду, а не его матери Теркен. Имея, видимо, это в виду, Текеш называл Гайир-хана в грамотах, направленных ему, своим сыном (см. Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, стр. 67, сноска 4). Между тем на языке дипломатов того времени государь, называвший другого правителя «своим сыном», тем самым признавал его своим вассалом. Возможен в данном случае и этот вариант.

³⁹ Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 34.

⁴⁰ Там же.

персоны к правящему роду кипчаков. Дело в том, что Иналчук соответствует бытующему у средневековых тюрков званию Инал-младший⁴¹. Источники сообщают, что иналами называли наследников тюркских правителей. По Абу-Абдаллаху ал-Хорезми: «Йианал-тегин — это наследник джаббуйи, и у каждого предводителя тюрков — царя или дехкана — есть йинал, то есть наследник»⁴². Согласно праву престолонаследия у кочевников, ханская власть с одобрения племенной знати передавалась не сыну, а племяннику или брату, и данный наследник престола назывался иналом. Таким образом, Алп-Дерек, будучи племянником Кырана (Кадыр-хана), был его законным наследником и потому носил имя Инал. К нему в случае вступления на престол должен был перейти и мусульманский титул Кырана — Кадыр-хан, т. е. Алп-Дерек должен был именоваться Кадыр (Гайир)-ханом.

Возможно, Алп-Дерек получил свое новое имя Иналчук Кадыр (Гайир)-хан после событий, происшедших в конце XII в., о которых мы уже писали. Вспомним, что в 1198 г. Алп-Дерек совместно с Мухаммадом совершил поход против своего дяди Кырана-Кадыр-хана. Теперь вполне очевидно, что борьба между Кыраном и Алп-Дерекем происходила из-за власти над кипчаками. Вероятно, Алп-Дерек учитывая, что Кыран стар, пытался захватить принадлежащий ему по праву престол. Разбитый Кыран был пленен, главенство над кипчаками перешло к Алп-Дереку, который оказался таким же беспокойным соседом для Хорезма, каким был и его дядя. Султан Текеш незадолго до своей смерти освободил Кадыр-хана и направил его против Алп-Дерека. Согласно Джувейни, через год пришла радостная весть, что Алп-Дерек одержал победу над Кадыр-Буку-ханом. Непонятно, почему известие о поражении хана, бывшего в то время союзником хорезмшаха, восприняли при дворе как радостную весть. В. В. Бартольд полагал, что, вероятно, Джувейни ошибся. На наш взгляд, такое объяснение вполне приемлемо. Однако возможен и другой вариант. За год, прошедший между двумя сообщениями, события могли измениться и Алп-Дерек и Кадыр-Буку-хан поменялись ролями, т. е. Кадыр-Буку-хан вновь стал врагом хорезмшахов и в борьбе с Алп-Дерекем погиб. Во всяком случае с начала XIII в. в источниках ничего не говорится о правителе по имени Кадыр-Буку-хан.

Алп-Дерек, став ханом над кипчаками, признал себя подданным Хорезма. Абулгази отмечает: «Иналчук, перешед к султану, принял мусульманство, и султан пожаловал ему область Туркестанскую, где он и был правителем. С этого дня, говорил ему султан, тебя никто не должен звать Иналчуком, да назовут Гайир-ханом»⁴³. Приняв мусульманство, Алп-Дерек отказался от своего языческого имени и титула инал, не отвечающего его новому положению. Он по праву стал

⁴¹ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 143, сноска 3.

⁴² МИТТ, т. 1, стр. 219.

⁴³ Абулгази. Родословное древо тюрков, стр. 34.

носить титул Гайир-хана Туркестанского. Когда в 1218 г. в бытность его владельцем Отрара один из купцов, прибывших к нему от Чингиз-хана и знавший его еще в молодости, посмел непочтительно обратиться к нему, назвав его иналом, Гайир-хан приказал убить его и разграбить караван. Конечно, не только это послужило причиной истребления каравана⁴⁴. Личный мотив сыграл также не последнюю роль.

Следует отметить, что владельцем Отрара Гайир-хан стал незадолго до инцидента с купцами. Отрар вошел в состав владений Хорезма в 1210 г. после победы Мухаммада над каракитаями. Источники сообщают, что Мухаммад после похода на каракитаев на обратном пути захватил Отрар. По Несеву, правитель Отрара носил имя Таджад-Дин Бильге-хан каракитай, он приходился двоюродным братом Осману Самаркандскому⁴⁵. Мухаммад отправил его управителем в Несу.

Эти события произошли, согласно Несеву, в 1217 г., на что В. В. Бартольд указывает: «Несеву, конечно, лучше других историков знал то, что произошло в его родном городе Несе, но едва ли можно предположить, что Бильге-хан оставался владельцем Отрара до 1217 г...»⁴⁶ и не был низложен одновременно с другими представителями династии Караханидов.

Иналчук Гайир-хан в этот период, видимо, находился в Сыгнаке, будучи вассалом хорезмшаха Мухаммада. Таким образом, хорезмшахам в результате длительной борьбы незадолго до нашествия монголов удалось подчинить себе Сыгнакское владение кипчаков и посадить на его престол своего ставленника Алп-Дерека, или Иналчука Гайир-хана. Не надеясь на него, Мухаммад в качестве заложников держал в Хорезме двух сыновей сыгнакского владетеля⁴⁷.

Но ухищрения хорезмшаха не могли остановить попыток кипчаков освободиться от опеки Хорезма. Так, в 1210 г. часть кипчаков выступила в окрестностях Дженда. В 1216 г., как отмечают источники, пришли в волнение кипчаки — подданные Кадыр-хана Туркестанского. Джузджани сообщал: «В 615 г. х. хорезмшах Мухаммад отправился истреблять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Йакафтана Йемекского...»⁴⁸. Судя по этим сведениям, Кадыр-хан Туркестанский, скорее всего, тот же Иналчук Гайир-хан. Мы знаем, что ему Мухаммад доверил Туркестан. К тому же оказывается, он был сыном Йакафтана Йемекского. По-видимому, Йакафтан — это младший брат Кырана. Не должна смущать нас и принадлежность отца Кадыр-хана Туркестанского к племени йемеков. Дело в том, что двоюродная

⁴⁴ Другой причиной уничтожения каравана было то, что его люди запугивали жителей Отрара «грядущими бедствиями», словом, сеяли панику, а также занимались откровенным шпионажем. Подробно об этом см.: И. П. Петрушевский. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. В сб.: «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970, стр. 106—107.

⁴⁵ Несеву, т. II, стр. 41.

⁴⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963, стр. 429.

⁴⁷ Несеву, т. II, стр. 67.

⁴⁸ Джузджани, т. II, стр. 1096.

сестра Иналчука Теркен-хатун, согласно источникам, также принадлежала к йемекам⁴⁹. Такое подтверждение служит веским доказательством того, что Иналчук Гайир-хан, он же Алп-Дерек и Кадыр-хан Туркестанский — одно и то же лицо.

Если наши рассуждения верны, то напрашивается вопрос, как мятежный кипчакский хан, совершивший восстание в 1216 г., мог уже в 1218 г. быть наместником хорезмшаха в Отраре?

По-видимому, за 2 года отношения между хорезмшахом и непокорным вассалом улучшились, вероятно, Теркен-хатун не дала в обиду своего двоюродного брата и соплеменника.

Пользуясь поддержкой своих могучих сородичей, Теркен все смелее вступала в оппозицию к центральной власти в лице ее сына. Источники сообщают о ее поддержке внутренних политических неурядиц в Хорезме. Особенно усилились столкновения между матерью и сыном накануне нашествия монголов. Вполне возможно, что выступление Гайир-хана в 1216 г. было инсценировано Теркен-хатун.

Поэтому, на наш взгляд, нет ничего удивительного, что бывший враг Мухаммада стал наместником в важной пограничной крепости на восточных рубежах его державы. Очевидно, Теркен-хатун в пику сыну утвердила его наместником Отрара, где он в 1218 г. истребил караван купцов Чингиз-хана. Отрарский инцидент послужил формальным поводом для давно готовившегося похода монголов на Среднюю Азию. Мухаммад мог бы отсрочить начало неизбежной войны и лучше подготовиться к ней, если бы в ответ на требование Чингиз-хана выдал бы ему виновника катастрофы. Однако Мухаммад не удовлетворил просьбы Чингиз-хана. Несеви говорил, что «султан не мог отослать к нему Инал-хана»⁵⁰. Он опасался гнева Теркен-хатун, «великих эмиров» его армии, состоявших в основном из родственников царицы — кипчаков.

Резюмируем сказанное. В конце XI в. кипчакские племена вплотную подошли к Сырдарье, где их интересы столкнулись с интересами Хорезма, крупнейшего государства на территории Средней Азии начала II тыс. нашей эры. Характер отношений двух этнополитических группировок изменялся от ряда факторов. На первых порах хорезмшахи сдерживали наступательный порыв кипчакских племен объединившихся в начале XII в. под главенством ханов из кипчакского племени Ильбари. Однако уже в середине XII в. от обороны Хорезм перешел к активным действиям, в результате чего союз кипчакских племен распался на Сыгнакское владение кипчаков и владение к северу от Аральского моря. Хорезмшахи, стремясь не допустить усиления грозного и беспокойного соседа, всячески препятствовали их объединению и поддерживали внутри кипчакского общества междоусобицы, соперничество за власть. Примером такой политики были действия последних хорезмшахов Текеша и Мухаммада.

⁴⁹ Несеви, т. II, стр. 44.

⁵⁰ Там же, стр. 60.

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ НА ГОРОДИЩЕ ТАЛГАР

Н. М. БАЙПАКОВ

В октябре 1971 г. Семиреченский археологический отряд производил раскопки на территории средневекового городища Талгар¹.

Объектом раскопок был выбран плоский четырехугольный в плане с западинами в северо-восточной части бугор размером в основании 22×25 м и высотой 0,5—0,7 м. Он ориентирован углами по странам света (рис. 1).

Бугор расположен в 150 м от центральной части городища, окруженного четырехугольной стеной, на юго-запад от его западного угла, на территории, занятой аналогичными буграми — остатками усадеб².

¹ См. о городище Талгар: В. Д. Городецкий. Талгарское городище. «Известия Узкомстариса», 1928, вып. 3, стр. 49—55; К. М. Байпаков. Городище Талгар. «Материалы второй научной конференции молодых ученых АН КазССР». Алма-Ата, 1970, стр. 478—479.

² Одна из таких усадеб раскапывалась в 1965 г. студентами КазПИ им. Абая. Площадь усадьбы 460 кв. м, из них двор занимает 200 кв. м. Стены помещений и двора сложены из камня на глиняном растворе. См.: И. И. Копылов. Отчет об археологических раскопках на Талгарском городище в мае — июне 1965 г. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 234.

Раскоп площадью 225 кв. м (15×15 м) заложен в северо-восточной части бугра и ориентирован сторонами с северо-востока на юго-запад. Он захватил часть бугра с западиной и плоскую часть, которая отделена от западины, выступающей на поверхности каменной выкладкой. Общая глубина раскопа в южной части 0,5 м и в северной 0,8 м. Это объясняется тем, что северо-западная часть бугра более высокая. Памятник однослойный. Культурный слой состоял из глинистой земли, перемешанной с угольками и золой. Здесь же встречены обломки керамики и кости животных.

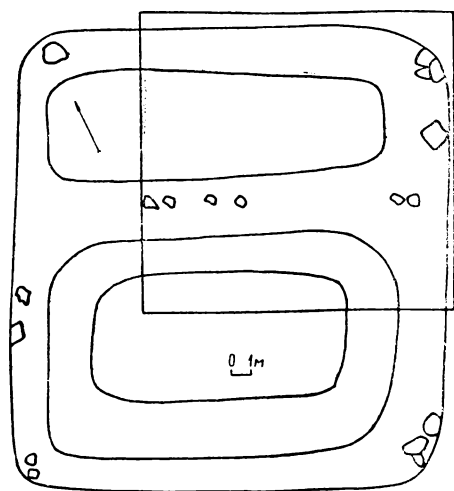

Рис. 1. План усадьбы.

В результате раскопок выявлена планировка и строительные особенности сооружения, остатки которого скрыты в бугре. Оно делится на две части — жилую, состоящую из нескольких помещений, и двор. Жилая часть представляет углубленные в землю постройки, стены которых сложены из каменных булыжников и валунов, преимущественно уплощенных. В основании выявлены камни диаметром 0,4—0,6 м, встречаются также прямоугольные плиты размером $0,3 \times 1$ м. Последующие ряды сложены из более мелких камней. Камни скреплены раствором глины, причем этим же раствором замазаны все щели, образовавшиеся из-за неровностей булыжника. Лучше других сохранились стены постройки со стороны двора. В ней насчитывается четыре ряда камней высотой 0,5—0,6 м.

При раскопках хорошо прослеживались одиночные камни, упавшие со стен, а также завалы из камней, лежащих вразброс на разных уровнях. После расчистки раскопа по уровню пола, который покоился на материке, от завалов и одиночных камней проявилась достаточно четкая планировка усадебного комплекса (рис. 2). Вход в раскопанную часть усадьбы находился с восточной стороны, ширина его 2 м. Сразу у входа расположено предвратное помещение (на плане 1). Оно узкое и длинное ($1,5 \times 7,5$ м), имеет два выхода: один в сторону айвана (на плане 2), второй во двор. Айван открыт на юго-восток. Длина его 8,5 м, ширина 1,2 м. Поверхность айвана и двора находится на одном уровне и несколько выше пола жилых помещений, углубленных на 0,3—0,4 м. Дверной проем шириной 1 м ведет в два смежных жилых помещения 3 и 4, соединенных проходом шириной 0,5 м. Размер их

соответственно $2 \times 5,5$ м и $2 \times 4,2$ м. В восточных углах помещений на полах расчищены подковообразные очаги, заполненные серой золой и угольками. Помещение 3 соединяется с помещением 7. Размер его $2,2 \times 4,7$ м. Очаг расположен в его западном углу. Из помещения 4

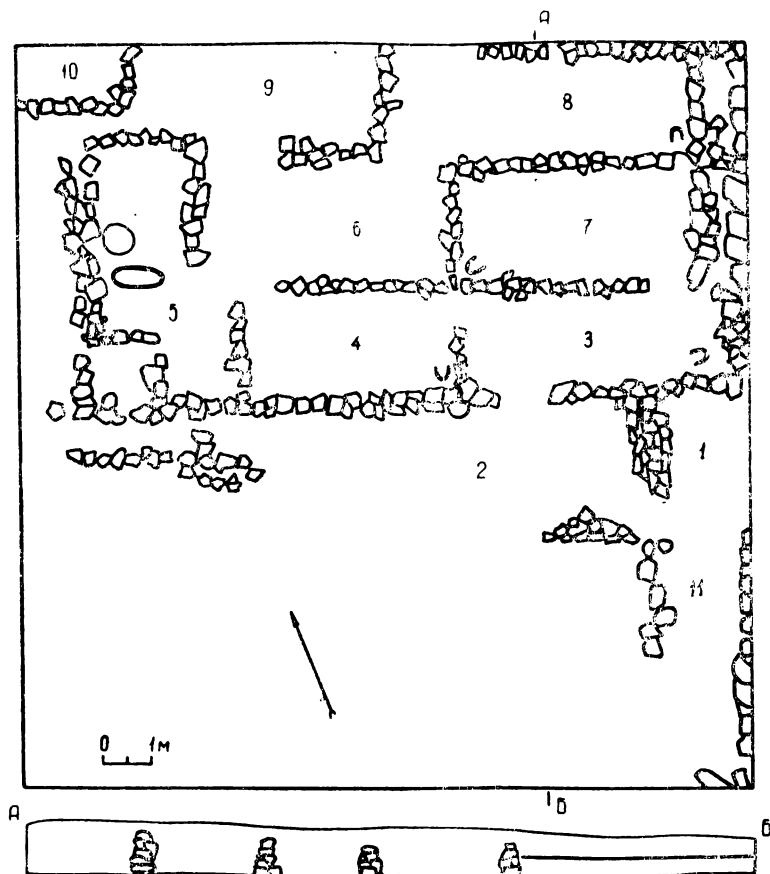

Рис. 2. План раскопанной части усадьбы.

через полуметровой ширины проход можно попасть в помещения 5 и 6. Помещение 5 имеет уступчатую в плане форму. Площадь его 11,5 кв. м. В центре помещения, несколько ближе к западной стене, расчищен очаг в виде овальной ямки длиной 0,5 м, шириной 0,2 м и глубиной 0,25 м. Дно его выложено черепками хума. Рядом с очагом обнаружена хозяйственная яма диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м. Она заполнена рыхлой землей темно-серого цвета. В ней оказалось несколько обломков от глиняного котла и кости животных.

В западном углу помещения отгорожен прямоугольный закуток размером $1,2 \times 1,2$ м.

Помещение 6 размером $2,2 \times 5$ м. Оно имеет два прохода шириной 1 м в помещения 8 и 9. Площадь помещения 8—12,5 кв. м, помещения 9—10 кв. м. В помещении 8 в восточном углу расчищен подковообразный очаг.

Частично раскопано помещение 10, стены его уходят под край раскопа.

К восточной стене усадьбы примыкает западная стена другой усадьбы.

Часть двора усадьбы, попавшая в раскоп, свободна от застройки. Поверхность двора плотная, желтого цвета. Площадь его 230 кв. м.

При раскопках собран вещественный материал, главным образом обломки керамики, изделия из металла и стекла, а также кости.

Анализ остеологического материала позволяет получить представление о стаде усадьбы. В нем 45% составляли кости лошади и коровы и 10% — кости мелкого рогатого скота. Найдены кости горного козла тау-теке и рога маралов со следами спилов*. Рядом с очагами в помещении 5 обнаружены косточки урюка и зерна проса.

Вывявлены металлические предметы: железный черешковый нож с затупленной спинкой (длина лезвия 7,5 см, длина черенка 3 см), железная плоская скобка с загнутыми концами и несколько бесформенных обломков от железных поделок (рис. 3, 3).

Привлекает внимание горло стеклянного графина. Стекло зеленоватого цвета с пузырьками воздуха, сверху покрыто радужной пленкой эрозии. Горло украшено манжетовидным скрученным кольцом (рис. 3, 4). Здесь же встречены костяная палочка со следами обработки, амулет в виде плоской овальной гальки с просверленной дырочкой (рис. 3, 1) и глиняная детская игрушка — кувшинчик с наклонным горлом и ручкой (рис. 3, 2).

От поливной керамики сохранились 8 фрагментов чаш (рис. 3, 7—12). В двух случаях эти куски донцев. Один поддон дисковидный, другой — кольцевой. У первой чаши прозрачная полива положена поверх белого ангоба. В центре коричневой окраской изображена вихревая розетка. Вторая чаша покрыта темно-зеленой блестящей поливой. Венчики и стенки чаш облицованы прозрачной лазурью. Росписи выполнены коричневой краской. Имеется также фрагмент миски, покрытой с двух сторон темно-зеленой поливой по белому ангобу.

Хумы составляют 3,2% всей керамической продукции. Они представлены обломками венчиков, стенок и днищ. Тесто с примесью дресвы и речного песка, обжиг слоистый. Снаружи стенки обмазаны кремовым ангобом. Венчики с широкими площадками, внешний край скругленный или опущен вниз. Под венчиком у некоторых хумов

* Определение палеозоолога Л. А. Макаровой.

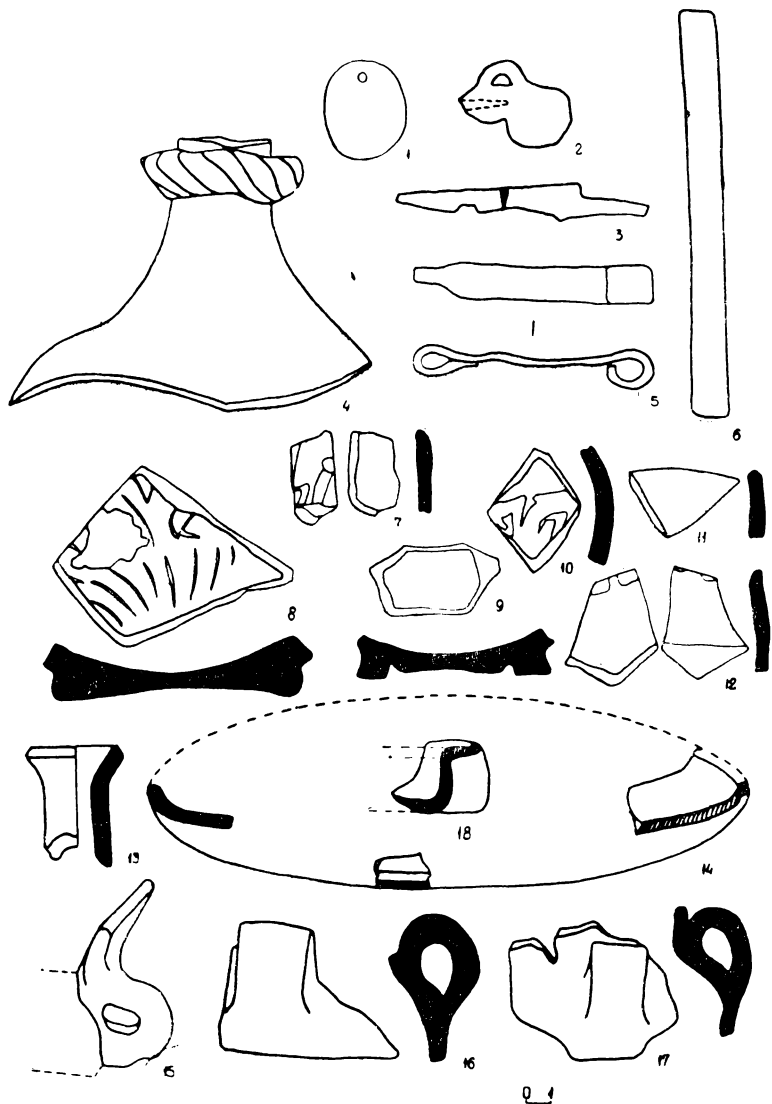

Рис. 3. Изделия из металла, камня, стекла, кости и глины.

имеется манжетовидный налеп с пальцевыми вдавлениями, образующими волнистый выступ (рис. 4, 6, 12).

Котлы — самый многочисленный вид керамики, в собранной массе посуды занимают 37%. Они стандартные с округлым сферическим

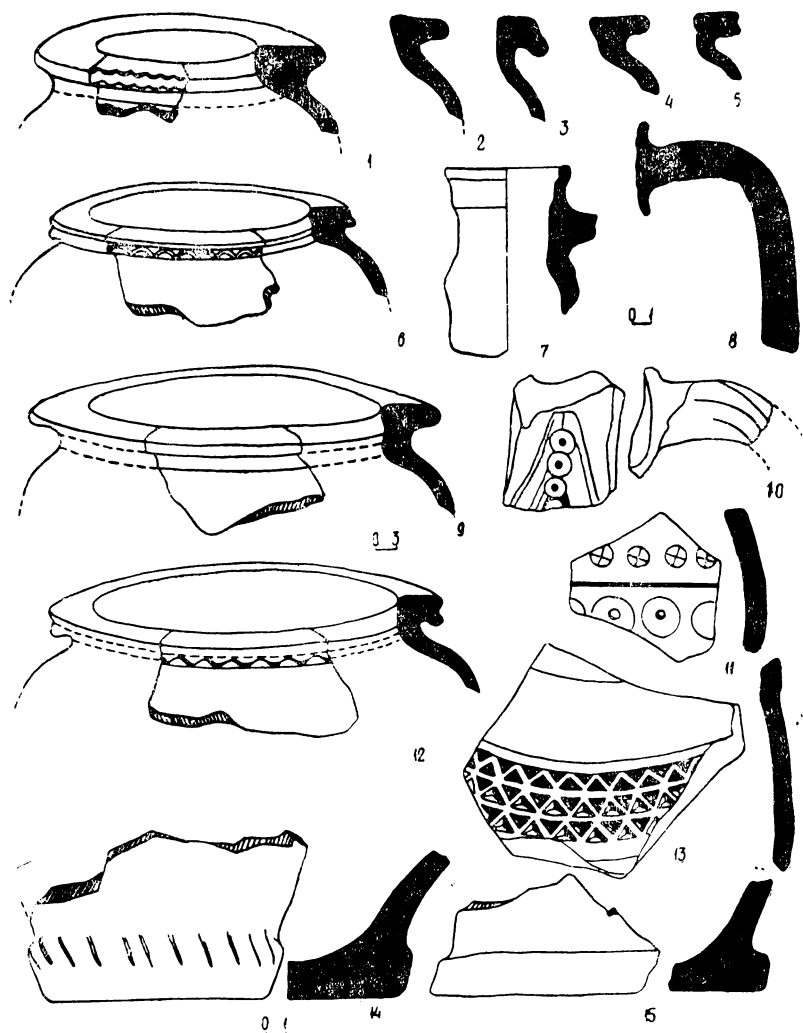

Рис. 4. Фрагменты хумов, кувшинов, ступок.

туловом, сплюснутым с полюсов. На стенках по одной наклепной ручке. Котлы изготовлены из рыхлого теста с примесью песка. Снаружи имеются следы копоти и нагара. Венчики у котлов округлой, треугольной, подпрямоугольной в разрезе формы, но с широкой площадкой и желобком на ней — упором для крышек (рис. 5, 2, 9).

Котлы без украшений. Иногда на тулове прочерчены одна, реже две concentрические линии.

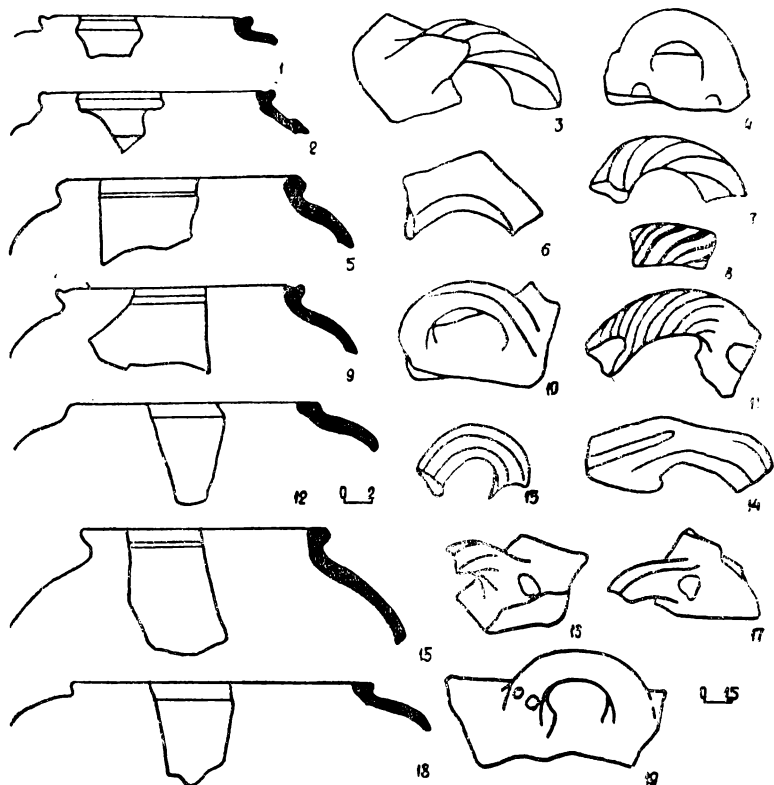

Рис. 5. Фрагменты котлов.

Обнаруженные ручки нескольких типов (рис. 5). Большинство из них петлевидные, овальные в сечении. Часто в месте прикрепления к тулову котла имеется одна или две пальцевые вмятины. Это первый тип. Ручки второго типа также петлевидной формы, но они прямоугольные в сечении. Встречено 10 петлевидных ручек, скрученных в виде жгута, и одна треугольная ручка.

Кувшицы составляют 7,6% посуды. Они делятся на столовые и водоносные. Столовые с узким длинным горлом, овальным туловом и коленчатой ручкой, соединяющей горло и плечики. Кувшины сделаны из теста с примесью мелкого речного песка и украшены по тулову прочерченными волнистыми линиями.

Водоносные кувшины, напротив, с широким горлом и объемным туловом (6—10 л). Ручки массивные, овальные в сечении. Интересна ручка, украшенная по гребню налепными калачиками (рис. 4, 10). Обычно стенки водоносных кувшинов снаружи покрыты кремовым ан-

гобом, а иногда резным и штампованным орнаментом. В одном случае это были ряды расположенных в шахматном порядке треугольников, в другом — оттиски колец, перечеркнутых крестом (рис. 4, 11, 13).

В собранной коллекции керамики имеются *банковидные сосуды* с налепными вертикальными ручками (рис. 3, 16, 17). Таких сосудов 34 %.

Найдено два фрагмента от *кружек* баночной формы и три фрагмента стенок *тарелкообразных* сосудов (рис. 3, 18).

Встречено несколько фрагментов массивных днищ *ступок*. Дно их изредка дополнительно утяжелено грубым манжетовидным налепом (рис. 4, 14, 15).

Обнаружены также обломки неполивного *чирага* с треугольной пятой и фрагмент *миниатюрного сосуда*, использовавшегося в качестве светильника (рис. 3, 18).

Керамика из усадьбы аналогична комплексам посуды из прежних раскопок Талгара и городищ северо-восточного Семиречья и потому ее следует отнести к XI — началу XIII в.³

Именно для этого времени характерна поливная посуда с прозрачной поливой и росписями коричневой краской, а также керамика с зеленой глазурью. Датировку подтверждает железный ножичек, имеющий подобию в материалах XI—XII вв.⁴ Следовательно, усадьбу Талгарского городища можно датировать XI — началом XIII в.

Аналогии Талгарской усадьбе по планировке, размеру, месторасположению имеются в Чуйской долине. Еще в 1939—1940 гг. Семиреченская археологическая экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом, на территории рабада Краснореченского городища полностью вскрыла жилой дом XI—XII вв. Он состоял из жилой постройки и двора. Общая площадь комплекса достигала 263,5 кв. м. Жилая постройка находилась в западной части и имела шесть комнат. Они были сооружены из сырцового кирпича размером 10×20×40 см.⁵

В 1962—1963 гг. раскопки жилых домов на Краснореченском городище возобновились. В результате была выявлена довольно стандартная планировка четырех из пяти домов, насчитывавших 10 помещений с суфами — очагами типа тандыра — и овальными очагами, сложенными из сырцового кирпича. В интерьерах комнат использованы резной шtuk, резные алебастровые панели, настенная роспись. При

³ К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 78—81, рис. 5.

⁴ П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан XI—XII вв. на Краснореченском городище. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 65, рис. 6, 1—2; Л. Р. Кызласов. Археологические раскопки на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1959, рис. 48 (2); Л. И. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1959, стр. 152—153, рис. 3 (4).

⁵ См. А. Н. Бернштам. «Чуйская долина». Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, № 14, 1950, стр. 43—46.

раскопках домов собраны богатые коллекции керамики, стекла, металла и много монет. Все вместе позволяет утверждать, что это остатки жилых усадеб зажиточной прослойки городского населения — купечества, чиновников, духовенства⁶.

Резко отличается от описанных домов усадьба 4, жилые постройки которой имели три небольших помещения. Эта усадьба принадлежала рядовому жителю города⁷.

Жилая усадьба XI—XII вв., включавшая жилой дом и двор, раскапывалась на городище Ак-тобе в Таласской долине⁸. Однако ее планировка, техника строительства, элементы строительных конструкций в отличие от планировки талгарской и краснореченской усадеб сохраняют традиционные черты жилых построек VII—VIII вв. Планировку, близкую планировке талгарской усадьбы, имеют усадьбы XI—XII вв., обнаруженные на городище Ак-тобе I у с. Орловка в той же Таласской долине. Площадь усадьбы 500 кв. м. Она состояла из жилого комплекса и двора, по периметру которого располагались небольшие хозяйственные и производственные помещения. И еще один элемент сближал эту усадьбу с талгарской — использование в строительстве камня⁹.

Жилые здания XI—XII в. раскопаны в ряде древних городов Южного Казахстана и Средней Азии. Значительные по масштабу раскопки проведены на шахристане Баба-Аты¹⁰. К сожалению, в описаниях раскопок трудно разобраться, а в плане, выполненном в загадочном масштабе, отдельные дома не вычленены. Помещения и постройки X—XII вв. выявлены в разные годы в Пайкенде, Термезе, на городище Мунчак-тепе, Нисе, Хишт-тепе. Планировочные особенности и строительная техника перечисленных городищ проанализированы В. А. Шишкиным в связи с раскопками жилищ горожан на Варахше¹¹. На шахристане он обнаружил домовладения горожан площадью 160 кв. м. В домах выделены жилые постройки и дворы. В. А. Шишкин говорит о некотором сходстве домов Варахши и Краснореченского городища, но подчеркивает особую компактность первых, выразившуюся прежде всего в меньшей площади дворов¹².

Сравнивая усадьбу Талгара с синхронными постройками городищ Казахстана и Средней Азии, нельзя не отметить общие черты в пла-

⁶ П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан XI—XII вв. на Краснореченском городище, стр. 53—90.

⁷ Там же, стр. 79—84, 90.

⁸ П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 160—166.

⁹ М. А. Бубнова. Средневековые поселения Ак-тобе I у с. Орловка. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 133—137, рис. 8.

¹⁰ Т. Н. Сенигова. Шахристан. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962, стр. 154—166, рис. 33.

¹¹ В. А. Шишкин. Городище Варахша. М., 1963, стр. 101—104.

¹² Там же, стр. 104.

нировке и размере. Однако талгарская усадьба имеет свои отличительные черты, обусловленные наличием строительного материала (все постройки возведены из камня), суровым климатом (жилища углублены в землю), значительной долей скотоводства в хозяйстве (большие дворы).

Необходимо отметить, что комплекс жилых построек с большим двором-загоном для скота на территории Илийской долины известен начиная с первых веков нашей эры. В усуньском поселении Актас II, датированном I—VI вв., раскопаны жилые и хозяйственные помещения, а также загон для скота, сложенные из камня на глиняном растворе ¹³.

Традиция сооружения построек из камня, как видно на примере усадьбы Талгара, в дальнейшем получает развитие в период средневековья. Камень как основной строительный материал использовался в это время и в постройках городища Сумбе в предгорьях Кетмень-тау ¹⁴. Безусловно, раскопки городищ расширяют географию распространения каменных построек. Но и сейчас уже известно, что камень широко применялся в XIX—XX вв. оседлыми и полuosедлыми казахами Илийской долины в строительстве жилищ. Если обратить внимание на планировку зимовок казахов XIX — начала XX в., то можно убедиться в сохранении многовекового принципа, выразившегося в объединении жилого помещения с двором-загоном для скота ¹⁵.

¹³ К. А. Акишев. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. «Известия АН КазССР, серия общест.», 1961, № 1, стр. 35—44.

¹⁴ К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья, стр. 72.

¹⁵ Н. А. Баскаков. Жилища приилийских казахов. «Советская этнография», 1971, № 4, стр. 112—115 и рис. 6.

**МОНЕТЫ С ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ
И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА
(Материалы 1969—1970 гг.)¹**

Р. З. БУРНАШЕВА

Городище расположено в Кзыл-кумском районе Чимкентской области, в 8 км к северо-западу от районного центра Шаульдер и представляет собой пятиугольный в плане бугор.

История его исследования подробно освещена в коллективном труде «Древний Отрар»², поэтому мы на ней не останавливаемся.

В 1969—1970 гг. отряды Отрарской археологической экспедиции выделили на городище семь культурных слоев (с V—VI по XVII—XVIII вв.), при их датировке учитывался и нумизматический материал. Количество монет, полученных за эти годы с Отрар-тобе, невелико (23 экз.). За небольшим исключением, они весьма плохой сохранности. Хронологически их можно расклассифицировать начиная с монет тюркских

¹ Монеты получены из стратиграфического раскопа и разреза крепостной стены, заложенных на северной окраине центральных развалин городища. Ценные консультации при определении монет давала сотрудница отдела нумизматики Гос. Эрмитажа М. Б. Северова, автор приносит ей благодарность.

² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

правителей (4 экз.) и кончая чеканом среднеазиатских городов XV—XVI вв. (9 экз.). В коллекции также имеется бухархудатская, китайская, джучидская, джагатайдская, аббасидская (одна целая и $\frac{1}{5}$ часть) и три караханидские монеты.

Кроме того, интересный материал собран с некоторых городищ Отрарского оазиса, где производились разведывательные работы.

1. Городище Узгент (левый берег Сырдарьи напротив Саурана) дало медные монеты: 6 целых и 7 обломков, джучиды. Все они очень плохой сохранности, две из них совершенно стертые (на одной — дырочка, видимо, употреблялась как украшение). Третья монета имеет неясные следы надчекана на об. ст., л. ст. стертая; четвертая — л. ст. стертая, об. ст. с еле заметным цветочным орнаментом, пятая — л. ст. стертая, об. ст. с орнаментом, явно соответствующим оборотной стороне монеты Джанибек-хана, чеканенной в Сарае-ал-Джедиде в 752 г. х.³; шестая — л. ст. стертая, об. ст. с еле заметным цветочным орнаментом. Остальные 7 фрагментов весьма невыразительны и из-за плохой сохранности их трудно определить.

2. Городище Кавган-Ата (левый берег Сырдарьи, в 20 км южнее Отрара), 2 экз., джучиды. На одной из них на об. ст. еле заметен цветочный орнамент, другая монета совершенно стертая.

3. Городище Бестам (правый берег Сырдарьи, в районе Сыгнака), 3 экз., джучиды. Одна из них из серебра плохого качества, имеет форму неправильной лепешки: л. ст. стертая, об. ст. с цветочным орнаментом; вторая — плоская, неправильно-круглой формы, совершенно стертая (табл. I, рис. 1); третья — на л. ст. имеет в поле, окаймленном двумя еле заметными линейными квадратной формы ободками и одним точечным, надпись, которую трудно разобрать. На ее оборотной стороне изображено фантастическое животное, напоминающее льва, с головой, откинутой на изогнутую спинку (табл. I, рис. 2).

4. Поселок Чилик (правый берег Сырдарьи, в 8 км от городища Бузук). Медные монеты, 2 экз., джагатаиды. Они относятся к так называемому распространенному анонимному джагатайдскому чекану конца XIII — начала XIV в. Легенды поля содержат на одной стороне суннитский символ веры и имя умершего халифа Насира, а на другой — эпитет «хани» или «менгу-хани» и вторично имя халифа Насира с титулом. Круговые легенды с выпускными сведениями не сохранились. Возможно, место чекана г. Отрар.

Продукция Отрарского монетного двора именно с анонимным джагатайдским чеканом широко известна и за пределами Казахстана (табл. I, рис. 3)⁴.

5. Городище Артык-Ата (левый берег Сырдарьи, в 40 км юго-за-

³ См. С. А. Янина. Джучидские монеты, МИА, № 42, 1954, стр. 440—441, № 67.

⁴ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. «Материалы по археологии Узбекистана». Ташкент, 1955, стр. 160; е е ж е. Клад медных джагатайдских монет XIII в. Доклады АН УзССР, № 6, 1949.

Таблица I. 1 — городище Бестам, джучидская монета из серебра плохого качества; 2 — медная джучидская монета с изображением фантастического животного, напоминающего льва, с головой, откинутой на изогнутую спину; 3 — медная джагатайдская монета с эпитетом «менгу-хани» конца XIII — начала XIV в.; 4 — серебряная джагатайдская монета Буянкули 753 г. х. Чекан Отрара.

паднее Отрара). Медная джагатайдская монета, такая же, как и предыдущие, с эпитетом на оборотной стороне «менгу-хани».

6. Село Талапты (рядом с рабадом городища Отрар). Серебряные джагатайдские монеты (3 экз.) из клада, найденного в кожаном мешочке (20 экз.). Все они чеканены от имени Буянкули в Отраре.

Таблица II. 1, 2 — серебряные джагатаидские монеты Буянкули;
3 — медная монета, видимо, среднеазиатского чекана XV—XVI вв. (увеличено). Поселок Чагырлы.

а. На л. ст. в поле, окаймленном точечным линейным и фигурными ободками, написано имя Буянкули с титулатурой и благопожелательной надписью:

Сбоку, перед словом الإعظم стоит цифра «3» — ثلاث — прописью. На об. ст. — символ веры, между строк — سكه أترار — чекан Отрара. Все заключено в квадратный и точечный ободок. Вероятно, дирхем чеканен в 753 г. х. Аналогию можно проследить в золотом чекане Буянкули (табл. I, рис. 4)⁵.

б. Л. ст. такая же, как у первой монеты. На об. ст. в поле сохранилось часть символа веры: ... $\text{لا إله إلا الله محمد}$. Все обведено линейным и точно-квадратным ободками. Так как лицевая сторона обеих монет чеканена одним штемпелем, то, вполне вероятно, что данный экземпляр также выпущен в 753 г. х. (табл. II, рис. 1).

в. На л. ст. в поле, окаймленном точечным, линейным и фигурным ободками, сохранилось: ... $\text{الخاقان الأعظم مالك الرقاب إلا}$, а на поле, окаймленном линейным и фигурным ободками, символ веры — $\text{لا إله إلا الله محمد رسول الله}$.

Этот экземпляр по почерку не похож на предыдущие и, видимо, датируется другим временем. Судя по надписи на лицевой стороне, его можно отнести к чекану Буянкули 755 г. х. (табл. II, рис. 2)⁶.

7. Поселок Чагырлы (правый берег Сырдарьи, в 15 км к юго-востоку от Саурана), медная монета, видимо, среднеазиатского чекана XV—XVI вв. (табл. II, рис. 3).

Наиболее интересную группу представляют монеты раннего средневековья. Они позволяют, несмотря на малое количество, выяснить некоторые стороны политической истории этого района и частично охарактеризовать экономические связи Отрарского оазиса. Такие центры, как Отрар на Сырдарье, Навчекат в Испиджабе, лежавшие на торговых путях, соединяли кочевую степь с богатыми земледельческими районами Согда⁷. Экономические связи кочевого мира с оседлым способствовали тому, что не только согдийцы, но и турки-кочевники в это время уже пользовались деньгами и были втянуты в денежную торговлю⁸.

Монеты тюркских правителей. Всего 4 экз. (две целые и два фрагмента). Монеты литые, медные, плохой сохранности или совсем стертые.

1. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. На лицевой стороне в поле, окаймленном линейным ободком, выбита родовая тамга тюрков (□ без квадратного отверстия. По мнению О. И. Смирно-

⁵ М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (По поводу Таласского клада монет XIV в.). Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV, Ташкент, 1957, стр. 61.

⁶ Там же, стр. 63.

⁷ И. О. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 147.

⁸ Там же, стр. 151.

вой, такую тамгу тюргеши ставили на лицевой стороне монет, выпускаемых только от лица хакана, а на оборотной делали одну и ту же надпись: «Тюркского небесного хакана деньга». Тюрки племени тухси на лицевой стороне своих монет воспроизводили ту же надпись, а на оборотной стороне писали свой титул и ставили свой знак, свою тамгу⁹.

На оборотной стороне в поле, окаймленном линейным ободком, изображена фигура льва, повернутого вправо, с приподнятым хвостом (табл. II, рис. 1). Фигура этого животного, повернутого вправо, хорошо известна по работам О. И. Смирновой (чекан Чача и Усрушаны)¹⁰.

2. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. Монета подъемная. Она такого же типа, как и первая монета.

3. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа, ярус XII, западный срез шурфа. Обломок монеты. Утерян, сохранилась прорисовка.

На лицевой стороне, в поле, окаймленном точечным ободком, сохранилась часть родовой тамги тюрков (□ без квадратного отверстия, а на оборотной — в поле, окаймленном таким же ободком, часть фигуры льва, нарисованного искуснее, чем на двух предыдущих монетах.

4. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа, ярус XI (I), в западной части помещения на полу 15. Обломок монеты. Утерян. Имеется прорисовка.

На лицевой стороне в поле, окаймленном точечным ободком, в центре осталась часть тамги |X, а по кругу сохранилась часть легенды на согдийском языке.

На оборотной стороне в поле с таким же ободком, как на лицевой стороне, сохранилась задняя часть фигуры льва, подобно изображению на третьей монете.

Таким образом, на трех монетах на лицевой стороне фигурирует родовой знак тюрков без квадратного отверстия, являющийся одним из отличительных признаков этих монет. Кроме того, монеты с Отрар-тобе по весу легче и диаметру меньше монет тюргешей и тюргешского круга. На оборотной стороне всех монет (4) мы видим фигуру льва с поворотом вправо, которого О. И. Смирнова рассматривает как эмблему районного Чача (Шаша)¹¹. Однако все монеты чачского чекана имеют родовую тамгу вилообразной формы Σ — с разными ее вариантами¹². Они представлены разновременными типами от IV в. до первой половины VIII в. включительно¹³. Аналогичный знак (т. е.

⁹ Там же, стр. 178.

¹⁰ И. О. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, стр. 130—132; ее же. Монеты древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 224; ее же. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, VI, 1952, стр. 39; ее же. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Гос. Эрмитажа. ЭВ, V, 1951, стр. 19.

¹¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 33.

¹² Там же.

¹³ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 182.

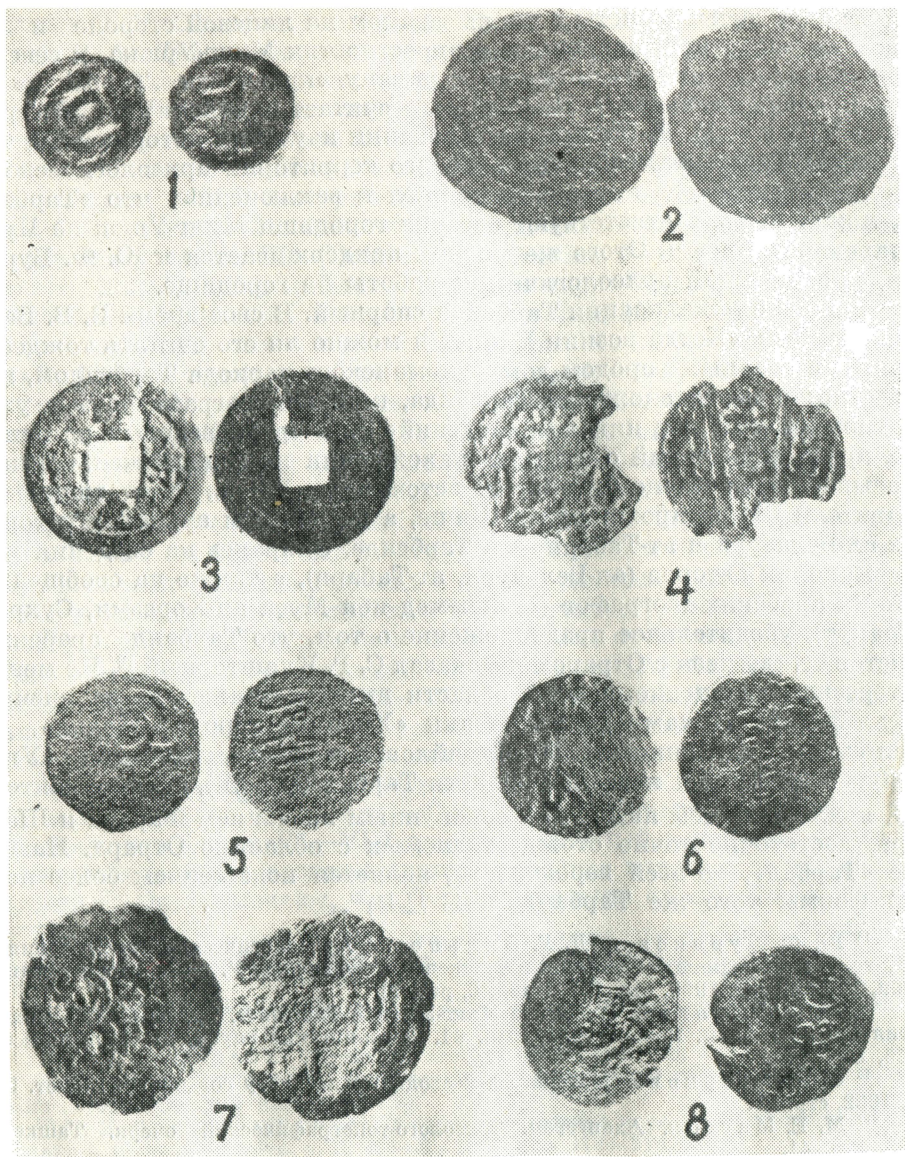

Таблица III. 1 — медная монета тюркского правителя конца VII — начала VIII в.; 2 — арабский фельс VIII в.; 3 — медная китайязычная монета Танской династии, VIII в.; 4 — медная бухархудатская монета «гитрифи» X—XII вв.; 5 — медная тимуридская монета Шахруха, Самарканд, 819 г. х.; 6 — медная тимуридская монета 832 г. х. с поздним надчеканом в Самарканде; 7 — медная тимуридская монета 832 г. х., чекан Андигана; 8 — медная тимуридская монета с поздним надчеканом в виде растительного орнамента, XVI в.

вилообразный) встречается и на керамике этого района¹⁴. М. Е. Массон медные литые монеты с таким знаком на лицевой стороне и со львом на оборотной, найденные в окрестностях Минг-Урюка, к северу и северо-западу от него, относит к чекану «правителя Тарбенда»¹⁵, хотя подобные монеты О. И. Смирнова считает чеканом Чача и Усрушаны VIII в.¹⁶ М. Е. Массон на основании изучения исторической топографии Ташкента, собранного на его территории археологического и нумизматического материала пришел к заключению, что «Тарбенду, может быть, соответствуют остатки городища Минг-Урюк на Пролетарской улице»¹⁷. Этому же мнения придерживается и Ю. Ф. Буряков, проводивший археологические работы на городище.

Вопрос о локализации Тарбенда спорный. В свое время В. В. Бартольд писал: «Когда возник Бинкет и можно ли его считать тождественным с главным городом домусульманского периода Тарбеном, неизвестно; о местоположении Тарбенда, который географами X в. уже не упоминается, нет никаких сведений»¹⁸. В средневековых источниках прямых указаний о его местонахождении не содержится. В них указывается, согласно китайским источникам VII в., что тюркские правители Шаша проживали в Шаше, а по данным арабских историков ал-Белазури и ат-Табари — в Тарбенде. Опираясь на сведения мусульманских авторов (ал-Белазури, ат-Табари), а также на сообщения ранних арабских географов (Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми, Сухраб и Йакут), убедительное предположение о том, что Тарбанд арабских текстов тождествен с Оттаром, высказал С. Г. Кляшторный¹⁹. Не менее интересное сообщение об этой области имеется также в сочинении Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки «Хроника города Мекки». В примечании, сделанном А. И. Михайловой к работе, говорится: «Упомянутое в надписи название области Тарбад (الترباد), судя по контексту, явилось не чем иным, как совокупным названием Фараба и Шавгара, достаточно точно отождествляемых с областью Оттара. Название «Тарбад», по всей вероятности, является искажением более полной формы того же Тарбанда (الطربند)»²⁰.

¹⁴ Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды ТашГУ. Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 139 (табл. 5, рис. 2).

¹⁵ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия, вып. 81. Исторические науки, кн. 12. Ташкент, 1956, стр. 126.

¹⁶ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, VI, 1952, стр. 11.

¹⁷ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 41.

¹⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, стр. 219.

¹⁹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 157—159.

²⁰ А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. ЭВ, V, 1951, стр. 19.

На монетах с согдийской надписью и вилообразным знаком, относимых О. И. Смирновой к чекану Чача, можно прочесть титул «тудун»²¹. В. А. Лившиц не считает тудуна и государя Шаша одним лицом²². О. И. Смирнова установила, что оба титула на монетах Чача могут быть отнесены к одному лицу Мохэдо-тудуню²³. Этому же мнения придерживается также С. Г. Кляшторный, который отмечает: «Сначала по положению его называли государь Чача, а затем по титулу «тудун»²⁴. Н. Я. Бичурин писал: «В первое лето правления Кхайюань, 713, государь Мохэдо-тутун за оказанные на войне услуги поставлен владетелем в Ши (Ташкент)»²⁵. В связи с этим весьма уместно привести донесение согдийца Фатуфарна царю Согда Деваштичу. В нем сообщается, что задолго до прибытия Фатуфарна в Чач, тудун «договорился (или замирился) с Тарбандом, земли которого он получил»²⁶. Далее следует: «А, господин, тот требуемый, (таков) слух, тут же исчез (25), когда они (тюрки) вверх ушли (26), и до сих пор никто не пришел»²⁷. О. И. Смирнова в примечании поясняет: «То есть каган. Быстрота передвижений тюркских отрядов известна, и пишущий хочет сказать, что тюрки, убедившись в неблагоприятной для себя обстановке, тут же по своему обыкновению исчезли в неизвестном направлении. В Чач же никто еще не вернулся»²⁸. Таким образом, из текста документа явствует, что Тарбанд в первом десятилетии VIII в. выступает как вполне самостоятельная политическая единица наряду с Чачем и Ферганой. Владетели двух последних считались союзниками Согда, возглавлявшего антиарабское движение. Арабские историки, повествующие о событиях VIII—IX вв., описывают Фараб (Отрар) и Шаш как наиболее беспокойные для арабов владения, готовые поддерживать любое антихалифатское движение²⁹.

Авторы «Древнего Отрара» на основе анализа огромного количества керамического материала с Отрар-тобе и Отрарского оазиса утверждают, что Отрар VI—VIII вв. — это крупный городской центр сложившейся округой, оказывавший серьезное влияние на жизнь периферии³⁰. Они отмечают, что Отрару присуща своеобразная группа

²¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, стр. 130—153; ее же. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 235.

²² В. А. Лившиц. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг). СЭ, 1960, № 2, стр. 100—101.

²³ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, стр. 235.

²⁴ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, стр. 160.

²⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 313—314.

²⁶ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, стр. 230.

²⁷ Там же, стр. 229.

²⁸ Там же.

²⁹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., 161.

³⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 204.

керамики, которая не находит полных аналогий в соседних районах, возможно, что краснолощенная керамика Отрара с геометрическим орнаментом принадлежит какому-то этническому компоненту, входившему в состав политической конфедерации печенежских племен³¹, и что Тарбенду средневековых авторов соответствует городище Отрар-тобе³², площадь которого с прилегающей округой достигала 200 га³³.

Вернемся к нашим монетам. К сожалению, они анэпиграфные, за исключением одной. На их лицевой стороне имеется родовая тамга тюрков только без квадратного отверстия, а на оборотной — лев — эмблема Чача. Таким образом, перед нами совершенно новый тип монет, не имеющих аналогий в просмотренной нами нумизматической литературе по этому периоду³⁴. Если учесть тот факт, что в раннее средневековье медные монеты вне пределов своего обращения, видимо, теряли покупную способность³⁵ и в значительно большей мере, чем серебряные, характеризовали экономику страны, так как были продуктом местного производства³⁶, то вполне вероятно, что медные монеты с городища Отрар-тобе являлись чеканом местного правителя, находившегося в каком-то родстве с правящим родом тюрков. Недаром в арабских источниках владельца Отрара называют «царем Отрарбенда»³⁷. Имея в виду также выгодное положение Отрара на пересечении торговых путей из Европы в Среднюю Азию и Китай и учитывая экономический подъем и развитие товарно-денежных отношений в VII и в первой половине VIII в. в Согде и в районе среднего течения Сырдарьи, можно предположительно сказать, что в Отраре функционировал свой монетный двор. Возможно, монеты с Отрар-тобе местного происхождения и время чекана их — конец VII или первая половина VIII в., так как со второй половины VIII в. вся Средняя Азия переходит к выпуску монет по образцу халифатских³⁸. Вполне датирующим материалом являются монеты Чача, несколько аналогичные нашим и, по определению О. И. Смирновой, чеканившиеся в VIII в.³⁹

³¹ Там же, стр. 190.

³² Там же, стр. 28.

³³ Там же, стр. 7.

³⁴ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (Раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948. Среди новых находок, относящихся ко второму строительному периоду, упоминаются медные монеты местной чеканки с согдийскими надписями, тамгами, изображениями барса и т. д. К сожалению, в работе нет иллюстраций и потому трудно представить тип указанных монет; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 162.

³⁵ О. И. Смирнова. Первый клад согдийских монет. ЭВ, X, 1955, стр. 6.

³⁶ О. И. Смирнова. Согд (К истории изучения страны и о задачах ее исследования). Палестинский сборник, вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. Л., 1970, стр. 146.

³⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, стр. 234, 260; А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. ЭВ, V, 1951, стр. 12.

³⁸ О. И. Смирнова. Согд, стр. 148.

³⁹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 33.

5. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VIII (2). Медная монета и фрагмент найдены в северной части раскопа, очень плохой сохранности. По типу, форме и остаткам легенд, возможно, это монеты аббасидского чекана. Начиная с VIII в. арабы совершают многочисленные походы против тюркских племен Семиречья и среднего течения Сырдарьи. Согласно А. И. Михайловой, после завоевания Отрара закончилось продвижение арабских отрядов на север⁴⁰. Возможно, наши экземпляры относятся к этому времени. К сожалению, из-за плохой сохранности их нельзя прочесть (табл. III, рис. 2).

6. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез крепостной стены. Медная китаезычная монета VIII в., Танской династии, с квадратным отверстием в середине. Плохой сохранности (табл. III, рис. 3).

Л. ст., по определению Ю. А. Зуева⁴¹, содержит легенду, которая читается слева направо. Первые два иероглифа, означающие, по-видимому, дату правления или имя императора, не читаются из-за стертости. Последующие знаки дают термин «юань-баю», часто встречаемый на монетах Танской династии.

Об. ст. гладкая, без отличий, по краю монетного кружка сделан плоский ободок, центральное квадратное отверстие заключено в рамку.

Аналогичные монеты обнаружены на городище Ак-Бешим⁴². «Этот город,— по словам Л. Р. Кызласова,— всегда сохранял тесные торговые и культурные связи как с центральными районами Средней Азии (Согд и Чач), так и с Восточным Туркестаном и собственно Китаем»⁴³. Нумизматический материал с городища определен О. И. Смирновой (караханидские, китайские и тюркские монеты)⁴⁴; легенды на тюркешских монетах разобраны А. М. Щербаком⁴⁵, который датирует их первой половиной VIII в.⁴⁶

Среди китайских монет (4 экз.), найденных на Ак-Бешиме, на лицевой стороне третьей имеется надпись: «Да — ли юань-бао»; оборотная сторона гладкая. Монеты с такой легендой выпускались династией Тан в 769 г.⁴⁷. Данному типу соответствует наш экземпляр, который можно продатировать этим же временем.

⁴⁰ А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в., стр. 19.

⁴¹ Пользуясь случаем, приношу Ю. А. Зуеву благодарность.

⁴² Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 520.

⁴³ Там же, стр. 526.

⁴⁴ О. И. Смирнова. О классификации и легендах тюркешских монет. Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 527—551.

⁴⁵ А. М. Щербак. О чтении легенд на тюркешских монетах. Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 551—561.

⁴⁶ Там же, стр. 528.

⁴⁷ О. И. Смирнова. О классификации и легендах тюркешских монет, стр. 528.

7. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VIII (2). Фрагмент медной монеты так называемого бухархудатского чекана найден в помещении на полу, он плохой сохранности. Эти монеты стали чеканиться в Средней Азии после арабского завоевания по образцу, восходящему к драхам сасанидского царя Варахрана V. Согласно классификации О. И. Смирновой, по технике изготовления их можно разбить на две подгруппы. К первой из них относятся экземпляры, на которых изображения выполнены в одной (или весьма близкой) технике с так называемым хионитским подражанием драхам Варахрана, а ко второй — экземпляры, которым свойственны изображения точками и штрихами, т. е. контурные⁴⁸. Наша монета с Отрар-тобе изготовлена в технике точек и штрихов и, следовательно, принадлежит ко второй подгруппе.

На л. ст. профильное изображение головы царя в короне вправо, над его головой полумесяц с точкой. Плечи и грудь царя переданы точками. Ниже имеются две круглые бляшки. Слева за венцом была, видимо, надпись, а под ней рисунок в виде развешивающихся лент над плечами царя. Все обведено точечным кругом.

На об. ст. в центре находится одноколонный алтарь огня на ступенчатом основании со спускающимися концами перевязи. Над ним мужской бюст в короне вправо с полумесяцем. По сторонам, видимо, изображены фигуры двух стоящих стражей, обращенных лицом к алтарю с приподнятыми копьями, один держит его в правой, другой — в левой руке. Все окаймлено ободком, по-видимому, точечным (табл. III, рис. 4).

Такого вида монеты М. Е. Массон относит к первому типу бухархудатских дирхемов⁴⁹, бывших в обращении на территории, которую он называет нумизматической провинцией «мусейябок». Район распространения «мусейябок» М. Е. Массон определяет довольно четко: «Ходженский округ, северные округа Джизака и Ура-Тюбе, долины Чирчика и Ангрена, прилежащие с юго-востока Карамазарские горы и ближайшие к Ташкенту с севера города по Сырдарье»⁵⁰.

М. Е. Массон «черные дирхемы» различает по району распространения и считает их низкопробными⁵¹, а Е. А. Давидович делит эти монеты с первой четверти IX в. на три группы по металлу. Она называет высокопробные серебряные дирхемы «мусейяби»; низкопробные — «мухаммади» и бронзовые — «гитрифи». «Продолжительность их обращения не была одинаковой,— пишет она,— и это нужно иметь в виду при использовании их для археологических да-

⁴⁸ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 242.

⁴⁹ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 181.

⁵⁰ Там же, стр. 179.

⁵¹ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 79.

тировок»⁵². Оба исследователя отмечают, что «черные дирхемы» чеканились и при Караханидах, а обращение их зафиксировано даже в XII в.⁵³ М. Е. Массон считает, что унаследование черных дирхемов Караханидами — явление не случайное, это было выгодным финансовым мероприятием для казны нового тюркского государства⁵⁴.

Наша монета бухархудатского типа относится, судя по металлу, к третьей группе, т. е. к «гитрифи». Поскольку в данном экземпляре нет примесей серебра, то время его выпуска — не ранее IX—X вв. Следует отметить, что «гитрифи» просуществовали дольше других групп монет, они упоминаются и в XII в.⁵⁵ Учитывая, что наш экземпляр найден в слое, который датируется археологическим материалом X—XI вв., его можно отнести к этому времени, хотя лицевая сторона его повторяет бухарские драхмы, чеканенные в последней четверти VIII в.⁵⁶ По всей вероятности, монета изготовлена на монетных дворах Шаша, которые в IX—X вв. функционировали довольно интенсивно⁵⁷.

8. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. Медная монета по внешнему облику и почерку похожа на караханидский чекан XI в.

На л. ст. в квадратном поле читается калима из трех строк:

لا اله الا الله و حده لا شريك له

Выпускные сведения не сохранились.

На об. ст. в круге, окаймленном линейным ободком, наверху читается لله, далее все стерто.

9. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус V. Фрагмент медной монеты найден ниже уровня пола 6 на штык в кв. Г-2, плохой сохранности. Судя по картушу, ее можно отнести к караханидскому чекану конца XII — начала XIII в.

На л. ст. в поле, в двойном линейном ободке ничего не сохранилось от титула и имени государя. В круговой легенде с выпускными сведениями читается слово «сотня — مائة», остальное стерто.

На об. ст. в квадратном двухлинейном картуше в поле символ веры: لا اله الا الله محمد رسول الله. В одном из сегментов по бокам читается — عدل. Круговая легенда еле заметна.

⁵² Е. А. Давидович. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1958, стр. 247.

⁵³ Е. А. Давидович. Новый клад Ленинабадского областного историко-краеведческого музея. «Изв. Отделения общ. наук АН ТаджССР», 1957, вып. 14, стр. 193.

⁵⁴ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби, стр. 195.

⁵⁵ Е. А. Давидович. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов, стр. 247.

⁵⁶ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, стр. 59.

⁵⁷ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби, стр. 187.

10. Отрар. Раскопки 1970 г. Медная монета найдена в восточном срезе стратиграфического шурфа, на верхней линии VI яруса. Представляет собой анонимный джучидский чекан второй половины XIV в. (Сарая?) ал-Джедида. Аналогичный тип известен по работам С. А. Яниной, К. М. Френа⁵⁸.

Л. ст. Легенда не читается.

Об. ст. В центре видна часть плохо сохранившейся шестиугольной звезды с точками и слово — عدل (узаконенный, приравненный к чему-то).

11. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус V. Фрагмент медной монеты является, по всей вероятности, анонимным джагатаидским чеканом самого Отрара.

Л. ст. В круге, окаймленном линейным ободком, от символа веры сохранилась только первая строка لا اله الا الله .

Об. ст. В поле, окаймленном двумя линейными ободками, сохранилось: ... حانی الامام الاظم . Данный экземпляр относится к типу джагатаидских монет, обнаруженных в поселке Чилик.

12. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. Медная монета найдена при расчистке стены. Чекан Тимуридов, Шахрух, Самарканд 819 г. х. (табл. III, рис. 5)⁵⁹.

13. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. Медная монета обнаружена при расчистке стены. Чекан Тимуридов, Улугбек, предположительно Бухара 832 г. х. Бухарские фулусы преобладают во многих среднеазиатских кладах XV в.⁶⁰, хотя чекан 832 г. х. представлен, кроме Бухары, другими монетными дворами, но монеты все однотипны⁶¹. Такое единообразие свидетельствует о том, что они имели равное обращение по всему государству Тимуридов⁶². На нашем экземпляре имеется надчекан более позднего времени, по-видимому, 898—901 г. х.⁶³. Надчеканивание монет — наиболее распространенный способ при феодализме извлечения фискальных доходов из монетного дела. Правительство стремилось надчеканить маловесные монеты, а более полновесные пускать в переплав и перечекан⁶⁴.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, надчекан в квадратном удлиненном картуше с наименованием монетного дво-

⁵⁸ С. А. Янина. Джучидские монеты. МИА, № 42, 1953, № 118; С. h. M. Frachin. *Reconsio Nummorum Muhammedanorum*. Petropoli, 1826, p. 409, № 35.

⁵⁹ Монета определена научным сотрудником отдела нумизматики Гос. Эрмитажа М. Б. Северовой.

⁶⁰ М. Е. Массон. Клад медных монет XV в. из Оша. ЭВ, XIII, 1960, стр. 115; Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских монет XV в. «Нумизматика и эпиграфика», т. 5, 1965, стр. 242.

⁶¹ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана..., стр. 228. е е же. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана. ЭВ, XVII, 1966, стр. 112.

⁶² Е. А. Давидович. По поводу двух кладов..., стр. 114.

⁶³ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана..., стр. 245—246.

⁶⁴ Там же, стр. 248.

ра, от которого сохранилось قندنگی... видимо, ضرب سمرقند, да туги ضرب Самарканда. По кругу в одном из шести отсеков картуша читается ضرب — чекан, остальная надпись стерта (табл. III, рис. 6).

Об. ст. В поле прописью проставлена дата, в которой понятно слово ثلاثين — тридцать. Обратная сторона однотипна с монетами, чеканенными в 832 г. х. в Бухаре⁶⁵. Следовательно, наш экземпляр относится к чекану Бухары с поздним надчеканом в Самарканде.

14. Отрар. Раскопки 1970 г. Ярус VIII (1). Разрез стратиграфического шурфа. Медная монета найдена в северной части раскопа на уровне пола помещения с нишей. Чекан Тимуридов 832 г. х., наименование монетного двора стерто, возможно, Бухара.

Л. ст. Кое-где сохранился орнаментальный картуш с шестью отсеками, характерный для тимуридского чекана.

Об. ст. В поле еле заметная дата, от которой читается ثلاثين و ثمانمائة — восемьсот тридцать...

15. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VI, пол 8. Обнаружены две медные монеты. На одной хорошо видна только дата, на другой — картуш из шести отсеков. Согласно дате (Л V Ч, т. е. 876 г. х.), обе монетки относим к правлению тимурида Султана-Ахмеда. Чекан, по-видимому, Самарканда.

16. Отрар. Раскопки 1969 г. Медная монета найдена в яме, в юго-западном углу разреза крепостной стены. Чекан Тимуридов, Андиган 832 г. х.

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном геометрическим орнаментом, читается наименование монетного двора — اندكان (Андиган). От надписей, расположенных в шести отсеках картуша, сохранилось ... فلوس (фулус...). Ободок линейный и точечный (табл. III, рис. 7).

Об. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, сохранилось... فی ال.

17. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VI (1). Медная монета найдена в юго-западном углу раскопа. Она весьма плохой сохранности. На лицевой стороне частично прослеживается надчекан с растительным орнаментом, который Е. А. Давидович относит к третьей группе надчеканов первого разряда и считает, что они были сделаны после 901 г. х., т. е. еще до окончательного закрепления Шейбани-хана в Средней Азии⁶⁶ (табл. III, рис. 8).

Об. ст. стертая.

18. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VII (2). Медная монета обнаружена в юго-западном углу раско-

⁶⁵ Там же, таблицы 1 и 2.

⁶⁶ Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии. «Изв. Отделения общ. наук АН ТаджССР», 1953, вып. 3, стр. 55.

па, в стене помещения с нишкой. Плохой сохранности. На лицевой стороне сохранился частично геометрический картуш, характерный для медных монет XV в., т. е. с шестью отсеками. На оборотной стороне должна быть дата прописью, от которой чтению поддаются лишь наверху ل , а на третьей строке — ل ...

19. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез крепостной стены. Медная монета найдена в верхней части стены.

Л. ст. без ободков, наверху читается... بول... ..., далее все стерто.

Об. ст. совершенно стертая.

По почерку и технике изготовления можно предположить, что монета чеканена не ранее XVI в.

20. Отрар. Раскопки 1969 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус V (2). Монета медная, весьма плохой сохранности. Судя по форме и технике изготовления, ее можно отнести к чекану XV—XVI вв.

21. Отрар. Раскопки 1970 г. Монета обнаружена в срезе крепостной стены. Она серебряная с большой примесью латуни, стертая, по форме напоминает чекан XVI в.

22. Отрар. Раскопки 1970 г. Разрез стратиграфического шурфа. Ярус VIII (2). Медная монета найдена в северной части раскопа на уровне пола с помещениями 1—3. Стертая.

23. Отрар. Раскопки 1970 г. Медная монета найдена в срезе выгребной ямы, в юго-западном углу крепостной стены, на уровне 4—5 ярусов. Стертая.

Таким образом, нумизматический материал, полученный из стратиграфического шурфа и разреза крепостной стены, в основном представлен монетами позднего (XV—XVI вв.) и раннего средневековья (VII—VIII вв.). На таком небольшом материале пока невозможно сделать какие-то обобщения. Однако имеющиеся данные позволяют говорить о широких торговых связях Отрара с Согдом и среднеазиатскими городами тимуридского времени.

Дальнейшие археологические работы, которые ведутся на Отрар-тобе и городищах Отрарского оазиса в широких масштабах, несомненно, дадут богатейший монетный материал. В XIII—XIV вв. мы знаем здесь функционировал свой монетный двор, продукция которого встречается довольно часто. Детальное изучение нумизматического материала по культурным слоям поможет нам узнать одну из наиболее интереснейших страниц финансово-экономической и политической истории как Отрар-тобе, так и городов всего Отрарского оазиса.

**К ВОПРОСУ О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ
ВОЗРАСТЕ ДРЕВНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ХРЕБТА КАРАТАУ
(Южный Казахстан)**

А. В. ВИСЛОГУЗОВА

За последнее десятилетие в районе хребта Каратау обнаружено большое количество как отдельных орудий, так и мест стоянок каменного века. Исключительно большой интерес представляют стоянки-мастерские открытого (наземного) типа: Борыказган, Танирказган, Шабакты I, Аккуль, Токалы I, II, III и Кызылрызбек, расположенные в предгорной зоне северо-восточного склона хребта Каратау, а также каменные изделия и отщепы, найденные в конгломератах на левом берегу р. Арыстанды у пос. Конырдек (Буденный), в пределах юрского грабена, разделяющего Большой и Малый Каратау.

Х. А. Алпысбаев, изучающий палеолит хребта Каратау, подразделяет местонахождения и предметы по времени на раннюю и позднюю стадии древнего палеолита. К шельской или шель-ашельской эпохе им отнесены стоянки Борыказган, Танирказган, Шабакты I, Аккуль и отдельные предметы из конгломератов р. Арыстанды; к поздней стадии — ашель-мустье — стоянки Токалы I, II, III. Геологический возраст шельской и шель-ашельской эпохи ка-

менной индустрии данного района, по его мнению, соответствует нижнечетвертичному времени¹.

Изучая геоморфологию и четвертичные отложения в бассейне р. Арыстанды и предгорной зоны северо-восточного склона хребта Малого Каратау, нам удалось выяснить четкую приуроченность палеолитических местонахождений к определенным ступеням континентального выравнивания, образующим ярсность рельефа.

В предгорной зоне северо-восточного склона хребта Малого Каратау насчитывается пять разновозрастных ступеней. Более древняя — пятая, она выражена реликтами поверхности древнего шлейфа конусов выноса, которые сохранились на плосковершинных останцах, сложенных палеозойскими породами. Останцы наряду с отдельными возвышенностями господствуют над более низким мелкосопочником. Абсолютные высоты реконструированной поверхности древнего шлейфа изменяются от 575 м у подножия хребта до 415 м у краевой части шлейфа. На северо-запад она снижается до 360 м и уже за пределами района погружается под отложения более молодого комплекса пород.

Пролувияльные отложения древнего шлейфа, сохранившиеся на палеозойских останцах, представлены крупногалечными конгломератами серого цвета, цемент известковистый. Валуну и галька палеозойских пород имеют угловатую форму и плохую сортировку. Реже встречаются хорошо окатанные кремнистые гальки, переотложенные из отложений меловых и палеогеновых пород. Мощность конгломератов изменяется от 2—4 и до 10 м.

Конгломераты, слагающие древний шлейф конусов выноса, фаунистически немы. Их возраст устанавливается согласно стратиграфическому и геоморфологическому положению.

В горной части хребта и в районе оз. Кызылколь конгломераты подстилаются палевыми известняками верхнего плиоцена. Местами они лежат на красных глинах олигоцена или непосредственно на палеозойских породах. С поверхности конгломераты перекрыты лессовидными суглинками нижнечетвертичного времени, которые охарактеризованы фауной кошкурганского комплекса². Такое стратиграфическое положение позволяет сопоставить конгломераты древнего шлейфа предгорной зоны северо-восточного склона хребта Малого Каратау с конгломератами илийской свиты и отнести их к верхнеплиоценовым. К такому же выводу раньше пришел А. Г. Черняховский, он считает эти конгломераты синхронными отложениям сохской свиты верхнего плиоцена³.

¹ Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. «Советская археология», 1961, № 1, стр. 128—138.

² Н. Н. Костенко. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1963, стр. 37—38.

³ А. Г. Черняховский. К вопросу о расчленении плиоцен-четвертичных отложений хребта Каратау. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1962, № 27, стр. 102.

Конгломераты, содержащие каменные орудия шелльской или шелль-ашельской эпохи, распространены на водоразделах поперечных долин под толщей лессовидных суглинков нижнечетвертичного времени. Они лежат резко несогласно на меловых и юрских породах, выполняющих грабен. Их возраст верхнеплиоценовый⁴, генезис пролювиальный, они приурочены к подножию юго-западного склона хребта Малого Каратау. Следовательно, это тот же древний шлейф конусов выноса, образующий пятую аккумулятивную поверхность в предгорной зоне хребта Малого Каратау.

Четвертый геоморфологический уровень выражен аккумулятивной поверхностью четвертой надпойменной террасы и скульптурными площадками междуречий, соответствующих гипсометрически поверхности этой террасы.

Аллювиальные отложения представлены галечником средней окатанности с заметно выраженной сортировкой. Обломки в основном не превышают 10 см. Местами галечники сцементированы глинистым цементом.

Вложение аллювия четвертой надпойменной террасы в плиоцен-нижнечетвертичные осадки, наблюдаемое в долинах рек Арыстанды и Чабакты, свидетельствует о том, что заложение гидрографической сети хребта Малого Каратау и тем более накопление в долинах рыхлого материала надпойменных террас происходило не ранее среднечетвертичного периода.

К четвертой описанной ступени относятся стоянки Борыказган и Танирказган. Они расположены в 10 км к югу от колхоза им. Ленина Таласского района Джамбулской области и приурочены к вершине гряды, которая с юго-запада ограничивает урочище Борыказган. Гряда вытянута на 10 км с юго-востока на северо-запад. Наибольшая высота ее с абсолютной отметкой 526 м находится в середине гряды. Краевые части значительно снижены. Стоянки-мастерские Борыказган и Танирказган лежат на высоте 500 м в пределах ее северо-западного окончания. Это на 10—15 м ниже уровня древнего шлейфа конусов выноса (рис. 1) и примерно соответствует денудаци-

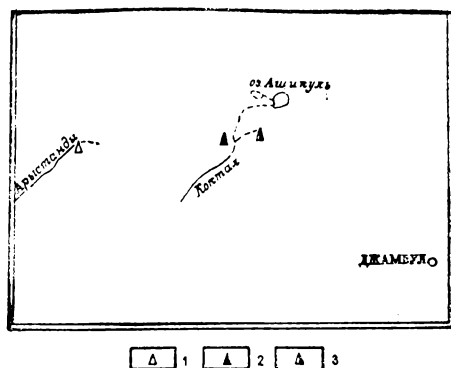

Рис. 1. Схема расположения основных месторождений древнего палеолита: 1 — единичные образцы из конгломератов; 2 — стоянки Борыказган и Танирказган; 3 — стоянки Токалы I, II, III; 4 — линия профиля.

⁴ А. В. Вислогужева. Бассейн р. Арыстанды. «Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана». Алма-Ата, 1961, стр. 19.

онному уровню, выработанному в начале среднечетвертичного времени. На этом уровне расположены и стоянки Токалы I, II, III. Они лежат на 5—7 м ниже реконструированной поверхности древнего шлейфа.

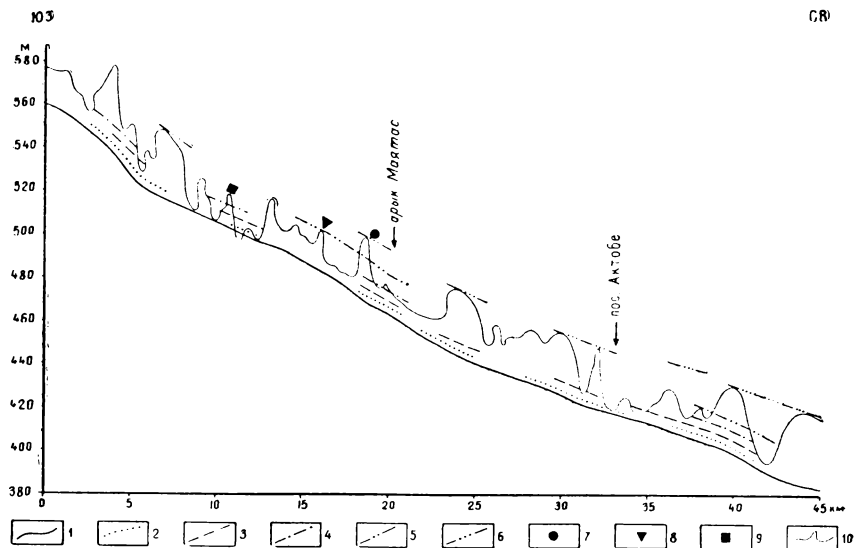

Рис. 2. Продольный профиль р. Коктал, совмещенный с террасами и линией водораздела (предгорная зона северо-восточного склона хребта Малого Каратау). 1 — тальвег долины; надпойменные террасы: 2 — первая (Q_1); 3 — вторая (Q_2); 4 — третья (Q_3); 5 — четвертая (Q_4); 6 — поверхность древнего шлейфа (N_2); геоморфологическое и гипсометрическое положение древнепалеолитических местонахождений; 7 — единичные образцы из конгломератов; 8 — стоянки Борыказган и Танирказган; 9 — стоянки Токалы; 10 — линия водораздела.

Третья, вторая и первая ступени или ярусы рельефа отвечают аккумулятивным поверхностям третьей, второй и первой надпойменных террас. В пределах мелкосопочника уровню третьей террасы соответствуют скульптурные площадки и вершины сопков уже расчлененного рельефа, а второй и первой надпойменным террасам — самые низкие денудационные уровни (днища соров и понижений).

В отложениях третьей надпойменной террасы р. Арыстанды Х. А. Алпысбаевым обнаружена многослойная палеолитическая стоянка им. Валиханова. Каменная индустрия стоянки отнесена им к мустье. Из ее многочисленных остатков млекопитающих Б. С. Кожамкуловой определены *Equus caballus* cf. *taubachensis* Freud., *Bison* cf. *priscus* Gromova. Эта фауна характерна для второй половины среднечетвертичного времени.

По палеонтологическим данным, возраст отложений второй надпойменной террасы верхнечетвертичный. В осадках одноименной террасы р. Ушбас обнаружен зуб ископаемой лошади *Equus caballus fossilis*. В этих же отложениях долины р. Кыр-Чабакты собраны обломки зуба подсемейства козлов — *Caprinae*?

По заключению Б. С. Кожамкуловой, данная фауна указывает на верхнечетвертичный возраст. Кроме того, в долине р. Чабакты в суглинках второй надпойменной террасы собраны моллюски *Succinea pfeiferi* Rossm., которые, по определению М. В. Бажановой, относятся также к верхнечетвертичному времени.

В отложениях первой надпойменной террасы захоронены кости современных животных *Gazella subgutturosa*, *Camelus bactrianus domesticus* I.

Таким образом, геоморфологический анализ рельефа и коррелянтных ему отложений позволяет сделать следующие выводы:

1. Геоморфологические и геологические условия захоронения каменных изделий и отщепов из конгломератов р. Арыстанды отличаются от геологического и геоморфологического положения стоянок Борыказган и Танирказган. Следовательно, эти местонахождения должны иметь различный возраст в отличие от однозначного определения их геологического возраста Х. А. Алпысбаевым. Если же в конгломератах р. Арыстанды действительно обнаружены орудия и отщепы шелльской или шелль-ашельской эпохи, то древний палеолит здесь приурочен к отложениям верхнего плиоцена.

2. Стоянки Борыказган и Танирказган, расположенные ниже реконструированного уровня пролювиального шлейфа верхнего плиоцена, приурочены уже к денудационному уровню, выработанному в начале среднечетвертичного этапа рельефообразования. Таким образом, и самые ранние остатки деятельности ископаемых гоминид следует датировать лишь среднечетвертичной эпохой.

3. Если учесть, что возраст стоянок типа Борыказган и Танирказган занижен, а датировка местонахождений Токалы I, II, III, расположенных в одинаковых геоморфологических условиях с первыми, соответствует их геологическому возрасту, то выделение ранней и поздней стадий древнего палеолита в хребте Каратау не обосновано. Возможно, эти стоянки возникли в конце нижней половины среднечетвертичной эпохи, так как в начале этого времени происходило интенсивное расчленение пятого (наиболее высокого) уровня.

XV—XVIII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ МАТЕРИАЛДЫҚ МӘДЕНИЕТІ ЖӘЙЛІ КЕЙБІР ДЕРЕКТЕР

С. ЖОЛДАСБАЕВ

Он бесінші — он сегізінші ғғ. халқымыздың тарихында аса маңызды кезең болып табылады. Өйткені бұл кезде қазақ халқы өзінің қазақ деген атымен тарихи аренаға шыға бастаған кезі болса, екіншіден жеке ел болып, хандық үкімет құруы аяқталған уақыт еді.

Алайда бұл кезең саяси жағынан болса да, материалдық жағынан болса да әлі де толық зерттеле қойған жоқ. Тарихшыларға белгілі В. В. Вельяминов-Зерновтың,¹ Ш. Ш. Уәлихановтың,² С. Д. Асфендияровтың еңбектері,³ біріншіден, халқымыздың тарихын зерттеудегі өскелең талапқа жауап беруде қанағаттанарлықсыз болса екіншіден, оларды табудың өзі де қиынға айналған еді.

Соңғы кезде ғана араб, парсы, түрік тіліндегі шығармалар толық болмаса да аударылып, зерттеушілерге де, өз халқының ертедегі тарихын сүйіп оқитын оқырман қауымға да мүмкіндік туа

¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II—III. СПб., 1864.

² Ч. Ч. Валиханов. Соч. в V томах, т. I. Алма-Ата, 1961.

³ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Под. ред. проф. С. Д. Асфендиярова. Алма-Ата, 1935.

бастаған еді.⁴ Осы аударылған деректердің жалпы мағынасына зер салсаңыз: XV—XVIII ғасырлардағы хандар арасындағы ұрыс-талас, дау-жанжал және олардың тұқым-тұрпағы туралы берекесіз «дүниенің» арасында қаласыз. Дегенмен зерттеуші өзінің іздеген мақсатына сай бұл шығармалардан да негіз таба алады. Мәселен, Рузбехан сияқты авторлардың қазақ халқының өмірі туралы айтуы, біздің сөз еткелі отырған тақырыбымызға, өз кезіндегі таптырмайтын деректер.

Рузбехан өзінің «Михман-намей Бухара» атты шығармасында: «Қазақ хандары, түйе, ат қосқан арбалармен көшеді. Көшкен кезде, арбалар бір-бірінің артынан жүреді, арбалардың көптігі сонша, олар тоқтағанда жүздеген метрге дейін созылады... арбалар түрлі-түсті бояумен сырланған және түрлі үлгі-өрнектермен әшекейленген киізбен жабылған... кедей қазақтардың үйлері де сондай, бірақ олардың үйлері кішілеу, ондай үйлерді бір түйемен де тартуға болады. Мен бұрын мұндай арба үстіне жасалған киіз үйлерді көрмеген едім, бұл менің Ясси (Түркстан) қаласының аймағынан бірінші рет көруім. Бұл үйлердің жасалуының өзі бір тамаша, кейбір үйлердің алды-артында терезелері бар...»⁵ — деп таңданады.

Арба үстіне жасалған киіз үй туралы хабарды екінші бір автор Сейфиден де кездестіреміз.⁶ Рузбеханнан жазғанындай сипаттаманы XIII—XIV ғасырларда Қазақстан жерінде болған Г. Рубрук пен П. Карпинилер де жазған. Мәселен, Рубрук киіз үйді суреттей жаза келіп: «...киіздің алыстан аппақ болып жарқырап көрінуі үшін, киізге түрлі ағартатын заттарды жағушы еді, ал, кейбір үйлердің үлкендігі соншалықты, ондай үйлерді тарту үшін 22 өгіз қосады, оның 11-і бір қатарда, ал, екінші 11-і екінші қатарда»⁷,— дейді. Егер Рузбехан:

⁴ С. К. Ибрагимов. «Михман-намей-Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана. В кн.: «Новые материалы по истории древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 141—157; Соныкі: Қазақ тарихының кейбір жаңа деректері жөнінде. «Известия АН КазССР», серия ист., арх. и этн., 1959, вып. 1, 75—78-беттерде; Соныкі: «Шейбани-наме». Бенаи — как источник по истории Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1959, стр. 90—207; Соныкі: «Новые материалы по истории Казахстана X—XVI вв.». «История СССР», 1960, № 4, стр. 156—159; Соныкі: «Масуда-бен Османи» Кухистани Тарихи Абдул-хаир-хани» (перевод). «Известия АН КазССР», серия ист., арх. и этн., 1958, вып. 3, стр. 85—103; «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969; С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. В кн. «Новые материалы по истории древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 72—92; К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII вв. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 5—49; Т. Султанов. Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.). «Известия АН КазССР», серия обществ., 1970, № 1, стр. 46—48.

⁵ С. К. Ибрагимов. «Михман-намей-Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана, стр. 154; «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Под. ред. проф. С. Д. Асфендиарова. Алма-Ата, 1935.

⁶ Т. Султанов. Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.), стр. 49.

⁷ «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Гильема Рубрука». М., 1957, стр. 91—92.

«кіші арбаларды бір түйе тартады» десе, ал Карпини: «бұл кіші арбаларды бір я болмаса арбаның үлкен-кішілігіне қарай, бірнеше өгіздер тартады»,⁸ — дейді.

Арба туралы деректі қазақтың батырлар жырынан да кездестіреміз, мәселен «Қыз Жібек» жырындағы Жібектің күймесі келтіріп отырған авторларымыздың суреттемесіне сай келетінін байқаймыз.

Киіз үйдің қаңқасы, арба, ер тұрман, үйге қажетті сандық (абдыра, кебеже), адалбақан, ыдыс аяқтар (шөміш, қасық, астау, тегене), өрмек тағы басқа заттарды жасау әрбір адамның қолынан келе беретін іс емес, сондықтан да сол кездегі қазақ халқының арасында ағаш шеберлерінің болғандығына ешбір күмән болмас дейміз. Бұл деректерге қарағанда, біріншіден, XV — XVI ғасырларда қазақ халқының арбамен көшіп-қонғандығын байқасақ, екіншіден дамыған қол өнердің болғандығын көреміз.

Ак. В. В. Бартольд өзінің арба туралы мақаласында⁹ қазақ халқының арасында арбаның жойылуына XV — XVI ғасырлардағы экономикалық құлдыраушылық, Орта Азия мен қазақ хандықтарының арасындағы соғыстар себеп болды дейді. Келтірілген деректерден бұл кез қазақ халқының арасында арбаның жоғала бастаған кезі емес, қайта, оның жасалу жағынан дамыған кезін көреміз. Ендеше арба қашан жойыла бастады, оған себеп қандай жағдай деген сұрау әзірше жауабын күтуде.

Рузбехан сауда туралы да мәлімет береді: «Сағанақ (Сығанақ) қаласы қазақ халқы үшін сауда жұмысының басты бір орны болды... мәселен, қаланың базарына сатылу үшін күніне 500-ден астам түйе алып келінсе, ал кешке қарай ол түйелердің бірде біреуі сатылмай қалмаушы еді»,¹⁰ — дейді.

Ал Сейфи шығармасынан Орта Азия жеріне барған қазақ саудагерлерінің қандай заттар апарғандығы жайлы хабар аламыз. Ол: «Базарға түскен қазақ шекпендері қой жүндерінен жасалған, олар бұл шекпендерін әр түрлі бояйды, одан соң шекпен атлас шекпеніне ұқсайды, шекпендердің көркі және биязылығы тым жақсы болғандықтан олар атлас шапан бағасымен сатылады»,¹¹ — дейді. Бұған қосымша екінші бір зерттеушіміз Сейфидің шығармасын одан әрі аударып, мынадай мағлұмат береді: олардың (қазақтардың) қой терісінен жасаған тақыр тондары бар (накидки), ол тондардан жауыншашын мүлде өтпейді».¹²

Қазақ шеберлерінің қолынан шыққан шекпен мен тондардың жоғары бағалануы олардың жылылығында, су өтпестігінде, әрі жеңіл, ұзақ уақытқа төзімділігі және жұмысқа икемділігінде еді.

⁸ Көрсетілген шығарма. Путешествия.... 28-бет.

⁹ В. В. Бартольд. Т. IV, стр. 406—408-б.

¹⁰ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Под ред. проф. С. Д. Асфендиярова. Алма-Ата, 1935, стр. 108.

¹¹ С. К. Ибрагимов. Көрсетілген шығарма, 75—78-беттер.

¹² Т. Султанов. Көрсетілген шығарма, 49-бет.

Деректерге қарағанда қазақ хандықтарымен Орта Азия хандықтарының арасындағы басты сауда орындары Сыр бойындағы Сығанақ, Түркстан (Ясси), Сауран, Сайрам, Қаратаудың солтүстік жағындағы Созақ¹³ сияқты т. б. қалалар болған. Оған дәлел Сығанақ базарына түскен 500 түйенің бір күнде түгелдей сатылуы, базарға Орта Азия саудагерлерінің көп келетіндігін байқатады.

Сонымен Сырдария бойындағы қалалардығы сауданың дамуы үйдегі қолөнер кәсібінің дамыған кезін көрсетеді. «Үйдегі өнер кәсіп деп — біз шикі заттарды өзі шығарып отырған шаруашылықтың (шаруа семьясының) өзінде өңделуін айтамыз»¹⁴, — дейді В. И. Ленин. Бұл қағиданың XV—XVIII ғасырлардағы қазақ халқының өміріне дәлме-дәл сай келетіні жоғарыда келтірілген мәліметтерден-ақ көрінеді.

Рузбехан қазақ халқының аң аулаумен айналысқандығы жайлы: «аңның еті тамақ болса, ал терісінен қыстың күндері киетін сырт киімдер тігетінін»¹⁵ хабарлайды.

Қазақ халқының арасында аң аулау салты осы күнге дейін сақталып келеді. Ал бұрынғы кезде аң аулау кәсібін байлар көңіл көтеру үшін тамашаласа, кедей шаруалар тіршілік ету үшін кәсіп еткені белгілі.

XVI ғасырдағы қазақ халқының өмірі жайлы кейбір деректерді, Мұхаммад Хайдардың «Тарихи-Рашиди» атты шығармасындағы, қазақ ханы Қасымхан мен Мағұлстан ханы Сейіттің арасында болған әңгімеден байқауға болады: «Біз дала халқы, Сіз сияқты құрметті қонаққа тарту етіп, құрмет көрсетерліктей сирек кездесетін қымбат заттар бізден табылмайды. Біздің басты байлығымыз мал, малдың жүні мен терісі киім болса, еті мен сүті тамағымыз болады. Ал жылқы сүтінен жасалатын қымыз, біздің аса бір қасиетті сүйсініп ішетін ішімдігіміздің бірі... Ал жайылған қора-қора қой, үйір-үйір жылқы біздің тамашалап көңіл көтерер жеріміз болады».¹⁶ Бұл үзіндіден қазақ халқында тек көшпелі мал шаруашылығының басым болғандығы байқалады. Алайда Қасым ханның сөзіне қарап ол кездегі қазақ халқы дерліктей көшпелі болды десек, ол біздің біржақты ойлағандығымызды көрсеткен болар еді. Егер Қасым сияқты ірі байлар үйір-үйір жылқысы мен қора-қора қойларын тамаша етіп жаз жайлауы, қыс қыстауында жүрсе, ал қолында шамалы ғана малы бар, ол малмен көшіп-қонып күн көруге киын болатынын білетін қазақтың кедей

¹³ К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 27—29; Р. З. Бурнашева. Клады медных монет из города Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев». Алма-Ата, 1969, стр. 63—64.

¹⁴ В. И. Ленин. Шығармалары, 3 т. 356-бет.

¹⁵ С. К. Ибрагимов. Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв. «История СССР», № 4, 1960, стр. 157.

¹⁶ «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 226—227.

топтары, Сырдария бойындағы қалалар мен қала маңындағы қыстақ-кенттер де тұрып егін егумен, аң аулаумен, балық ұстап күн көру сияқты кәсіптермен шұғылданғандығын байқауға болады.

Мәселен, 1969—1970 жылдардағы Сырдарияның орталық ағысына жүргізілген палеоэтнографиялық барлау жұмысы XIII—XIX ғасырларға жататын көптеген қыстақ-кенттердің орнын тапты.¹⁷ Бұдан біз Рузбеханның: «Сырдария бойындағы қазақтардың қыстаулары 300 фарсаннан асады»,¹⁸—деп бекерге айтпағанын байқаймыз. Ендеше Сыр бойы қазақ халқының ертеден келе жатқан ата мекені болғандығын, оның жағалауындағы қыстақ-кенттердің, ескі арық-тоғандардың орны, Сыр суынан нәр алып қайнаған өмірдің арнасы болғандығына айғақ. К. Маркс шығыс еліндегі тайпалардың бір бөлігі малмен, бір бөлігі жер шаруашылығымен айналысатындығын жазған болатын.¹⁹ Сол тайпалардың бірі Сыр бойындағы қыстақ-кенттердің иесі қазақ халқы екендігін кім теріске шығарды.

Халқымыздың материалдық жағын зерттеуде басты бір дерек — жерімізде жүргізіліп жатқан археологиялық зерттеулер болып табылады. Мәселен, қола дәуірінің ескерткіштерінің зерттелуі, кейбір тұжырымды пікірлерді тудырып жүр. Қола дәуірінің адамдарының қолынан шыққан қыштан жасалған ыдыстарының сыртындағы үлгі-өрнектерге қарасақ, осы күнгі қазақтардың түскиіз, текемет, кілем, сырмақ сияқты заттарындағы үлгі-өрнектерге ұқсастығын байқаймыз.²⁰ Сонымен бірге қола дәуірінің үй құрылыстары да қазақтар киіз үй құрылысына ұқсастығы байқалады.²¹ Сол сияқты қыпшақ дәуіріне жататын мазарлардың зерттелуі, одан табылып жүрген заттық ескерткіштер (ер-тұрманға, әйелдерге қажетті сәнді заттар, қару-жарақтар, кұрал-саймандар), халқымыздың соңғы кезге дейін тұрмыста пайдаланып жүрген заттарына ұқсас екендігін көреміз.²²

¹⁷ С. Жолдасбаев, 1969—1970 жылдардағы археологиялық барлау кезінде табылған қазақтың тұрақты қоныстары жайлы хабар. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 187—193.

¹⁸ С. К. Ибрагимов. Көрсетілген шығарма. В кн.: «Новые материалы по истории древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 144—145.

¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 28, М., 1962, стр. 214.

²⁰ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 62, табл. 1; стр. 64, табл. 2; стр. 66, табл. 3; стр. 108—111, табл. 8, рис. 38; М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 224—227, рис. 5—10, табл. 1—IV.

²¹ М. Оразбаев. Поселение Чаглинка (Шағалалы). Некоторые формы и типы жилищ. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 142—145, рис. 8, 9, 10; Соныкі: Колодцы на поселении Чаглинка. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1971, стр. 154—156.

²² Ф. Х. Асланова. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 43—46, рис. 1, 2; ее же. Погребение золотоординского времени в Павлодарской области. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 54—59, табл. 1; ее же. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье. В кн.: «Раскопки и поиски в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 56—76, табл. I, III—V, 2.

Қазақстан археологтарының соңғы кездегі жемісті қазба жұмыстары орта ғасырлар тарихына жататын қалаларды зерттеу мәселесі болып отыр. Мәселен, археология бөлімінің меңгерушісі К. Ақышовтың басқаруымен әйгілі Отрар қаласының қазылуы үшін барлау жұмысының нәтижесі — 1972 ж. «Древний Отрар» атты кітап болып баспадан шығуы.

Ал соңғы жылдарда Сырдария бойындағы және Қаратаудың солтүстік жағындағы қалаларға жүргізілген зерттеу жұмыстар ол қалалардың үстіңгі мәдени қабаттарының XV — XVIII ғасырларға жататынын дәлелдеп отыр.²³ Бұл кез қазақ халқының жеке ел болып хандық үкіметін құрған кезі болса, XVI ғасырдан бастап Сырдария бойындағы қалалар және Қаратаудың солтүстігіндегі қалалар қазақ хандығының қарамағына біржола өткен кезі еді.²⁴ 1971 жылы Қаратаудың солтүстік баурайында Қарақұр сайының аузындағы «Күлтөбе» қалашығына жүргізілген қазба жұмысының нәтижесінде алынған қыш ыдыстарының формалары XIX — XX ғасырлардағы қазақ халқының ағаштан жасаған ыдыстарының формасына ұқсастығын байқауға болады.²⁵ Күлтөбе бекінісінен табылған ыдыстардың аналогиясын Сырдария және Қаратаудың солтүстігіндегі басқа қалалардан алынған қыштан жасалған ыдыстарға дәл келетіндігі байқалады.²⁶

Қорыта келгенде соңғы кездегі археологиялық зерттеу жұмыстары жерімізде ғасырлар бойы белгісіз болып жатқан «ескінің көзі, жаңаның жұрнағы» болып табылатын, ата-бабаларымыздың қолынан шыққан ескерткіштерді зерттей отырып, халқымыздың тарихи даму жолын тексеруде өздерінің зор үлестерін қосуда.

Халқымыздың материалдық жағы туралы деректерді XVI — XVIII ғасырлардағы Орыс мемлекеті мен қазақ хандықтарының арасындағы болған дипломатиялық байланыстар кезіндегі документтерден де алуға болады. Орыс мемлекетінің шығыс сауда жолы үшін жүргізген саясаты мен қазақтың Россияға қосылу үшін әрекет жасаған хандарының саяси мәселелері туралы бұл жерде біздің тоқтағы-

²³ К. А к и ш е в, К. Б а й п а к о в, Л. Е р з а к о в и ч. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 30—34, 40—42; К. Б а й п а к о в, Л. Е р з а к о в и ч. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971; Л. Е р з а к о в и ч. О позднесредневековом городище Сузак. (Северные склоны Каратау). «Изв. АН КазССР», сер. общ., 1966, вып. 3, стр. 66—69; его же. Полівная керамика городища Сузак XIII—XVIII. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 79; его же. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1971, стр. 98—106.

²⁴ К. А. П и ш у л и н а. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969; Р. З. Б у р н а ш е в а. Клады медных монет из города Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 66—68.

²⁵ Күлтөбе материалы әлі жарияланған жоқ.

²⁶ К. А к и ш е в, К. Б а й п а к о в, Л. Е р з а к о в и ч. Көрсетілген шығарма, 3-бет. Табл. XI, 39 б., табл. X; Л. Е р з а к о в и ч. Полівная керамика городище Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 80—84, рис. 1—2.

мыз келмейді. Ол туралы тарихи әдебиеттерде жеткілікті айтылып жүр.²⁷ Ал біздің мақсатымыз, тақырыпқа байланысты, осы бір саяси дипломатикалық науқан кезінде, орыс елшілерінің өз өкіметінің өкімдері алдында берген жауаптарында аз да болса қазақ халқының тұрмысы жайлы хабарлауын қосымша арқау етпекпіз. Мәселен, Түркстанда болып қайтқан Василий Кобяков былай дейді: «қарақалпақтар мен қазақтар мылтықты Бұхар қаласынан сатып алады, ал оқ-дәрі жасауды өздері де жақсы біледі екен, оқ-дәріге қажетті металл өз жерлерінде де табылады... ал Тәуке хандығында астық өте көп шығады».²⁸ Ал бұдан екі-үш жыл кейін келген орыс елінің елшілері Ф. Скибин мен М. Трошиндер де Түркстан қаласындағы және оның маңындағы қалалардағы қазақтар туралы хабарларында: «қазақтар тамақты жылқының қиымен пісіреді, ал Сырдария бойынан әкелген ағаш отындарын қалада сатады екен... қазақтардың қалалары Түркстанға жақын тұрады, қалаларда бұхаралықтар көп тұрады, қазақтар аз тұрады... олардың астық егуі тым қарапайым, қойлары, жылқылары, өте көп, сиыр малы аз екен, қарулары найза, садақ, қорған ататын мылтықтары аз, оқ-дәріні өздері қолдан жасайды, ал қорғасынды Карнак қаласында (Карнак қаласы Түркстанның оңтүстік батыс жағында, қазіргі «Атабай» совхозының жанында) ерітеді екен»,²⁹ — дейді.

Келтірілген үзінділерден XVI ғасырда Түркстан аймағында және Сырдария бойында өмір сүрген қазақ халқының шаруашылығынан толық суреттемені көруге болады. Біріншіден, егін егумен айналысқандығы жайлы екі елшілік те хабарлайды, егер Ф. Скибин мен М. Трошин: «олардың егін егуі тым қарапайым» десе, ал, В. Кобяков: «олар бидайдың жаздық және күздік түрлерін де егеді екен», — дейді. Мәселе — олардың астық егумен айналысқандығында.

Әрине, астық егу Қазақстан жерінде осы мезгілден ғана басталған екен деген ойдан аулақпыз, өйткені біз түрлі археологиялық зерттеулер³⁰ арқылы жерімізде астық егу мәселесінің сонау қола

²⁷ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; В. Я. Б а с и н. Из истории русско-казахских дипломатических отношений в XVI—XVII вв. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 1; А. С а б ы р х а н о в. Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVIII в. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 2; ег о ж е. Из истории казахско-русских дипломатических связей в XVIII в. «Вестник АН КазССР», 1965, № 10; А. С а б ы р х а н о в. Қазақстан мен Россияның XVIII ғасырлардағы қарым-қатынасы. Алматы, 1970, т. 6.

²⁸ Е. М а с а н о в. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, стр. 33.

²⁹ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1933, стр. 267—269.

³⁰ А. М а р г у л а н. Из истории городов и строительных искусств древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, стр. 4; С о н ы к і: «Ерте дәуірдің архитектурасы». Алматы, 1954, 83-бет; К. А к и ш е в. О возникновении земледелия у древних усуней Семиречья. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 69—78; ег о ж е. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В кн.: «Раскопки и поиски в Казахстане». Алма-Ата, 1970.

дәуірінен орта ғасыр дәуіріне дейін әр түрлі әдістермен дамығандығын білеміз. Ал бұл жерде біздің көңіл аударар мәселеміз — XV—XVIII ғасырларда қазақ халқының тек көшпелі мал шаруашылығымен ғана айналысып қоймай, астық егумен де шұғылданғанын айтпақпыз.

Халқымыздың XVI — XVIII ғасырлардағы материалдық жағын сауда-саттық жұмыстары кезіндегі басқа елдерге ұсынған товарларынан да білуге болады.³¹ Орыс елі жәйлі жазылған Батыс Еуропаның кейбір әдебиетшілерінің кітаптарында қазақтардың са-ту үшін әкелген товарлары туралы айтылады. Мәселен, Италия әдебиетшісі Иовий: «орыстардың оңтүстігінде тұратын татарлар (қазақтар) орыс жеріне жүйрік жылқылар мен ақ қойдың жүнінен басылған аппақ киіз әкеліп сатады екен, ол киіздер әрі жұмсақ, әрі жеңіл, одан су өтпейді. Сондықтан ондай киіздерден солдаттарға... епанчи (кебенек, плащ) тігеді, ал татарлар (қазақтар) орыстардан, матадан тігілген көйлек және күміс теңгелер алады»,³² — дейді. Ал екінші бір автор Герберштейн: «олардың сүйкімді тамақтарының бірі жылқы еті екен... киімдері қой терісінен тігіліпті»,³³ — дейді. XVI ғасырдың ортасында Қазақстан жерінде болған Джениксон да қазақтардың орыс еліне өздерінің малын және малдан алынатын шикі заттарды апарып сататындығы жайлы хабарлайды.³⁴

Ал XVI ғасырдың аяғында қазақтар орыс жерінде сауда жа-сау үшін Иван Грозныйдан өмірі бойынша (пошлинсыз) налогсыз сауда жүргізуге рұқсат грамотасын алады.³⁵ Қазақтарға бұл «жақ-сылық» оларға өздерінің артық заттарын өткізуге мүмкіндік болса, екіншіден өздеріне қажетті зәру заттарын алуға аз да болса мүм-кіндік туған кез болды.

Осы мезгілден бастап орыс мемлекеті мен қазақ хандығының арасында сауда жұмысы кең түрде жүре бастайды. Оған себеп қазақ жері сауда жолының басты торабы еді. Егер орыс саудагерлері То-был қаласы арқылы Ертіс, Ұлытау, Сарысу, Сырдария бойындағы қалаларды басып Түркстан арқылы Бұхарға барса, ал Орта Азия саудагерлері, керісінше, қазақ жері арқылы Ресейге баратын еді.³⁶ Осындай сауда жолының арасында жатқан қазақ елінің материал-дық жағына жаңа элементтер ене бастады.

Халқымыздың материалдық жағын зерттеуде — XVIII ғасыр аса бір жемісті кезең болып табылады. Бұл кезде патша өкіметі Қазақ-стан жерін зерттеу үшін арнаулы экспедициялар ұйымдастырды.

³¹ С. К. Ибрагимов. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР». Т. 19, 1968.

³² «Прошлое Казахстана...». Көрсетілген шығарма, 125-бет.

³³ Сонда, 140—145-беттер.

³⁴ Сонда, 125—126-беттер. А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVIII вв. Сб.: «В. В. Бартольд у. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 20—48.

³⁵ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. II. СПб., 1832, стр. 47—49.

³⁶ «Казакско-русские отношения XVI—XVIII вв.», стр. IV.

Экспедицияның құрамындағы ғалымдар: В. Татищев, Г. Ф. Миллер, Д. В. Гладышев, П. И. Рычков, П. С. Паллас, Н. П. Рычков, И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. Г. Андреев және А. Левшиндер³⁷ өздерінің еңбектерінде қазақ халқының өмір-тұрмысы туралы айтарлықтай жазған.

Бұлардың еңбектерінің құндылығы неде десек? олар Қазақстан жерінің әр түрлі аудандарында болып қазақ халқының әр жердегі аймақтарынан хабар беріп, өз көздерімен көріп-түйсінгендерін жазды және тек сол өздері болған мерзімді ғана жазып қоймай, одан да ілгергі уақыттарға көңіл бөлді.

Ал, Паллас, Левшин сияқты ғалымдар қазақ әйелдері мен ерлерінің киімдері туралы мәлімет беретін суреттер келтіреді.³⁸

Қысқасы жоғарыда аты аталған ғалымдар өздерінің еңбектерінде қазақ халқының шаруашылығы, әдет-ғұрпы, тамағы, қару-жарағы, құрал-сайманы, рухани-мәдениеті жөйлі де барлық жағынан қамтып жазған еді. Міне, ол материалдар бүгінгі күнге дейін халқымыздың XVIII ғасырдағы материалдық жағын зерттеуде өзінің құнын жойған жоқ.

Халқымыздың материалдық мәдениеті жағын зерттеуде басты деректердің бірі Октябрь революциясына дейінгі қазақ ауыз әдебиеті болып табылады. Ата-бабаларымыз өздерінің көшпелі өміріне байланысты Египеттің көкпен таласқан пирамидаларындай, грек халқының атақты храмдарындай, скульптура лағыл тастар мен мәрмәрден жасалған тамаша ескерткіштер қалдыра алмағанмен, бізге асыл мұра етіп жыр мұрасын мирас етті»,³⁹— дейді ғұлама жазушымыз М. О. Әуезов. Міне, сол мұра болып қалған тұрмыс-салт жырлар, мақал мен жұмбақтар, ертегілер, батырлар жыры мен ғашықтық жырлар ұрпақтан-ұрпаққа ауызша беріліп, бізге дейін жетіп, бүгінгі күнге дейін халқымыздың сүйіп оқитын жырлары болып отыр.

Қазақ халқының тұңғыш ғалымы Шоқан да: «тарихи жағынан алғанда халықтың ақындық рухы қызғылықты, өйткені... әдет-ғұ-

³⁷ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950; Г. Ф. Миллер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 128; «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиним. С предисловием Я. В. Ханыкова». — «Географические известия», 1850, стр. 520—530; П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1806, стр. 100—103; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I, III, СПб., 1773, 1786, 1788, стр. 568—569, 581—582; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1779, стр. 136—137; Н. П. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772; Труды И. Ф. Фалька частично переведены на русский язык и включены в кн.: «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Алма-Ата, 1935; Г. П. Потанин. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской Орде, писанной в 1785 г. «Известия РГО». Т. XI, вып. 2. СПб., 1875, стр. 10; А. Левшин. Описание..., ч. II, 1871.

³⁸ П. С. Паллас. Көрсетілген шығарма, ч. I, СПб., 1873, стр. 575, 569; А. Левшин. Көрсетілген шығарма, ч. III, СПб., 1836, стр. 35, 45, 47.

³⁹ М. О. Әуезов. Шығармалары, 11-том. Алматы, 1969, 205-бет.

рыптың, мақал-мәтелдің, халық правосының жиынтығы болып табылатын бұл поэмалар халықтың өткен тарихы мен рухани өмірін бейнелеп, белгілі тарихи мағлұматтарды толықтыруға және оның шығу себебін анықтауға бізге мүмкіндік береді»,⁴⁰— дейді. Біріншіден, ғалым ауыз әдебиетінде халықтың өмірде болған шындықты жырлағандығын көрсетсе, екіншіден, бұл мұра халықтың өткендегі тарихы мен рухани өмірін зерттеуде белгілі дәрежеде тарихи мағлұмат болатындығын ашып айтып отыр.

Сол сияқты қазақ халқының ауыз әдебиетін зерттеуші және оны жинастырушы ғалымның бірі ак. В. В. Радлов та қазақ халқы өз шығармаларында қайдағы жоқ бір қияли нәрсені армандамайды, қайта өздерінің күнделікті және келешектегі бақытты өмірін аңсап жырлайтындығын жазған.⁴¹

Ал соңғы кезде халқымыздың ауыз әдебиетін зерттеуші ғалымдарымыздың бірі жас ғалым Қ. Өміралиев қазақ ауыз әдебиетінің түп нұсқасын сонау VI — XII ғасырлардағы ауыз әдебиетінде жатқандығын мегзейді: «Біз қазіргі қазақ халқы сонау VI — XII ғасырлардағы халық еместігін мойындай отырғанмен, ол өз тегін сол ғасырлардағы халықтан бастайтындығын қалай терістей алмасақ, XV — XVIII ғасырлардағы әдебиет сонау VI — XII ғасырлардағы әдебиет еместігін мойындай отырғанмен, оның тегі осы VI — XII ғасырлар арасындағы әдебиетте жатқанын да солай теріс дей алмаймыз»,⁴²— дейді. Одан ары ғалым XV — XVIII ғасырлардағы халық поэзиясындағы шешендік толғаулардың, тасқа жазылған (Тоңұқұқ, Күлтегін) поэмаларға ұқсастығынан үзінділер келтіре отырып орындары дәлелдейді.⁴³

Осы ғылыми пікірлердің ой жүйесіне жүгінсек — біріншіден ауыз әдебиеті халықтың өздері шығарған туындылары десек, оның даму жолының ғасырлар тереңінде жатқанын көреміз, екіншіден ол шығармалардың желісі халықтың күнделікті өмір тұрмысынан алынғанын байқауға болады. Мәселен:

Алтынды тон-жүзігім белгі болсын,
Қасына не қосады апам білсін...

Жанындағы шідері түсіп қалып,
Шідерлі деген өзен содан қапты...⁴⁴

Қынға салса қылт еткен,
Суырып алса ыжылт еткен.

Аузын ашса өңмені көрінеді (от).
Ерте тұрдым, алып ұрдым. (Есік)⁴⁵

⁴⁰ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Соч. в V томах, т. I, стр. 391; Қазақша цитаты «Қазақ әдебиеті тарихының 1-ші томы. I кітабынан алынды. Алматы, 1960, 17-бет.

⁴¹ В. В. Р а д л о в. Образцы народной литературы, т. V. СПб., стр. 8—9.
⁴² «Қазақстан мектебі», № 9, 1968, 82-бет.

⁴³ С о н д а, 93—96-беттер.

⁴⁴ Батырлар жыры. Алматы, 1956, 311, 319-беттер.

⁴⁵ Ертедегі әдебиет нұсқалары. Алматы, 1967, 67, 97-беттер.

Құрттаған қой далаға кетер,
Екі бұршақ бір сабауды ала кетер.
Жаман атқа жал бітсе
Жанына торсық байлатпас.⁴⁶

Алтындап тігілген *тон*, *жүзік беру* — қазақ халқының осы күнге дейін сақталып отырған әдет-ғұрпы. *Шідер* — көшпелі өмірге байланысты ат мінуге қажетті құрал. *Бұршақ* — мал көгендейтін құрал, *сабау* — жүн сабайтын құрал. Ал торсық халқымыздың ертеден келе жатқан, қымыз сақтау үшін жасалған ыдысының бір түрі.

Осы келтірілген үзінділердің өзінен-ақ халқымыздың ертедегі әдет-ғұрпынан, құрал-сайманынан, қару-жарағынан, шаруашылығынан толық хабар алуға болатындығын көріп отырмыз. Ендеше XV — XVIII ғасырлардағы халық поэзиясы тек халықтың рухани байлығы болып қоймай, ол қазақ халқының материалдық жағын зерттеуде бізге көмекші дерек болып табылатындығын ескермекпіз.

Сонымен XV — XVIII ғасырлардағы халқымыздың материалдық мәдениетін зерттеуде келтіріп отырған деректер толық деп айта алмаймыз, өйткені жоғарыда айтылғандай, араб, парсы, түрік тіліндегі жазба деректер әлі де болса толық аударылып, ғылыми арнаға түсе қойған жоқ, сол сияқты археологиялық қазба жұмыстар да толық зерттелінбеді. Ал XVI — XVII ғасырлардағы орыс саяхатшыларының документтері де толық табылып, ғылыми жолға дерліктей түсе қойған жоқ. Халық ауыз әдебиетіне келетін болсақ олардың пайда болу мерзімін айқындау өте қиын болса, бұл салада әлі де толық зерттеуді талап етеді.

Қорыта келгенде келтірілген деректер XV — XVIII ғасырлардағы өмір сүрген халқымыздың материалдық жағын зерттеуде басты орын алады деп ойлаймыз.

⁴⁶ С. Н. Нұрышев. Қазақтың халық мақалаларының даму тарихынан. Алматы, 1959, 101, 112-беттер.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НОВНИКОЛЬСКОЕ I

Г. Б. ЭДАНОВИЧ

История изучения андроновской культурной общности насчитывает более половины столетия. За это время получены богатые данные о материальной и духовной жизни одного из крупнейших культурно-исторических образований Евразии. Эти данные позволили выработать довольно общие точки зрения о металлургии, производстве керамики, быте и общественном устройстве андроновского общества. Однако по вопросам хронологии и истории развития племен имеются самые противоречивые, даже взаимоисключающие мнения. Основной причиной разногласий является почти полное отсутствие стратиграфических наблюдений на андроновских поселениях, хотя они, как правило, многослойны. Неоднократность и долговременность обитания на одних и тех же площадках связана с устойчивыми хозяйственными традициями и, вероятно, с какими-то демографическими процессами, которые приводили к заселению всех удобных мест. Однако специфика культурных слоев на андроновских памятниках такова, что их расчленение затруднительно. Обычно это мощные слои рыхлых зольников, цвето-

вые оттенки которых не могут служить главным признаком выделения слоя. Зольники легко перемещаются водой и ветром, как и материальные остатки, содержащиеся в различных напластованиях. К тому же условия засушливого климата не способствовали отложению стерильных слоев в периоды временного прекращения жизни на поселениях. Отсутствие стратиграфических наблюдений объясняется не только сложностью напластований и плохой сохранностью культурных слоев, но и малым количеством вскрываемых площадей и несовершенной методикой исследований.

В 1966—1971 гг. Северо-Казахстанская археологическая экспедиция проводила большие разведочные и стационарные исследования с целью изучения памятников эпохи бронзы в Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Целиноградской областях. Одним из интереснейших районов оказался участок среднего течения р. Ишим, расположенный к югу от г. Петропавловска, где на протяжении 100 км обнаружено 32 поселения бронзового века. Как показала тщательная разведка, к югу и северу от границ этого скопления, на расстоянии 100—120 км по течению реки, андроновские памятники отсутствуют. Это наталкивает на мысль о наличии здесь родоплеменной территории, что, безусловно, повышает интерес к исследованию Петропавловского микро-района. Особенно важные данные могут быть получены об относительной хронологии и истории развития андроновских племен, так как все инокультурные влияния или включения довольно равномерно отразились на материальной культуре населения поселков, находившихся в самых тесных контактах между собой. Любые отличия должны носить прежде всего хронологический, а не локальный или этнический характер. За пять полевых сезонов в Петропавловском микро-районе проведены раскопки на семи поселениях, двух могильниках и одном могильнике и культовом месте.

Одним из наиболее полно исследованных памятников является многослойное поселение Новоникольское I. Оно расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Ишим, в 56 км к югу от г. Петропавловска. Территория поселения около 1200 кв. м. Оно занимает прямоугольный мыс, у основания которого сохранилось несколько озер, связанных с древним руслом реки. Площадка мыса возвышается над современным урезом реки на 12,5 м и на 5 м над уровнем поймы. В настоящее время даже в самые высокие паводки поселение лишь частично заливается водой. Поверхность мыса хорошо задернована, на ней выделяется десяток крупных жилищных впадин глубиной до 0,6 м и несколько более легких овальных понижений. В течение двух полевых сезонов (1969—1970 гг.) на памятнике вскрыто 3635 кв. м культурного слоя*.

Исследования велись участками 3×3 м широкими площадями — одновременно вскрывалось 600—700 кв. м с полным удалением грун-

* В 1971 г. на поселении вскрыто еще 500 кв. м, однако материалы, полученные с этой территории, в настоящей работе не используются.

та с территории раскопа. При обнаружении четких контуров жилищных котлованов бровки частично убирались, и снятие культурного слоя в пределах помещений проводилось участками 6×6 м, что позволило вести в плане более тщательные наблюдения. Общая толщина культурных напластований от 0,6 до 2 м. Под тонким гумусным горизонтом залегали мощные слои зольников различных цветовых оттенков. Черноземом были заполнены только котлованы поздних жилищ, выделявшиеся на поверхности глубокими впадинами. Полы помещений иногда отличались более темным цветом, в некоторых случаях сохранились слои обмазки, состоящие из крупного песка и глины. На отдельных участках отмечена погребенная почва, она отличается цветом, значительной плотностью и не содержит материальных остатков.

Несмотря на большую площадь и глубину жилищных котлованов, глиняные выкиды из них нигде не фиксировались. Это характерно для всех исследованных в Северном Казахстане памятников бронзового века. Несомненно, что удаление глины с территории поселения при строительстве жилищ связано с какими-то хозяйственными традициями, возможно, и с верованиями андроновских племен. Интересно отметить, что зола, наоборот, никогда не выносилась за пределы жилых площадок, мощные зольники всегда являются неотъемлемой частью культурных напластований. Огромные скопления золы не на периферийных, а на центральных участках поселения позволяют говорить не только о какой-то хозяйственной целесообразности, но и об особом отношении к золе как к результату действия огня. Культ огня повсеместно отмечается в андроновских могильниках по следам погребальных костров. Иногда костры имитируются кучками золы или охры, хорошо известны и погребения в могильных ямах с зольным заполнением¹.

Подстилающим слоем на поселении Новоникольское I является супесь или светлый песок, на которых четко фиксируются столбовые ямки и различные хозяйственные углубления.

На территории раскопа, который охватывает северную и восточную части мыса, прослеживаются 10 жилищ и сильно разрушенные остатки 2—3 помещений (рис. 1). По размерам и характерным элементам конструкции мы выделяем четыре типа жилищ.

I. Жилища 9, 10. Котлованы глубиной 0,6—0,8 м*, на полу имеются плотные слои обмазки из глины и речного песка. Очаги расположены в ямах глубиной от 0,2 до 0,5 м и обложены мергелем. Рядом отмечены выкладки из мергеля и привозного хлоритового сланца. В одном случае (жилище 10) у очага обнаружен слой глины с прокалом, возможно, развал печи. Предположительно можно говорить о прямоугольной форме помещений и относительно малой площади, не более 50 кв. м.

¹ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 291.

* Глубина дается от уровня современной поверхности.

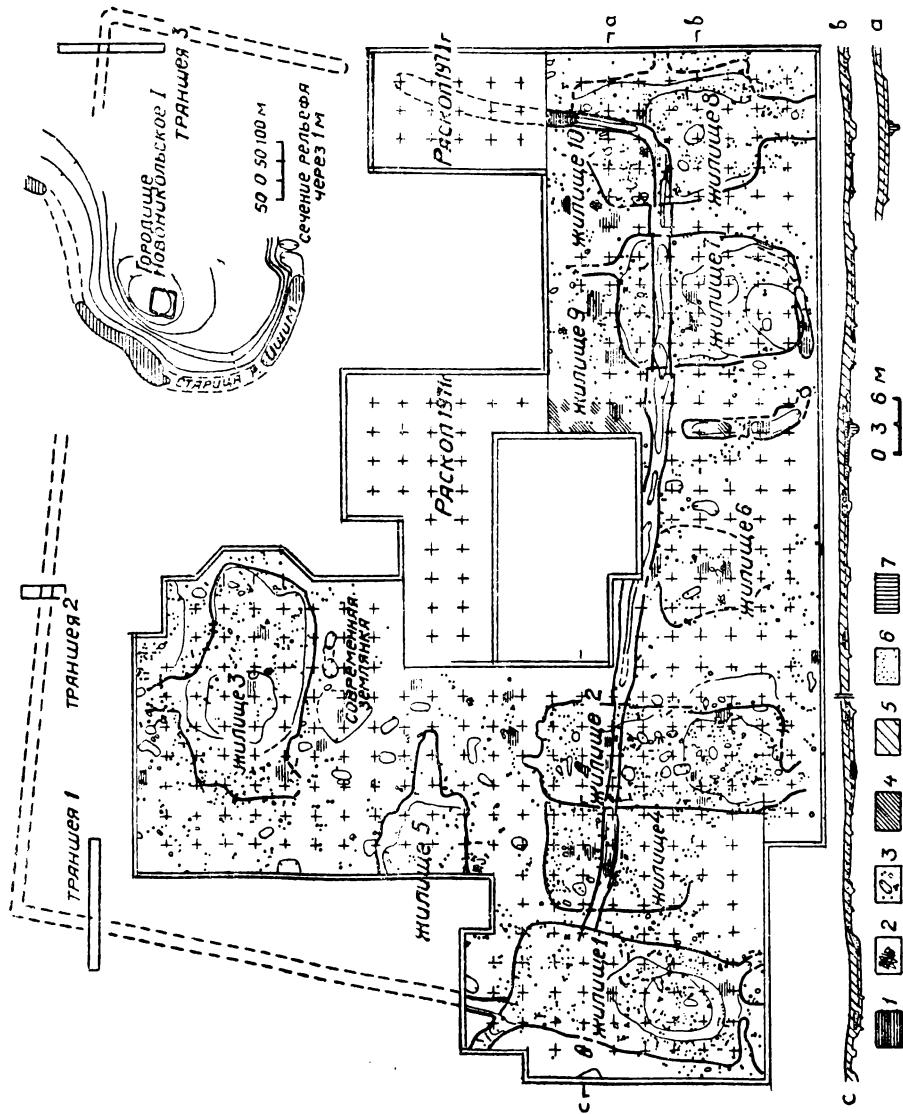

Рис. 1. План и раскоп поселения Новоникольское I. условные обозначения: 1 — очаги, провалы; 2 — выкладки из камня; 3 — столбовые ямки, углубления; 4 — глинобитный слой; 5 — черное культурного слоя; 6 — зольник; 7 — песчано-золистое заполнение рва.

II. Жилище 4. Глубина котлована 0,7—0,9 м, форма прямоугольная, площадь свыше 150 кв. м (помещение частично разрушено). Пол относительно горизонтальный, очаги сделаны в мелких углублениях, каменные выкладки отсутствуют. Ямок от столбовых конструкций более 200.

III. Жилище 1, 2, 3, 7, 8 и предположительно 5. Отличаются глубокими котлованами до 1,2—1,5 м и большой площадью — 225—260 кв. м. Выходы кидорообразные, обычно угловые, очаги наземные с небольшими выкладками из мергеля и камня. Пол неровный, одна из половин жилища углублена по сравнению с другой на 20—30 см. Ямок, связанных с конструкцией помещения, до 300 и более.

IV. Жилище 6. Наземное помещение удлиненной овальной формы площадью около 90 кв. м. Очаги фиксируются как пятна прокаленного грунта. У очагов имеются выкладки, сложенные из мергеля и камня. На полу выявлено более 50 столбовых ямок.

На межжилищных территориях много столбовых ямок и углублений. Несомненно, что вся площадка памятника интенсивно использовалась для различных целей в различное время. Кроме описанных конструкций при раскопках поселения Новоникольское I обнаружена система оборонительных укреплений. Она состоит из рва глубиной до 1,5—1,7 м при ширине на уровне материка 1,2—2 м и внутреннего и внешнего валов, которые фиксируются на некоторых участках в виде глиняных развалов мощностью до 0,4 м. В 1969—1970 гг. исследована вся восточная сторона городища, а в 1971 г. — значительная часть южной линии укрепления, тогда же было заложено несколько контрольных траншей, которые позволили сделать предварительный план древнего городища. Ров опоясал территорию, образовав неправильный прямоугольник со сторонами 95×60 м. Площадь древнего городища достигла около 5700 кв. м. В средней части северной стороны и в юго-западном углу обнаружены проходы. К восточной стороне городища примыкает дополнительное сооружение, которое представляет собой прерывающийся в нескольких местах кольцевой ров диаметром 14 м. С внутренней стороны рва прослеживаются остатки глиняного вала толщиной до 0,4 м. На дне углублений обнаружены слои прокала и следы глиняной обмазки.

Каково же стратиграфическое соотношение между конструкциями, которые вскрыты на поселении? Полевые наблюдения за формированием культурных слоев дают следующие данные:

1. Одним из наиболее ранних является оборонительное сооружение, так как глиняные выкиды из рвов лежат либо на погребенной почве, не содержащей никаких культурных остатков, либо на очень тонком культурном слое.

2. Жилища 1, 2, 4, 7, 8 сооружены после того, как ров перестал функционировать: его перекрывают котлованы этих помещений. Темные слои полов, столбовые ямки поздних конструкций, хозяйственные углубления хорошо видны на светлом заполнении рвов. Оборонитель-

ные валы сохранились только на межжилищных территориях, на остальных участках они разрушены при сооружении котлованов.

3. Жилища 9, 10 функционировали раньше жилищ 7, 8. Последние более глубокие полуземлянки, они частично срезают полы более ранних помещений с глиняной обмазкой.

4. Жилище 2 более позднее по сравнению с жилищем 4. Котлован 2 прорезает северную стенку помещения 4, что заметно по культурным остаткам: одно имеет черноземное, второе — зольное заполнение.

5. При сооружении полуземлянок 1, 2, 3, 7, 8 использовались, вероятно, какие-то более ранние жилищные котлованы. Полуземлянки выделены в третий тип жилищ, одним из отличительных признаков которых являются глубокие котлованы с черноземным заполнением. Иногда к границам этих котлованов примыкают зольники незатянутого характера. Вероятно, здесь стенки позднего и раннего помещений не совпадают. О вторичном использовании котлованов говорит и огромное количество ямок на полах жилищ, в которых были обнаружены разновременные материалы.

Таким образом, на основе стратиграфических наблюдений можно выделить не менее трех строительных горизонтов. Самые ранние — это конструкции оборонительных сооружений, самые поздние — жилища третьего типа с глубокими котлованами 1, 2, 3, 7, 8. Жилище 4 второго типа, потревоженное поздним сооружением, но перекрывающее ров, должно быть отнесено к какому-то промежуточному горизонту. Культурные напластования не позволяют выяснить, к какому из ранних слоев принадлежат помещения с глинобитными полами. Остается неясным еще одно обстоятельство, котлованы чьих жилищ использованы при сооружении позднейших конструкций. Не являются ли они остатками какого-то четвертого строительного горизонта?

Обратимся к вещевому материалу из поселения Новоникольское I. Коллекция насчитывает более 20 000 предметов. Большую группу составляют находки, связанные с металлургическим производством. Это слитки металла, шлаки, льячки, обломки глиняных и каменных литейных форм. Среди предметов имеются орудия из бронзы: 9 ножей различного типа, кинжал, 4 серпа, секач, наконечники дротика и стрелы, пробойники, долотца, шилья, иглы; разнообразные поделки из камня: наконечники стрел, булавы, песты, топоры, оселки. Широко представлены изделия из кости и глины.

Анализ массового керамического материала позволил выделить четыре типа посуды.

Петровский тип (рис. 2). Сосуды приземистых пропорций с более или менее выраженной остросереберной профилировкой. Стенки их своеобразного коричневатого-пепельного цвета, в качестве примесей использованы песок, шамот, иногда раковины и слюда. На внутренних поверхностях, обычно в придонных частях и на днищах, имеются отпечатки ткани. Орнамент иногда покрывает весь сосуд, включая дни-

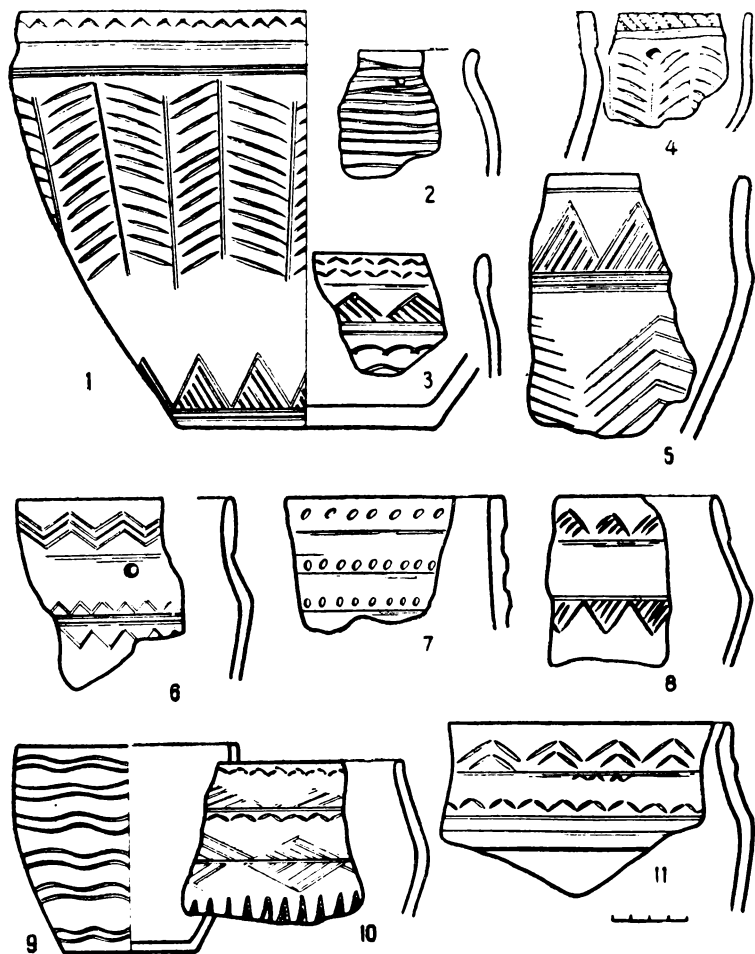

Рис. 2. Поселение Новоникольское I. Керамика петровского типа.

ще. Рисунок чаще располагается по горловине и плечам, встречается и орнаментальная зона у дна. Узор выполнен в основном прочерченной техникой, реже крупным гребенчатым штампом. Элементы орнамента однообразны. Наиболее часты горизонтальные многорядовые зигзаги, желобки, заштрихованные равнобедренные треугольники, иногда встречаются волнистые линии и ямочные вдавления. Днища украшены ромбической сеткой, свастическими узорами или спиральным рисунком.

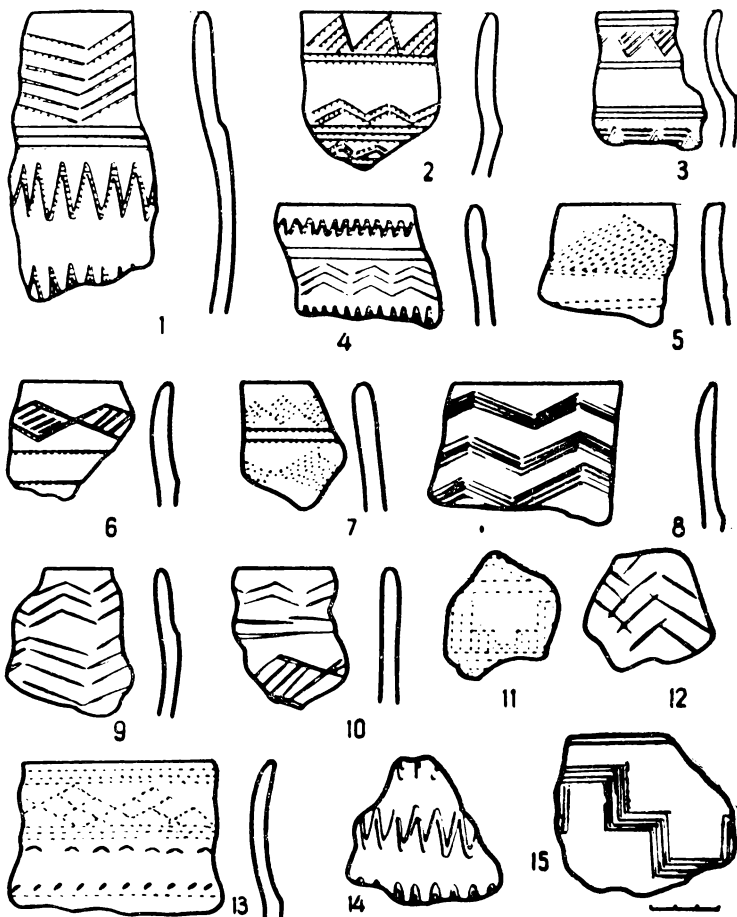

Рис. 3. Поселение Новоникольское I. Керамика типа Алакульского могильника.

Тип Алакульского могильника (рис. 3). Наиболее характерны горшки с уступом, четко отделяющим шейку от тулова. В комплекс включена большая группа банок и несколько сосудов, близких остро-реберным. Керамика имеет тонкие стенки (5—9 мм), хорошо обожжена, для примеси использованы мелкий песок и шамот. Орнамент нанесен тремя зонами — по шейке, плечикам и часто у дна. В нижней части шейки сохраняется неорнаментированная полоса. Рисунок сделан прочерченной техникой и техникой гребчатого штампа.

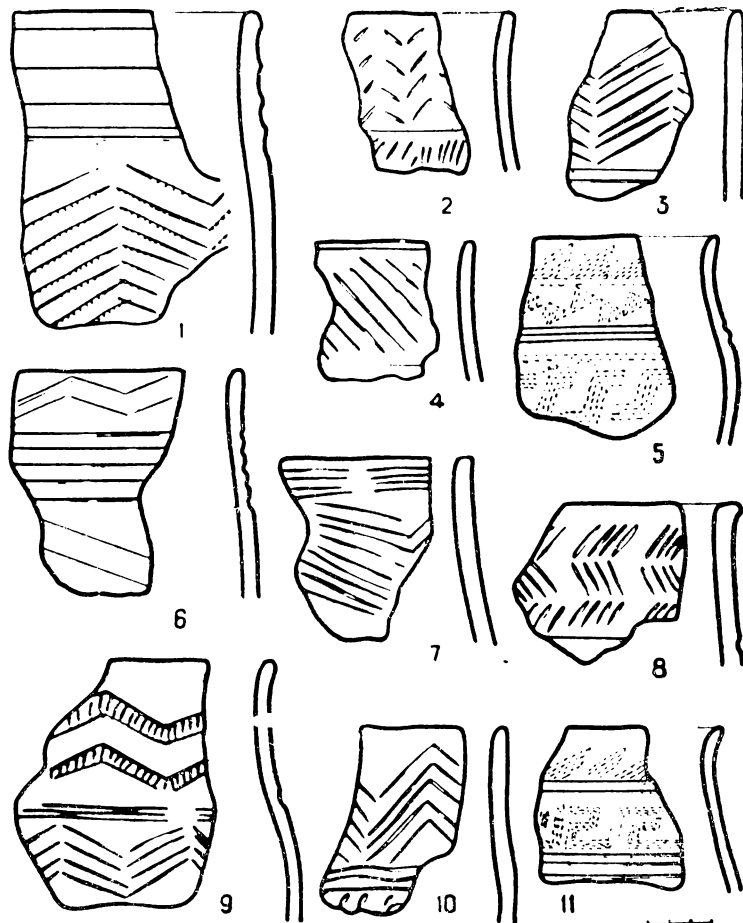

Рис. 4. Поселение Новоникольское I. Керамика бишкульского типа.

Встречаются узоры, выполненные протасненной гребенкой. Самые распространенные элементы — горизонтальный зигзаг, «качалка», равнобедренные треугольники, ромбы.

Бишкульский тип (рис. 4). Горшечно-баночные сосуды с широкой горловиной, плавно переходящей в едва раздутое тулово. Ярко выраженные горшечные формы единичны и тоже имеют плавную профилировку. Орнамент сплошным полем покрывает шейку и верхнюю часть тулова. Узоры выполнены в основном прочерченной техникой, реже гребенчатым штампом. Рисунок состоит из горизонтальных зигзагов, каннелюр, поясков наклонных линий. Иногда встречаются ме-

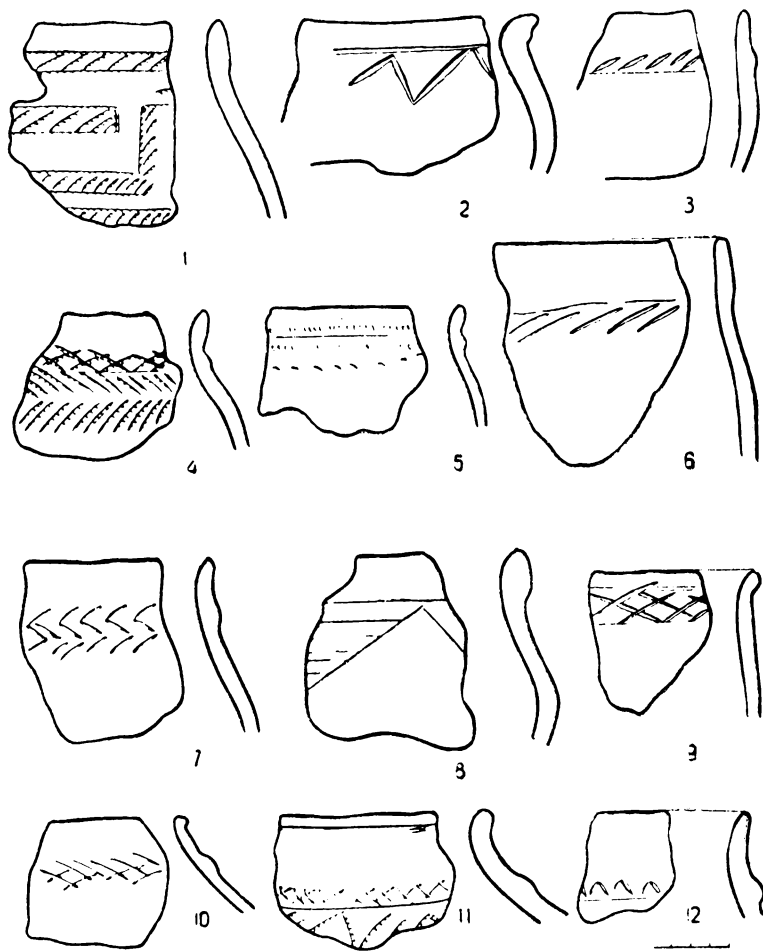

Рис. 5. Поселение Новоникольское I. Керамика ильинского типа.

андровые узоры и высокие заштрихованные треугольники, нанесенные тонкими оттисками гребчатого штампа.

Ильинский тип (рис. 5). Представлен грубой керамикой горшководной формы с выпуклыми боками и наибольшим диаметром в верхней части тулова. Шейки обычно короткие, невыразительные, часто теряют самостоятельное значение и переходят в оттянутые наружу венчики. Тесто грубое, крупнозернистое, с примесью шамота, речного песка и дресвы. Узкий поясик орнамента покрывает шейку или верхнюю часть тулова. Рисунок состоит из наклонных линий, «елочки»,

ромбической сетки, иногда встречаются треугольные или овальные вдавления. Орнамент выполнен исключительно резной техникой или оттисками гладкого штампа. Большое количество сосудов имеет валики.

Деление керамики на типы: петровский, алакульский, бишкульский, ильинский произведено на основе учета не только особенностей технологии изготовления посуды, ее форм и орнаментации, но и материалов, полученных при исследовании ряда памятников эпохи бронзы Петропавловского микрорайона². Первый тип керамики в чистом виде обнаружен при раскопках могильника и культового места у с. Петровка³ и городища у с. Боголюбово. Чистый комплекс типа керамики Алакульского могильника известен по материалам могильника у с. Семипалатное, бишкульский тип — по раскопкам однослойного поселения Бишкуль IV⁴. Самостоятельность ильинской посуды хорошо прослежена при исследовании позднего жилища на поселении Ильинка I⁵.

Таким образом, каждая группа керамики, выделенная путем типологического анализа на многослойном поселении Новоникольское I, имеет аналогии в материалах с одновременных и однослойных памятников. Учитывая особенность района как родоплеменной территории, мы констатируем хронологический разрыв во времени между выделенными типами посуды.

Уместно подчеркнуть, что посуда петровского типа близка керамике с поселений эпохи ранней бронзы Северного Казахстана и Западной Сибири. Ряд архаичных признаков позволяет искать некоторые аналогии и среди неолитических материалов. Архаичность проявляется в технологии изготовления посуды, форме, манере орнаментации. В петровских комплексах значительное количество толстостенной керамики довольно плохого обжига, при ее изготовлении в качестве примеси были использованы толченые раковины, на посуде часто встречаются отпечатки ткани. Среди петровских сосудов отсутствуют яркие горшечные формы, шейки выражены очень слабо, значительная группа банок биконической формы. На петровской керамике еще сохраняется традиция покрывать орнаментом всю поверхность сосуда, включая днище. Орнамент отличается бедностью элементов, геометрические узоры еще не получили большого развития. Петровские сосуды, как и комплексы ранней бронзы, украшены различными ямочными вдавлениями, горизонтальными и волнистыми линиями, встречается на них и струйчатый орнамент. Однако узоры выполнены уже

² Г. Б. Зданович. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. «Вопросы археологии Урала». Вып. 12, Свердловск (в печати).

³ С. Я. Зданович. Новый памятник эпохи бронзы в Северном Казахстане. Томск (в печати).

⁴ В. Ф. Зайберт, Г. Б. Зданович. Поселение Бишкуль IV. Сб.: «Из истории Сибири. Полевые работы 1970 г.». Томск (в печати).

⁵ Г. Б. Зданович. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. В сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 147—153.

не гребенчато-отступающей, а прочерченной техникой. На немногих сосудах, украшенных гребенчатым орнаментом, обнаружены оттиски штампов, изготовленных из раковин, есть и отпечатки крученой веревочки, намотанной на круглый стержень.

Имеющиеся в нашем распоряжении комплексы петровской посуды позволяют получить представление о ее развитии. Наиболее ранней с учетом перечисленных архаичных признаков является керамика с могильника и культового места у с. Петровка, городищ Петровка II и Боголюбovo. На поселении Новоникольское I она приобретает ряд поздних черт, которые сближают ее с керамикой типа Алакульского могильника. Сосуды становятся более высоких пропорций, появляются горшечные формы. Острое ребро поднимается выше к горловине и иногда приобретает вид уступчика, орнаментированное поле сокращается, возникает зона.

Материалы с поселения Новоникольское I позволяют считать петровскую керамику предшествующей алакульской и генетически связанной с ней.

Керамика второй группы не нуждается в подобной характеристике. Следует только указать, что могильник у с. Семипалатное, находящийся рядом с Новоникольским I, несомненно, принадлежит обитателям поселения, оставившим алакульский культурный слой. Сравнительный анализ показывает близость между собой материалов поселения и могильника и почти полную их идентичность с керамикой Алакульского могильника.

Если алакульская керамика является естественным развитием петровской, то бишкульская посуда — результат взаимодействия двух различных культур.

Третий тип керамики, как указывалось, характеризуется сосудами плавной профилировки, что сближает их с федоровскими. Однако орнаментация в целом такая же, как на алакульской посуде, и только на единичных фрагментах встречаются элементы украшения федоровской керамики — сложные меандровые узоры, высокие треугольники и т. д.

Посуда бишкульского типа широко распространена на андроновских поселениях Казахстана и Приуралья. К. В. Сальников на поселении Кипель считает ее особой группой керамики алакульской стадии⁶. Однако выделение бишкульской посуды как самостоятельного комплекса стало возможным только после исследования однослойного поселения Бишкуль IV. В приводимой таблице залегания керамики на поселении Новоникольское I алакульская и бишкульская посуда (II и III типы) дана суммарно, что обусловлено известными трудностями типологического расчленения комплексов. Наиболее надежным признаком для определения бишкульской посуды является форма, ко-

⁶ К. В. Сальников. Кипельское селище. СА, 1957, XXVII, стр. 193—208; В. С. Стоколос. О стратиграфии поселения Кипель. СА, 1970, 3, стр. 193—198, рис. 1, 4, 5, 6.

торию можно выявить только по достаточно крупным фрагментам. Мелкие же обломки горшков и большую группу банок, форма которых в алакульских и бишкульских комплексах идентична, расклассифицировать затруднительно. Выборка крупных фрагментов шеек позволяет убедиться в самостоятельности бишкульского комплекса, она достаточна для статистической обработки и для сравнения с эталоном (материалы пос. Бишкуль IV). Но использование ее для уточнения стратиграфических наблюдений нецелесообразно, так как она не может дать необходимых объективных данных. На настоящем этапе исследования важно, что керамика бишкульского типа хронологически следует за алакульской, поскольку связь последней с ранней петровской посудой не вызывает сомнений.

Керамика ильинского типа длительного время считалась посудой, входившей в состав поздних андроновских комплексов. Теперь известен целый ряд поселений, на которых обнаружена «валиковая» посуда и отсутствует андроновская (Большой Лог⁷, Каркаралинск, Суук-Булак⁸). Наметилась также тенденция к выделению культуры финальной бронзы, которая охватывает огромную территорию от Поволжья до Иртыша, от лесостепей Западной Сибири до Средней Азии⁹.

Типы керамики распределяются по территории поселения Ново-никольское I далеко не равномерно. Петровская посуда резко преобладает в заполнении рвов, ее много на глинобитном полу жилища 9 и у очагов жилища 10 (см. таблицу 1). Поскольку рвы, по данным стратиграфии, наиболее ранние из выявленных конструкций, то помещения с петровской керамикой должны быть отнесены к самому древнему культурному слою. Этим выводам не противоречат и находки под глиняными развалинами валов. Везде, где валы залегали не на погребенной почве, а на культурных остатках, собранные фрагменты относятся только к петровской посуде. На межжилищных территориях петровская керамика доминирует только в нижних горизонтах (60 см и глубже).

Керамика ильинского типа приурочена к глубоким котлованам 1, 2, 3, 7, 8. Здесь в нижних слоях заполнения обнаружено до 70% грубой «валиковой» посуды. Самостоятельность комплекса и его принадлежность к последнему этапу существования поселения подтверждается условиями залегания керамики ильинского типа на межжилищных площадках. Основное количество ее сосредоточено на глу-

⁷ В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, Городище Большой Лог. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 78—87; В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. В сб.: «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 44—51.

⁸ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 229—238, 245—255.

⁹ М. П. Грязнов. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 42—43.

бине до 50 см, ниже она встречается редко. К последнему строительному горизонту относится и единственное наземное жилище 6. На его полу возле очагов обнаружены скопления фрагментов ильинских горшков и несколько сосудов в развалах.

Плоскость в с/ч 100 и до 100 м глубине	Слои		Жилище 7						Жилище 8						Жилище 9					
			I тип		II-III тип		IV тип		I тип		II-III тип		IV тип		I тип		II-III тип		IV тип	
			к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
			6	22	5	19	16	59	7	23	10	33	13	44	35	47	16	22	23	31
			15	23	15	23	35	54	26	36	23	32	23	32	68	71	7	7	21	22
			9	11	15	19	56	70	10	17	23	38	27	45	33	65	6	12	12	23
			8	13	11	18	41	69	18	24	10	13	47	63	19	87	1	4	2	9
			11	65	4	24	2	11	13	93			1	7	5	100				

Плоскость в с/ч 100 и до 100 м глубине	Слои		Жилище 3						Площадь между жилищами 5,3						Площадь между жилищами 6,7,8					
			I тип		II-III тип		IV тип		I тип		II-III тип		IV тип		I тип		II-III тип		IV тип	
			к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
			10	10	60	59	32	31	28	21	91	65	20	14	43	27	58	37	57	38
			4	10	16	38	22	52	26	46	21	38	9	16	23	21	55	50	33	29
			2	7	7	23	21	70	11	74	2	13	2	13	21	54	9	23	9	23
					2	67	1	33	8	67	3	25	1	8	36	70	10	19	6	11
															7	100				

Таблица 1. Поселение Новоникольское I. Распределение сосудов различных типов по территории и горизонтам. Условные обозначения: 1 — зольный слой; 2 — глинобитный слой; 3 — серый зольный слой; 4 — чернозем культурного слоя; 5 — темный гумусированный слой, пол поздних жилищ; 6 — песчано-зольный грунт, заполнение рва.

Значительное количество керамики типа Алакульского могильника и бишкульского типа отмечено на межжилищных территориях, особенно большие ее скопления вокруг поздних котлованов с черноземным заполнением. Каких-либо четких конструкций с алакульской керамикой не сохранилось. Следует указать на находки фрагментов алакульской посуды в ямках от столбов на дне глубоких помещений, хотя ее общее количество, собранное на полах поздних жилищ, очень незначительно. Единственным сооружением, содержащим керамику только бишкульского типа, была глубокая яма с углистым заполнением и проколами, перекрытая полом позднего помещения 2. С бишкульской посудой можно предположительно связать жилище 4, в которм она несколько преобладает.

Таким образом, пос. Новоникольское I многослойный памятник. Первый этап его существования связан с керамикой петровского типа. Наиболее ранними конструкциями являются жилища 9, 10 и оборонительное сооружение. Последнее, вероятно, функционировало и в

начале второго этапа, который характеризуется керамикой типа Алакульского могильника. На втором этапе были впервые сооружены глубокие жилищные котлованы, которые неоднократно использовались при последующих заселениях площадки. Судя по большому количеству переходных алакульско-петровских черт в керамике, первые два этапа не прерывались. На третьем этапе площадка была заселена племенами — носителями керамики бишкульского типа, которая сформировалась вследствие взаимодействия двух различных культур. Единственной частично сохранившейся конструкцией этого времени является жилище 4. Возможность сосуществования бишкульской и алакульской посуды исключается на основе исследований других памятников Петропавловского микрорайона. На поселении Бишкуль IV среди большого керамического комплекса выявлен лишь один фрагмент с уступчатым плечом. На поселении Петровка II на вскрытой площади около 2000 кв. м обнаружены три строительных горизонта хорошей сохранности и стратиграфически связанные с ними три типа керамики — петровский, алакульский, ильинский. Бишкульская посуда здесь совершенно отсутствует.

К последнему этапу функционирования памятника относятся жилища 1, 2, 3, 7, 8 и предположительно 5, при сооружении которых было разрушено большинство ранних конструкций. Керамика ильинского типа является самостоятельным комплексом и принадлежит особой культуре финальной бронзы. Между вторым и третьим, а также между третьим и четвертым этапами обитания жилой площадки имеются определенные хронологические разрывы. Жизнь на поселении была прервана в результате поднятия уровня паводковых вод Ишима и увлажнения климата в целом. На полах поздних жилищ фиксируются слои речных наносов, а черноземное торфообразное заполнение котлованов говорит о длительном пребывании здесь воды и наличии болотной растительности.

Приведенные в работе данные свидетельствуют о сложном процессе образования культурных слоев. Выявление каких-либо его закономерностей возможно только путем сравнительного анализа материалов, полученных на различных территориях с большими вскрытых площадей. Выводы об относительной хронологии строительных горизонтов поселения Новоникольского I и связанных с ними керамических комплексов позволяют поставить на более конкретную основу вопросы происхождения и развития археологических культур андроновской общности. Немаловажно, что стратиграфические наблюдения на поселении Новоникольское I корректируются исследованиями другого многослойного поселения Петровка II, а также группой однослойных и одновременных памятников эпохи бронзы Петропавловского микрорайона.

КАРАТАУСКИЕ КОЛЕСНИЦЫ

**М. К. КАДЫРБАЕВ,
А. Н. МАРЬЯШЕВ**

Пожалуй, нет ни одного исследователя любой естественнонаучной или гуманитарной дисциплины, который, побывав в Южном Казахстане, не сохранил бы в своей памяти, к сожалению, гораздо реже в путевых дневниках, газетно-журнальных публикациях, научных статьях и монографиях, сведений о наскальных изображениях Каратауского хребта.

В настоящее время накопилось значительное количество данных о петроглифах Каратау, но в большинстве своем они не обработаны и не опубликованы. Ни одно местонахождение на этой территории полностью не изучено, не картографировано, не произведена съемка копий в натуральную величину. Открытым в большинстве случаев остается и вопрос о датировке памятников.

Кроме того, ряд районов Каратау в плане поисков наскальных рисунков совсем не исследовался. К таким местам относится, например, 230-километровая широкая предгорная полоса северных склонов Каратау от Чулак-Кургана до горы Даут и ряд урочищ юго-западных склонов (Майдамтал, Интымек и др.).

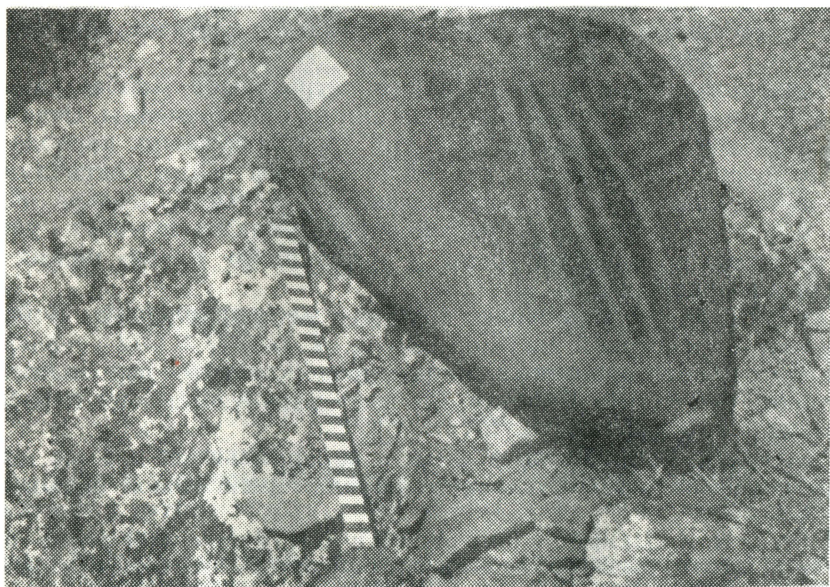

Рис. 1. Койбагар I. Валуны с петроглифами.

Поэтому одной из задач северокаратауского отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции была разведка и изучение памятников древнего наскального искусства¹.

В 1970 г. одновременно с раскопками курганных могильников были сняты копии с основной композиции скалы Куйкентай в ущелье Бесарык Южного Каратау, того самого района, где побывал в 1906 г. топограф М. А. Кирхгоф², а в 1966 г. — разведочный отряд Б. И. Вайнберг Хорезмской экспедиции АН СССР³. Северокаратауским отрядом были изучены также пять групп ранее неизвестного комплекса петроглифов в урочище Майдамтал на речке Ушузень в 30 км юго-восточнее Бесарыка и совершена разведочная поездка в верховья Акуюка и Кумогайса, которая дала небольшой маловыразительный материал. Далее отряд прошел маршрут от Кентау через Турланский перевал до ущелья Кошкарата на северных склонах Каратау и затем обследовал 70-километровый участок до р. Суюндысай. В 8 км южнее совхоза Сызган с помощью местного жителя Куандыка Тойбаева, указавшего местонахождение одной группы петроглифов, было начато детальное изучение наиболее интересного и обширного комплекса наскальных изображений Койбагар.

В 1971 г. вторично были сняты копии с южнокаратауских композиций: Куйкентай и Майдамтала, но главное внимание было сосредоточено на изучении комплекса Койбагар. В том же году были открыты новые и не менее интересные местонахождения в ущелье Кокбулак и особенно в урочище Арпа-узен в 30 км юго-восточнее совхоза Сызган.

Предварительная систематизация петроглифов Койбагара, Кокбулака и Арпа-узена показывает, что они не одновременны. Отчетливо прослеживаются по меньшей мере три хронологических периода гравюр, но поскольку изучение продолжается, мы дадим подробную характеристику лишь комплексу колесниц, которые благодаря обширности аналогий и хронологической определенности помогут установить позднюю по времени границу древнейшего пласта наших наскальных изображений.

Древние рисунки наиболее крупного местонахождения Койбагар находятся в предгорной части на высоте около 700 м над уровнем моря, на трех плосковершинных грядках, расположенных перпендикулярно главной оси хребта Каратау. По местонахождению они и разделены на три группы.

Эти гряды начинаются в 4 км и заканчиваются в 8 км юго-западнее совхоза Сызган Сузакского района Чимкентской области. Ос-

¹ Кроме М. К. Кадырбаева (нач. отряда) и А. Н. Марьяшева в работе отряда принимали участие художники А. Апешев, С. Анарбеков, шоферы М. И. Абузяров, Ю. Коломеев, лаборанты С. Куратов, Э. Махмудов и учащиеся средних школ № 25 и 120 г. Алма-Аты.

² См. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии». Год одиннадцатый. Ташкент, 1906, стр. 58—59.

³ Сообщение Б. И. Вайнберг.

новная масса петроглифов выбита на валунах из метаморфизованных гранатовых сланцев, покрытых пустынным загаром блестяще-черного цвета (рис. 1). Подавляющее большинство изображений сгруппировано на южных, юго-восточных и восточных склонах, и лишь немногие из них обнаружены у самой вершины западных склонов гряд.

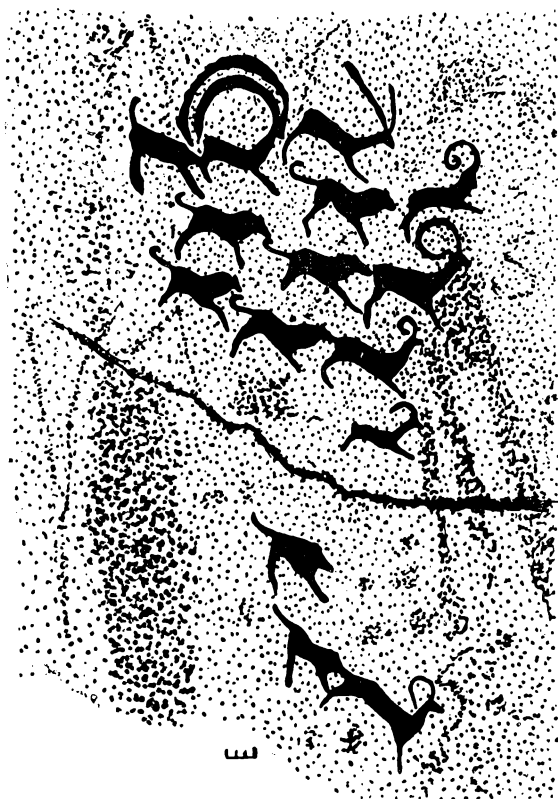

Рис. 2. Койбагар I. Сцена загонной охоты.

В трех группах (Койбагар I, II, III) насчитывается свыше 1200 валунов с петроглифами, содержащих 3045 композиций и отдельных изображений. Свыше 400 групповых и отдельных рисунков зафиксировано в первый год изучения и на скалах Арпа-узена и Кокбулака.

Древнейший пласт Койбагара представлен изображениями диких быков и лошадей, архаров, тау-теке, сцен охоты человека на быка и козлов, массовых сцен охоты собак на козлов (рис. 2).

По видовому составу и технике исполнения многие из них очень

напоминают тургайские петроглифы, открытые в 1916 г. Н. С. Воронец и М. М. Пригоровским⁴.

Ряд рисунков изучаемого комплекса по размеру довольно велик. Например, некоторые изображения диких быков с характерными турьими рогами и мощной передней частью достигают 50—80 см (рис. 3). Таких же размеров наиболее динамичные фигуры верблюдов (рис. 4). Отдельные рисунки верблюдов метровой, а в одном случае двухметровой длины.

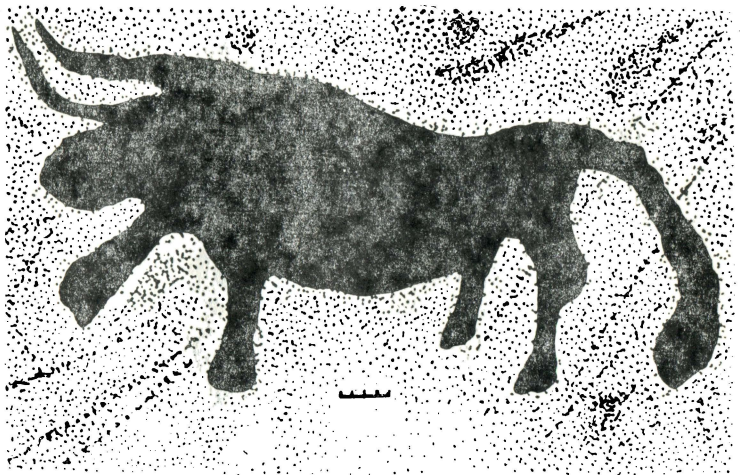

Рис. 3. Койбагар I. Изображение быка.

Немало среди петроглифов Койбагара I изображений людей. В большинстве они схематичны, воспроизведены фронтально с широко расставленными ногами и разведенными в стороны руками, их половая принадлежность подчеркнута.

Все петроглифы едины по технике исполнения: точечная выбивка или протирка всей площади силуэта, иногда предварительно прорезан контур. Последнее особенно заметно в наиболее реалистичных сценах преследования собаками козлов, на некоторых изображениях верблюдов, диких быков и колесниц. Отдельные части рисунков проработаны острым орудием.

Эту сходную по технике и стилю исполнения наиболее многочисленную группу петроглифов Койбагара, а также Кокбулака помогает хронологически определить серия из 20 колесниц. Из них 19 происходят с Койбагара (I группа — 6, II группа — 2, III группа — 11 колесниц) и одна — с Кокбулака.

⁴ В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 40, 44, рис. 4 и др.

Из шести рисунков I группы лишь в одном более или менее достоверно можно определить парную конскую запряжку (рис. 5, 1). На второй композиции (рис. 5, 2), состоящей из двух колесниц (одна не завершена), и еще на одном рисунке (рис. 6, 1) вместо фигур упряжных животных у обоих концов ярма выбиты какие-то знаки, которые можно объяснить двояко: либо перед нами схематичное изображение животных, либо крепления на конце ярма. Второе объяснение окажется более обоснованным, если мы сравним эти знаки с символическими изображениями колесниц в иньской иероглифике и с очень сходными ременными креплениями на концах ярма египетской колесницы времени Нового царства (XVI—XIV вв. до н. э.), хранящейся в музее Флоренции⁵.

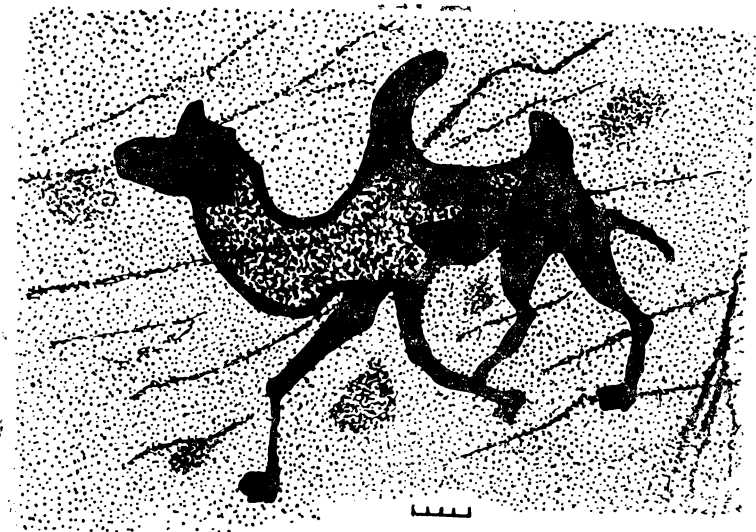

Рис. 4. Арпа-узен III. Бегущий верблюд.

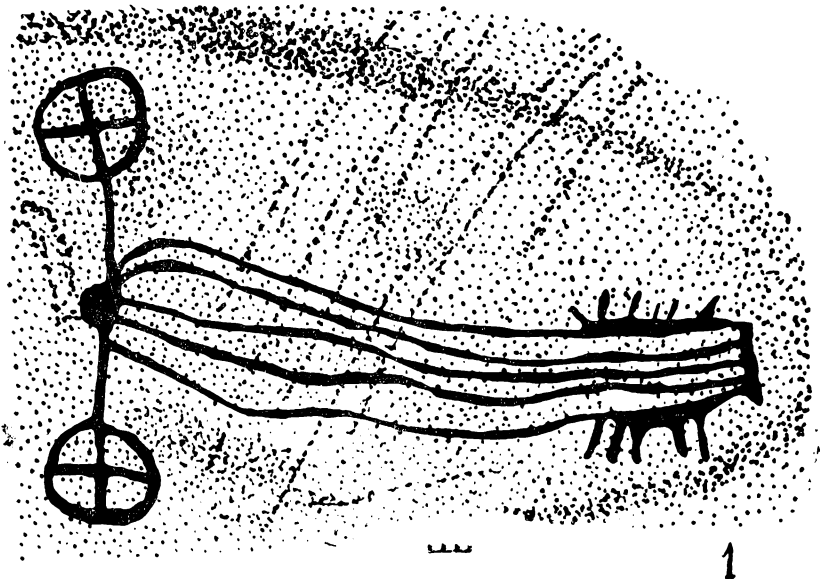
Пятая и шестая колесницы из Койбагара I в упряжной части сильно пострадали от эрозии (рис. 6, 2; 7, 1).

Интересно, что рядом с колесницей (рис. 7, 1) изображен дикий бык. Вероятно, они выполнены в одно время, поскольку глубина, техника выбивки и степень патинизации рисунков одинаковы.

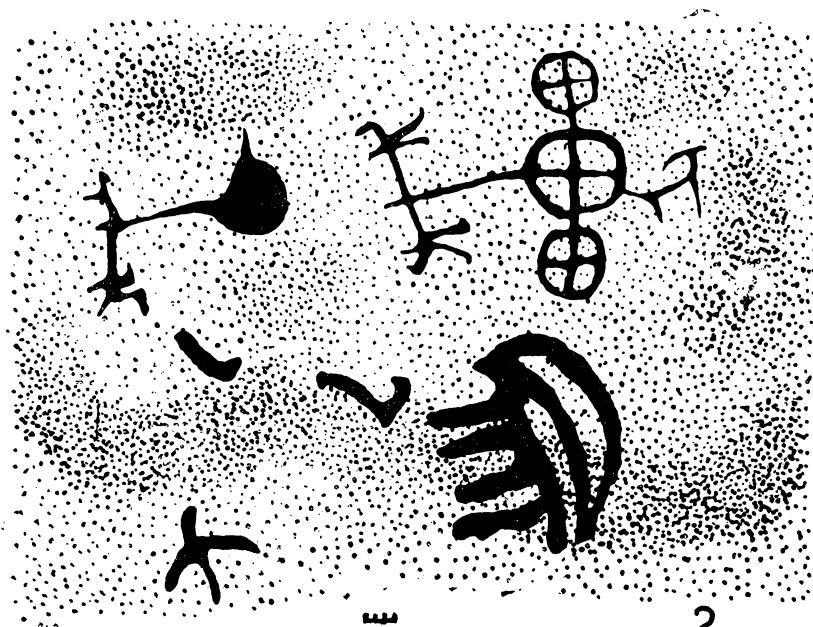
В запряжке колесницы из группы Койбагар II — два верблюда. В композиционной связке с ними еще три верблюда и два плохо сохранившихся изображения каких-то животных (рис. 7, 2).

В III группе три колесницы выбиты без упряжных животных, причем у одной из них с правой стороны изображен верблюд, а с ле-

⁵ П. М. Кожин. Гобийская квадрига. СА, 1968, 3, стр. 42, рис. 3. (1, 3—5); В. И. Авдиев. Военная история Древнего Египта, т. II. М., 1959, стр. 195 (рис.).

1

2

Рис. 5. Койбагар I. 1, 2 — колесницы.

Рис. 6. Койбагар I. 1, 2 — колесницы.

вой — схематичная фигура человека и четыре козла (рис. 8, 1). Несколько необычно выглядит здесь ярмо (иго), которое в отличие от расходящихся вилкой линий в рисунках I группы больше напоминает схематичное изображение повернутых в разные стороны животных. На четвертой колеснице, хотя скол до некоторой степени повредил правую фигуру, отчетливо видна парная конская упряжка (рис. 8, 2). Уникально по сюжету и мастерству исполнения изображение человека, впрягающего в легкую колесницу двух лошадей (рис. 9). Несмотря на частичное разрушение корки пустынного загара, испортившее хвост левой фигуры лошади, вся сцена не утратила выразительности и динамизма. Колесница с парной запряжкой известна из Кокбулака. В принципе изображение не отличается от рисунков колесниц Койбагара I и III, но здесь ремни идут к лошади не от грузовой площадки, расположенной между колесами, а от центральной части дышла.

В ином плане, чем описанные колесницы, выполнены два рисунка из Койбагара III и Арпа-узена, на которых изображены повозки с верблюдами. На первой гравюре мы видим в профиль четырехколесную повозку с очень схематичным возничим и тремя сюжетно связанными с ней фигурами людей (рис. 10, 1). Арпа-узенское изображение двухплановое. Четырехколесная повозка, как и большинство других рисунков, показана сверху, а верблюд, тянущий повозку, и человек, ведущий его в поводу, — в профиль (рис. 10, 2).

Пока не будем касаться двух последних повозок, а рассмотрим основную массу колесниц.

Почти все они однотипны, хотя в деталях и отличаются друг от друга. Наиболее существенно, что у всех колесниц очень архаичный дышловый способ запряжки. Его можно безошибочно определить по поперечному брусу, или, иначе, ярму, который отчетливо виден даже на тех изображениях, где дышло «теряется» среди ременных сплетений. Лишь в четырех случаях из 19 плохая сохранность упряжной части колесниц не позволяет проследить наличие ярма. Неясным в связи с этим остается и вопрос об упряжках, но многое можно восстановить по таким существенным деталям. На всех изображениях колесниц, где достоверно определяется конская запряжка, по обеим сторонам дышла выбито от двух до шести линий, под которыми можно подразумевать ременные вожжи. Напротив, там, где нарисована, как на Койбагаре II, верблюжья упряжка, изображено только дышло. Исходя из этого вполне возможно, что все колесницы с дополнительными линиями имели конские упряжки, а без добавочных линий — верблюжьи.

Очень характерно для всех изображений постоянное число спиц в колесницах. Оно везде не больше четырех⁶.

В каратауских колесницах грузовые площадки, помещенные между колесами, несколько отличаются друг от друга. Некоторые из

⁶ Изображение левых колес двух колесниц из Койбагара I плохо сохранилось вследствие частичного разрушения рисунков.

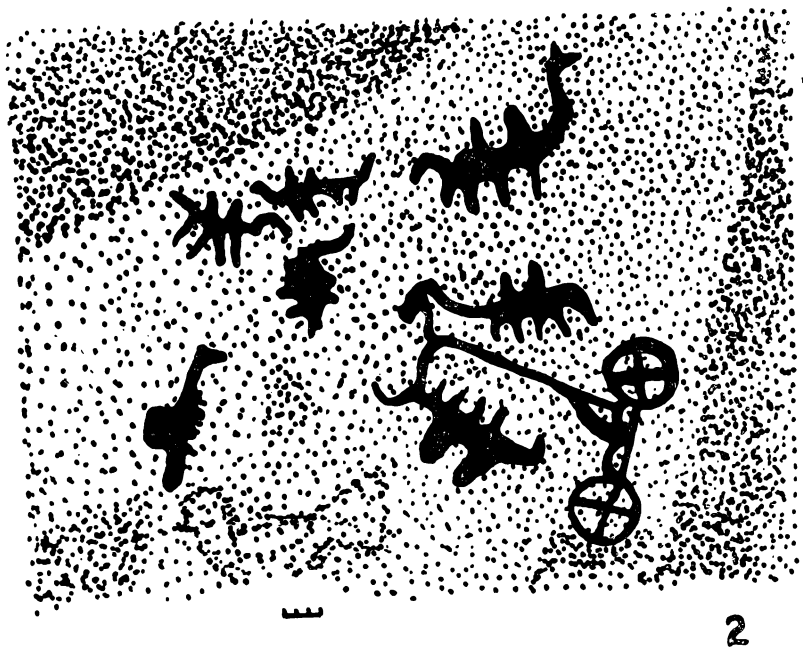
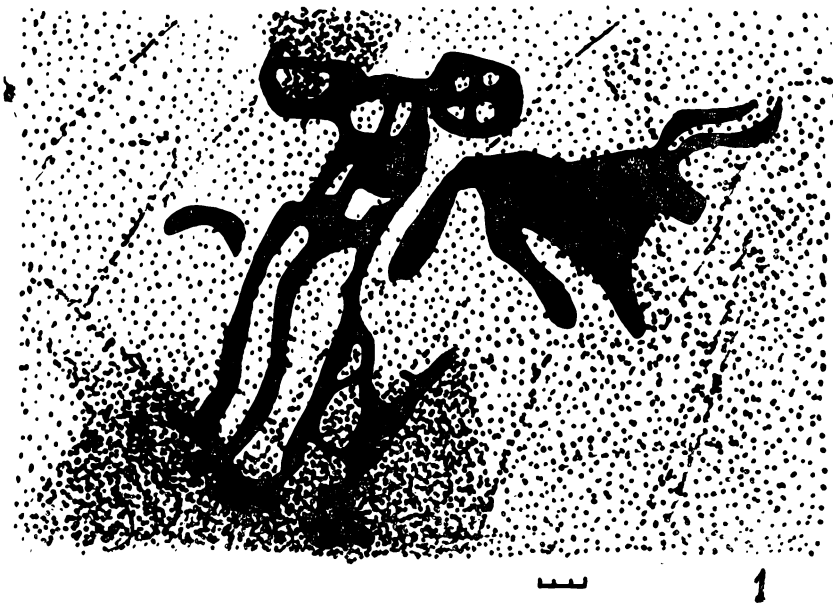
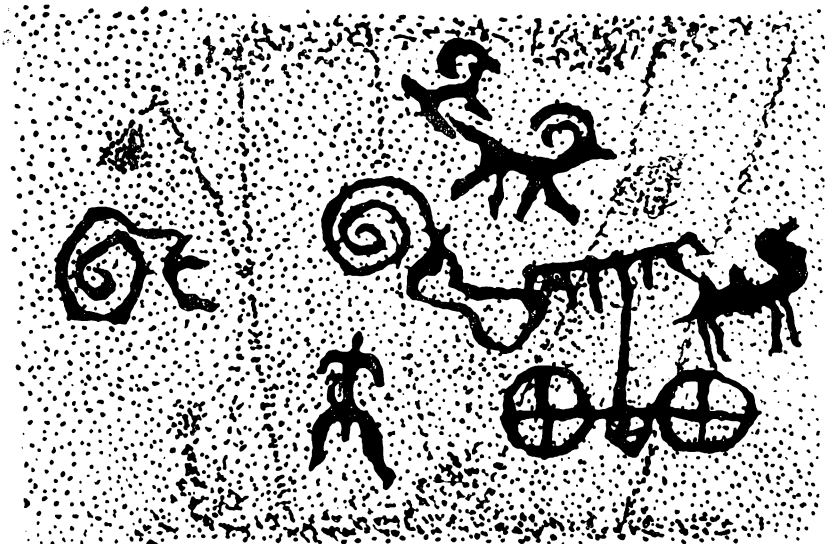
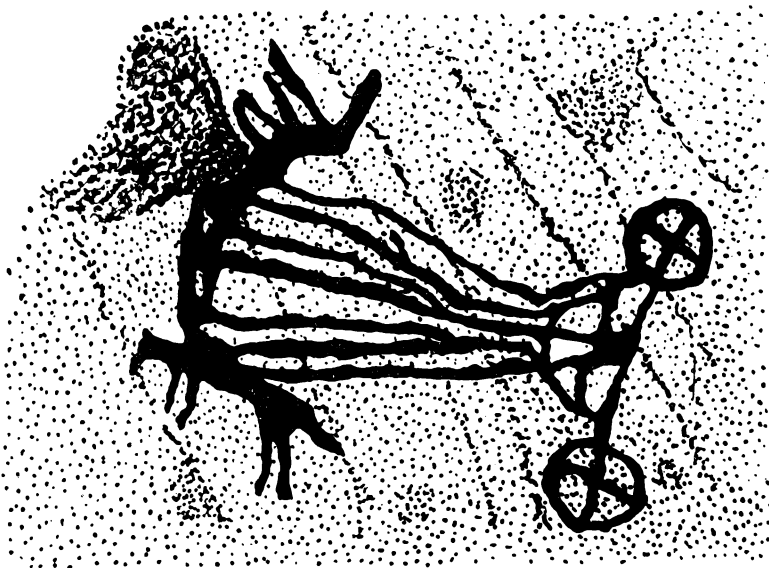

Рис. 7. Изображение колесниц. 1 — Койбагар I; 2 — Койбагар II.

ш

1

ш

2

Рис. 8. Койбагар III. 1, 2 — колесницы.

них имеют конфигурацию круга с четырьмя спицами. Большинство исследователей связывают такое изображение с культом солнечной колесницы, своего рода эмблемой солнечного божества, широко распространенным в идеологии древнего населения Европы, Ближнего Востока и других районов⁷. На одной колеснице из Койбагара I выбит круг без перекрещивающихся линий. На нескольких двухколесных повозках его заменяет полуoval с радиальными линиями или со сплошь выбитой площадью. На колеснице с верблюжьей упряжкой из II группы на месте круга нарисованы гнутые линии, идущие к дышлу, они пересекаются с ним и изогнутым креплением. Две колесницы не имеют площадок, возможно, они не сохранились. Еще А. Д. Калмыков, изучив известную Амударьинскую колесницу, писал о различии грузовых и боевых колесниц. Отнеся Амударьинскую повозку к грузовым, он подчеркивал, что у боевых колесниц грузовая площадка выдвинута вперед по отношению к оси между колесами⁸.

Основной вопрос, однако, состоит в том, как понимать содержание наскальных рисунков колесниц. Можно ли считать их своего рода зарисовкой с натуры или это близкая к реальной, но все же схематичная в своей солярной символике повозка?

Второе, по-видимому, ближе к истине, хотя многие вопросы, связанные с проблемой содержания наскального искусства, все еще дискуссионны⁹.

Изображения колесниц в Казахстане не единичны. Дышловая повозка с четырехспицей парой колес, по существу повторяющая каратауские изображения, обнаружена на скалах Кара-Жартаса в Моинкумском районе Джамбулской области¹⁰. Фотографии двух пароконных колесниц из Копала недавно опубликовал А. Махмудов¹¹. Известны рисунки двух колесниц из урочища Тамгалы¹². Несколько двухколесных повозок, по сообщению А. Х. Маргулана, имеется среди петроглифов Центрального Казахстана. Еще одна колесница зафиксирована А. Г. Медовым в юго-западном Прибалхашье¹³. Продолжая ана-

⁷ См., например: Ж. де-М о р г а н. Доисторическое человечество. М.—Л., 1926, стр. 252—255; А. А. Ф о р м о з о в. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 148; Н. М. К о ж и н. Гобийская квадрига, стр. 39—42.

⁸ А. Д. К а л м ы к о в. Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии». Протокол от 1 января 1908 г. Ташкент, 1909.

⁹ А. А. Ф о р м о з о в. Очерки по первобытному искусству, стр. 17—22; Ю. А. С а в в а т е е в. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии. «Советская этнография», 1969, I, стр. 100—103.

¹⁰ Письменное сообщение и схематический рисунок сотрудника Джамбулского областного музея К. Байбосынова.

¹¹ А. М а х м у д о в. Жартастагы кене суреттердің сыры. «Эпиграфика Казахстана», вып. 1, 1971, стр. 66, рис. 12.

¹² Фотографию одной из колесниц опубликовала А. Г. Максимова. См. ее статью «Наскальные изображения урочища Тамгалы». «Вестник АН КазССР», 1958, № 9, рис. 38.

¹³ См. информацию О. О г н е в а («Известия», 1972, 19 марта). Копия колесницы демонстрировалась в г. Алма-Ате на выставке «Петроглифы Прибалхашья».

логии, можно указать на территориально близкие и более отдаленные гравюры из Саймалы-таша¹⁴, Мугур-сарыс-хола¹⁵, Хобдо-Сомона¹⁶, Беркей¹⁷ и т. д.

Вопрос о хронологии колесниц освещался во многих исследованиях, особенно обстоятельно в работах П. М. Кожина, которые содержат исчерпывающую сводку о имеющейся на сегодняшний день зарубежной и отечественной литературе¹⁸.

По типу подавляющее большинство колесниц из Казахстана следует отнести в обширный евразийский ареал, для которого характерно преобладание изображений двухколесных повозок в плане. Хронологически они также не представляют особого явления.

Уже отмечался удивительно устойчивый признак каратауских колесниц — четырехспицы колеса. Почти все исследователи считают такой тип древнейшим после дисковидного колеса¹⁹. П. М. Кожин, опираясь на ближневосточные материалы, пишет: «Количество спиц возрастает от четырех до восьми в течение второй половины II тысячелетия до н. э. Дальнейшее увеличение числа спиц происходит в основном уже в I тысячелетии до н. э., особенно ближе к его середине»²⁰. И действительно, на многочисленных рельефах Древнего Египта, Малой Азии, Ассирии, Урарту, доакхеменидского Ирана (XIV—XII вв. и позднее) мы уже видим не четырех-, а шести- и даже восьмиспицы колесницы²¹. Правда, небольшое количество четырехспицных колесниц ряд исследователей, исходя из сильной схематизации рисунка, датирует временем до VII в. до н. э. К этому периоду относят гравировки колесниц на бронзовых поясах из Ахталинского и Тлийского могильников и некоторые наскальные рисунки Средней и Северной Европы²².

На наш взгляд, имеющиеся исключения не дают серьезных осно-

¹⁴ На рисунке колесницы, любезно присланном авторам Ю. Н. Голендухиным, за грузовой площадкой высечена схематичная фигура человека. Два похожих рисунка найдены нами в 1973 г. в Северном Каратау. Такой сюжет встречается и в наскальных изображениях Среднего Нигера в Африке. См.: Б. Дэвидсон. Новое открытие древней Африки. М., 1962, стр. 72, рис. 8. Изображением колесницы, видимо, следует считать и опубликованную А. Н. Бернштамом фотографию в статье «Наскальные изображения Саймалы-таш». СЭ, 1952, 2, стр. 63, рис. 13.

¹⁵ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, рис. 36, 1; рис. 37, 2.

¹⁶ А. П. Окладников. Олень золотые рога. Л.—М., 1964, стр. 208; В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 33, 2.

¹⁷ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 95, рис. 39, 2.

¹⁸ П. М. Кожин. Кносские колесницы. Сб.: «Археология Старого и Нового света». М., 1966; его же. К проблеме происхождения колесного транспорта у народов Евразии. Тезисы конференции «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». М., 1967; его же. Гобийская квадрига. СА, 1968, 3.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 151—152.

²⁰ П. М. Кожин. Гобийская квадрига, стр. 36.

²¹ См., напр., «Искусство Древнего Востока. Памятники мирового искусства». М., 1968, рис. 136а, 224в, 234а, 238б, 239а, б, 267б, 275в, 316д и др.

²² Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 152—153; П. М. Кожин. Кносские колесницы, стр. 80; его же. Гобийская квадрига, стр. 36.

ваний для более поздней датировки каратауских дышловых колесниц, чем конец II — начало I тысячелетия до нашей эры. С более поздней датой можно было бы согласиться в том случае, если бы все или большинство схематичных изображений колесниц в Казахстане имели четырехспицевое колесо. Но это далеко не так. Кроме каратауских, каражартаской и тамгалинской колесниц, все остальные насчитывают 6—8 и более спиц.

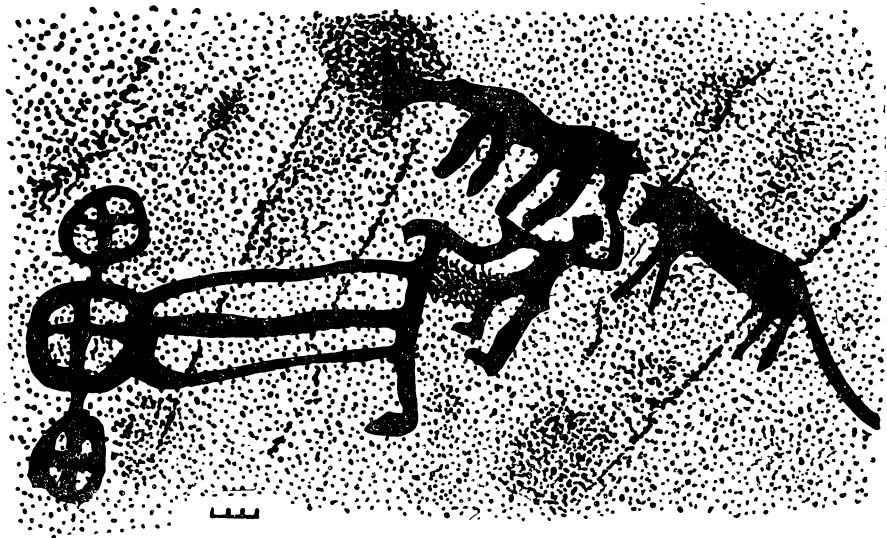

Рис. 9. Койбагар III. Сцена запряжки лошадей в колесницу.

Хронологическими эталонами, позволяющими определить раннюю и позднюю границы бытования дышловых четырехспицевых колесниц, могут служить, с одной стороны, тувинские колесницы, найденные в комплексе с окуневскими личинами²³, а с другой — гравюра двухколесной повозки на могильной плите у с. Берекей из Дагестана, датированная по археологическому материалу 1100—900 гг. до н. э.²⁴ Для каратауских колесниц, по-видимому, более подходит вторая дата.

Менее ясна пока хронология двух повозок с верблюдьими упряжками из Койбагара III и Арпа-узена (рис. 10). Эти повозки, имеющие своеобразную проекцию, четырехколесны. На профильном изображении телеги из Койбагара III отчетливо видны два четырехспицевых колеса. В целом вся композиция довольно архаична. Описанную повозку можно сравнить с крытой повозкой на дисковидных колесах из д. Знаменки, датированной карасукским временем²⁵. Разрыв в датировке

²³ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 104.

²⁴ В. И. Маркович. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 95.

²⁵ М. Н. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 86, рис. 20.

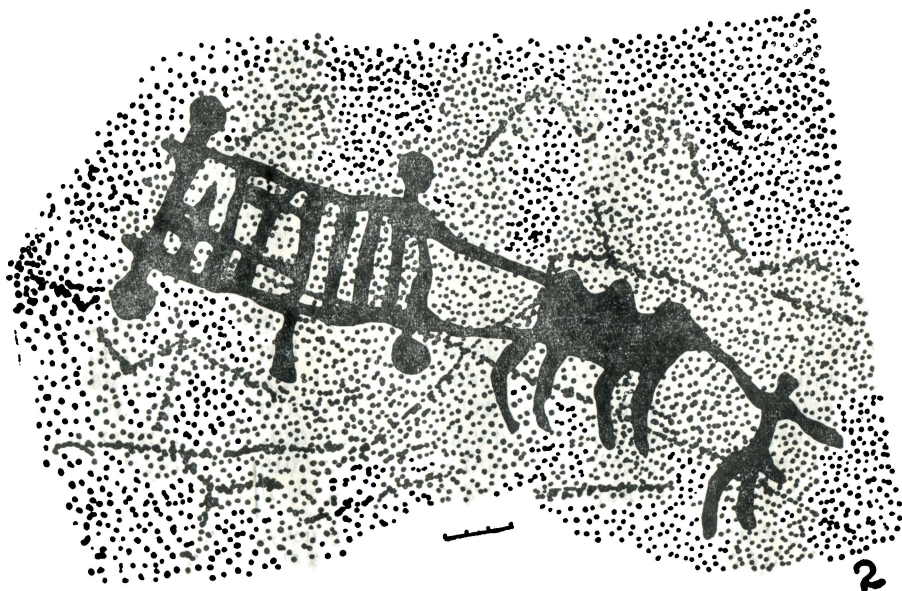
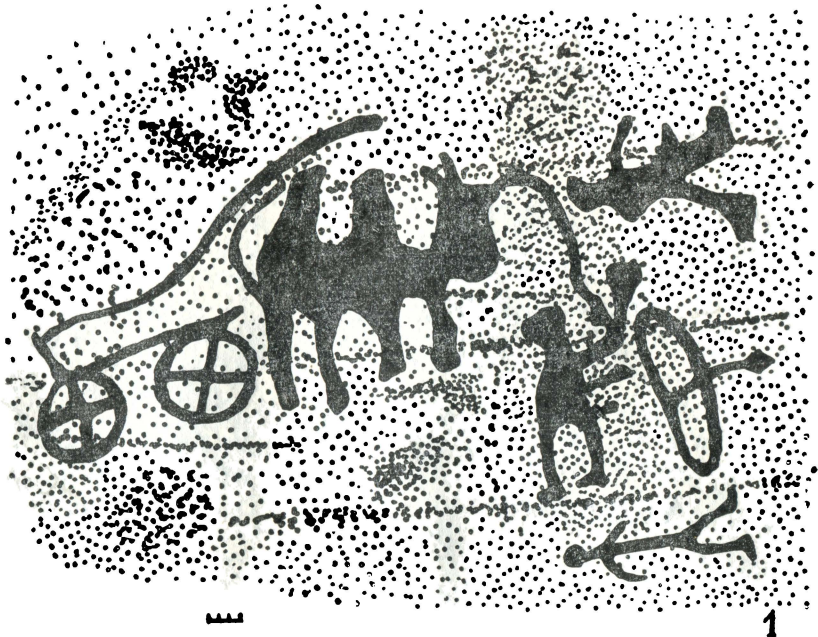

Рис. 10. Повозки с верблюдами. 1 — Койбагар III; 2 — Арпа-узен.

новозок из Знаменки и Койбагара III вряд ли велик, поскольку в эволюции колеса крестовина (четыре спицы) сразу же следует за диском. Аналогий рисункам колесниц с верблюжьей запряжкой немного. Нам известны лишь четыре²⁶. На двух из них виден оглобелый способ упряжки²⁷. Датировка сибирских крытых повозок нечетка, но если исходить из общих замечаний А. Н. Бернштама, то их следует отнести к тагарской культуре²⁸. Однако связывать приручение вер-

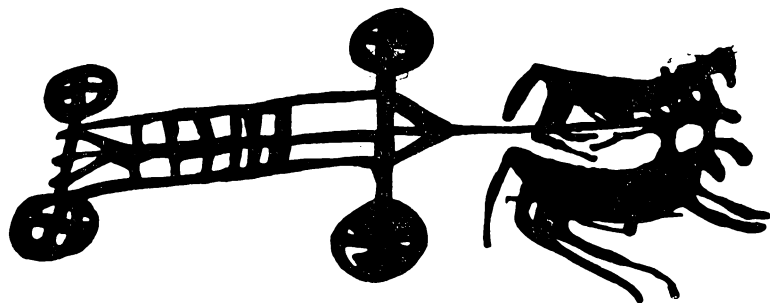

Рис. 11. Повозка из Вал Камоника (Северная Италия).

блюда со скифским временем неверно. Если в Двуречье появление двугорбого верблюда относят к началу I тысячелетия до нашей эры²⁹, а в Северной Африке к несколько более позднему времени³⁰, то на территории Средней Азии и Казахстана domestикация двугорбого верблюда произошла, как об этом говорят факты, не позднее середины II тысячелетия до нашей эры³¹. Найденные в погребениях и поселениях Казахстана конца II тысячелетия до нашей эры кости домашнего верблюда свидетельствуют, конечно, не о начале domestикации, а об устойчивой хозяйственной традиции применения верблюда в качестве транспортного средства³².

²⁶ Н. Appelgren-Kivalo. *Alt-Altäische Kunstdenkaler*. Helsingfors, 1931, авв. 84; В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Труды ГИМ, вып. 1. М., 1926, рис. 17 (19); А. Н. Бернштам. К вопросу о классовом расслоении. «Проблемы истории материальной культуры», № 7—8, 1933, стр. 46. Рисунок из работы А. Н. Бернштама в несколько искаженном виде перепубликован А. С. Кудрявцевым в сборнике «Очерки истории дорожного строительства в СССР» (М., 1951, стр. 15, рис. 7). Изображение «верблюда в упряжке» на скалах р. Баланты отмечено А. Х. Маргуланом. См. А. Х. Маргулан. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) «Известия АН КазССР, серия историч.», 1948, вып. 4, стр. 126.

²⁷ В. А. Городцов. Указ. работа; Н. Appelgren-Kivalo. *Op. cit.*

²⁸ А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 45—46.

²⁹ Например, изображение верблюда на Черном обелиске Салманасара III. См. И. Клима. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967, стр. 125.

³⁰ Б. Дэвидсон. Новое открытие древней Африки. М., 1962, стр. 25, 72.

³¹ Е. Е. Кузьмина. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема domestикации бактрианов. СА, 1963, 2.

³² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 120; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 175—176.

Каратауские верблюжьи упряжки в двухколесных повозках также позволяют говорить о существовании боевых верблюжьих колесниц. Известно, что в Иране и Парфии верблюды широко применялись как военные животные ³³.

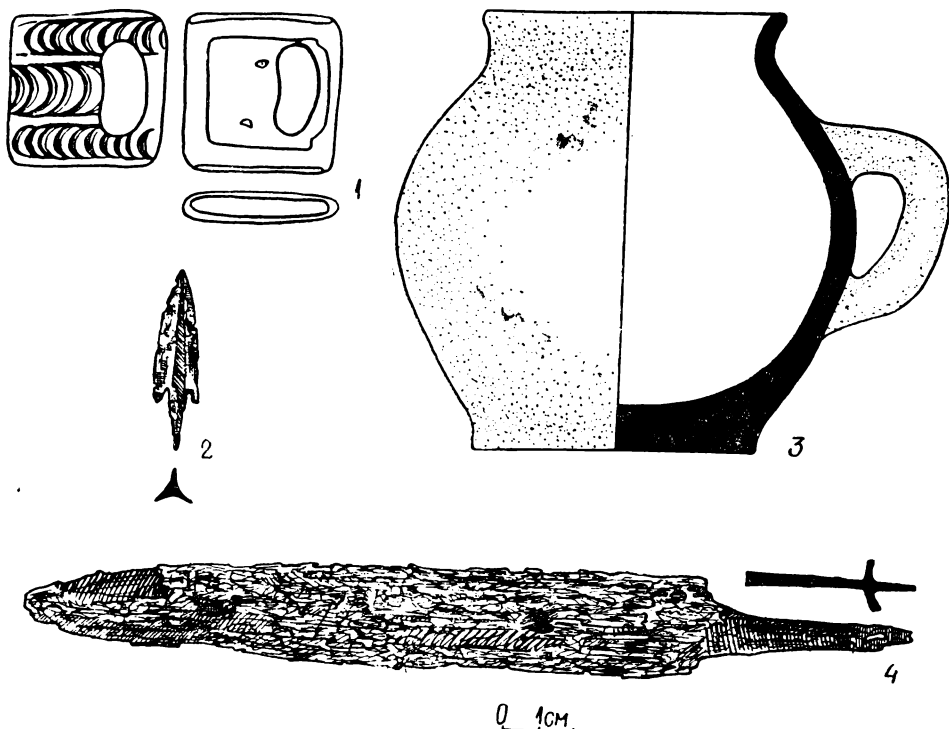

Рис. 12. Каракумс. Инвентарь из кургана 45. 1 — бронзовая пряжка; 2, 4 — железные наконечник стрелы и кинжал; 3 — глиняный сосуд.

Необычный для каратауских изображений двуплановый принцип передачи телеги и верблюда из Арпа-узена напоминает некоторые петроглифы Северной Италии ³⁴. На гравюре из Капо ди Понта, относящейся к эпохе поздней бронзы, мы видим сходную проекцию телеги и упряжных животных (рис. 11) ³⁵. Но там пароконная дышлавая упряжка, а в Арпа-узене другое: к одиночной фигуре верблюда от телеги протянуты две линии, которые можно трактовать как оглобли.

³³ Е. Е. Кузьмина. Указ. работа, стр. 42. О верблюдах, в быстрой не уступающих коням, говорит и Геродот (III, 102).

³⁴ E. Annati. La civilisation du Val Camonica. «Mondes Ansiens», t. 4, Arthaud, 1960.

³⁵ Прорисовка по фотографии, любезно предоставленной нам чехословацким искусствоведом Мирославом Кшицей.

Последний тип упряжки, как считают многие, появляется повсеместно не ранее начала второй половины I тысячелетия до н. э., и ее модель, правда в двухколесном варианте, известна по Амударьинскому кладу³⁶.

Возникает вопрос, имеем ли мы у арпа-узенской телеги оглобельный способ запряжки или у нее ременные крепления, которые предшествовали оглоблям? Если допустить первое, то повозку следует датировать в пределах второй половины I тысячелетия до н. э., не позднее рубежа новой эры.

Верхнюю дату второго, более позднего пласта каратауских петроглифов, представленного схематичными изображениями тау-теке, сценами боя лучников, стилизованными фигурами верблюдов, всадниками, можно определить по археологическому материалу. В каменных насыпях курганов могильника Каракуыс, примыкающего с юго-запада к холму с петроглифами группы Койбагар I, встречены два валуна с рисунками, использованные в качестве строительного материала. Один из валунов со схематичной фигурой козла находился в насыпи кургана 45, расположенного в центральной цепочке могильника, в 20 м юго-западнее группы Койбагар I. Вещевой материал погребения представлен глиняным сосудом с ручкой по тулову, бронзовой литой поясной обоймой с рельефным орнаментом, железным кинжалом со штырем для насадки деревянной или костяной рукоятки и железным трехперым черешковым наконечником стрелы с опущенными жальцами (рис. 12).

Такие мелкие железные наконечники стрел появляются еще в III—II вв. до н. э., но в целом они датируются I в. до н. э.— I в. н. э.³⁷

Следует иметь в виду, что приведенная дата по отношению к арпа-узенской повозке не более чем *terminus poste quem*, поскольку до употребления петроглифов в качестве строительного материала прошел какой-то промежуток времени, за который они утратили свое культовое значение.

³⁶ Г. А. Пугаченкова, Д. И. Ремпель. История искусства Узбекистана. М., 1965, рис. 4; «Очерки истории СССР». М., 1955, стр. 258.

³⁷ Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, 2, стр. 78.

ТЕРИОФАУНА ПЕЩЕРЫ КАРАУНГУР

Л. А. МАКАРОВА

При раскопках в пещере Караунгур¹, расположенной на южном склоне хребта Каратау, в 1970—1971 гг. Х. А. Алпысбаевым было найдено большое количество костей животных. Результаты определения видовой принадлежности костных остатков говорят о наличии здесь костей представителей диких млекопитающих — грызунов, хищников, крупных и мелких копытных, а также пресмыкающихся и птиц. Среди просмотренного материала костей рыб и земноводных не обнаружено.

Коллекция собранных за два года костных остатков животных включает свыше 5000 костей. Из них отобрано около 2000 с характерными морфологическими признаками. До вида и рода определено 1497 костей. Судя по полевым этикетным данным, кости животных обнаружены на различной глубине и в разных квадратах раскопочной площади пещеры. Кости, собранные в 1971 г., встречались в основном на глубине от 1,8 до 5 м от поверхности. Большинство костных остатков мелко

¹ Х. А. Алпысбаев. Неолитическая стоянка в пещере Караунгур (Южный Казахстан). «Известия АН КазССР, серия общественная», 1969, № 2, стр. 85.

раздроблено и совершенно непригодно к определению, сравнительно мало целых костей, полностью отсутствуют черепа и незначительно количество костей осевого скелета — позвонков, ребер и трубчатых костей конечностей. В основном коллекционный материал представлен фрагментами нижних челюстей (главным образом хищников), отдельными зубами, пяточными, таранными и копытными костями.

Предварительное изучение костей животных из пещеры Караунгур позволяет установить принадлежность их к 20 видам диких млекопитающих. Подсчет особей некоторых животных производился по количеству костей отдельного вида, найденных в раскопочных горизонтах, и по наличию большего количества парных костей данного вида животного в пределах одного слоя.

Из данных таблицы 1 видно, что кости, обнаруженные в захоронении пещеры Караунгур, относятся к животным различных систематических групп. В преобладающем большинстве это представители отряда хищных (лисица), парнокопытных (свинья дикая) и жвачных (архар, косуля). Дадим краткую характеристику материалов по каждому виду животных.

Волк (*Canis lupis Linnaeus*). Остатки костей этого хищника немногочисленны. Среди сборов 1970 г. имеются левая нижняя челюсть с последним предкоренным зубом (P_4), зубы (P^4 и M^2) верхней челюсти и два клыка, а в материалах 1971 г. — два обломка верхней челюсти, в одном случае с P^2 , в другом с P^4 , M^1 , M^2 и фрагмент нижней челюсти. Кости найдены на глубине 1,8, 1,85 и 2,8 м от поверхности в разных квадратах раскопок. Исходя из расположения костей на различной глубине можно полагать, что они от трех особей.

Шакал (*Canis aureus L.*). Костный материал представлен правой нижней челюстью с полным рядом корневой части зубов и целой пяточной костью, которые обнаружены на различной глубине (1,85 и 2,35 м) и, следовательно, относятся к двум особям.

Лисица (*Vulpes vulpes L.*). По количественному соотношению костей этого хищника в собранном материале занимают второе место. Определено 253 кости, включая отдельные зубы. В основном, как и у

Таблица 1

**Видовая принадлежность
и количество костей животных
(находки 1970—1971 гг.)**

Вид	Кол-во костей	Пример- ное кол-во особей
Волк	8	3
Шакал	2	2
Лисица	253	39
Барс	1	1
Кошка дикая	1	1
Барсук	6	6
Хорек	1	1
Заяц	3	2
Суслик	12	—
Полевки	92	—
Кулан	2	1
Свинья дикая	221	19
Олень (марал)	28	11
Косуля	142	18
Сайга	15	4
Сибирский ко- зел	18	4
Архар	554	30
Баран дикий	5	2
Бык	7	2
Еж	5	—
Птицы	58	—
Черепаша	20	2

других видов, они представлены фрагментами нижних челюстей, отдельными зубами и костями конечностей, главным образом пяточными и таранными. В сборах 1970 г. имеются 50 фрагментов правых и левых нижних челюстей, один обломок верхней челюсти, фрагменты

Таблица 2

Распределение костных остатков лисиц по раскопочным горизонтам
(находки 1971 г.)

Глубина, см	Верх- няя че- люсть	Нижняя челюсть		Кости										Всего
				плечевая		локтевая		б. берцо- вая		пяточ- ная		та- ран- ная		
		левая	пра- вая	левая	пра- вая	левая	пра- вая	левая	пра- вая	левая	пра- вая			
180	1	2	2		2			1	1		1		9	
185			2				1						3	
195											1		3	
210														
215		1	5	1	1				1		1		10	
220									1				2	
230							1	1					2	
235		2	3		1	1							7	
240						1							1	
250											1	1	2	
255			1										1	
260		2											2	
265		1					1					2	4	
270				1									4	
275				1								1	2	
280											2		2	
290													2	
295														
300	2	3								1		6		
360														
410														
460		1	1							1		3		
480		2	1	1								4		
490		1										1		
500		1		1								2		

5 правых и 5 левых плечевых костей (нижние концы), соответственно 5 и 2 локтевых и 3 и 2 большеберцовых кости, 21 фрагмент (10 правых и 11 левых) таранных и 16 пяточных костей. Среди костных остатков 1971 г. оказалось 35 фрагментов правой и левой нижних челюстей с зубами и без зубов, 5 правых и 3 левых плечевых кости (нижние концы), 5 локтевых (2 от правой, 3 от левой конечности), 3 правых и левая большеберцовая кости, таранная и 11 пяточных костей. В материале двух сезонов насчитывается 73 отдельных определимых зуба. Интересно, что размеры всех нижних челюстей

почти одинаковы, что свидетельствует о примерно одном возрасте особей.

Из таблицы 2 видно, что кости лисиц в данной пещере найдены на различной глубине и почти во всех горизонтах обнаружена какая-либо кость скелета данного животного. Проследив по таблице нахождение различных костей в соответствующих слоях и учтя встречаемость наибольшего числа парных костей в отдельных раскопочных горизонтах, можно считать, что костные остатки в таблице представлены 32 особями. Ранее кости лисицы известны из мустьерской пещеры Ушбас Джамбулской области².

Кошачьи (*Felidae* Gray.). Костные остатки представителей этого семейства незначительны. Их не было в материале 1971 г. Среди костей, добытых в 1970 г., оказался фрагмент левой нижней челюсти со вторым коренным зубом (M_2), принадлежащей барсу.

Кроме описанной нижней челюсти имеется еще одна нижняя челюсть с полным рядом зубов, относящаяся к другому виду этого семейства. Если принять во внимание виды диких кошек, обитающих в этом районе в настоящее время, то эта кость, возможно, степного или камышового кота. Тот и другой живут по берегам рек, в горах и предгорных районах.

Барсук (*Meles meles* L.). В пещере Караунгур костей барсука обнаружено также мало. В сборах 1970 г. есть левая нижняя челюсть со вторым коренным зубом (M_2) и левая нижняя челюсть без зубов. Во время раскопок 1971 г. найдена правая нижняя челюсть с последним предкоренным (P_4) и со вторым коренным (M_2) зубами. Глубина находки 2,60 м. На глубине 1,8 м, но в разных квадратах раскопок выявлены две пяточные и одна таранная кости. Судя по нахождению всех костей на разной глубине, они относятся к различным (примерно шести) особям, добытым в разное время.

Хорек (*Mustela eversmanni* Less). Найдена нижняя челюсть с одним коренным зубом (M_2).

Кулан (*Equus heneionus* Pallas). Среди костей, собранных в 1971 г., имеется нижняя челюсть с предкоренным (P_4) и тремя коренными (M_1 , M_2 , M_3) зубами и одна таранная кость, обнаруженные на глубине 2,15 м в квадрате Ж-3. Эти кости по своей слабой фоссилизации резко отличаются от остальных костей из данной пещеры, что, видимо, связано с некоторыми особенностями условий захоронения.

Свинья дикая (*Sus scrofa* L.). Из костного материала сборов 1970—1971 гг. по количеству найденных костей этот вид занимает третье место (221 определимая кость). Среди них имеются неполностью сохранившиеся нижние челюсти с одним или несколькими зубами, найденные в основном на глубине 1,85 м. Кроме этого, в коллекции оказались обломки верхних челюстей с зубами и без зубов и отдельные зубы с различных горизонтов. Много костей пястных, плюс-

² Б. С. Кожамкулова. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969, стр. 34.

невых, пяточных, таранных и фаланг пальцев. Сборы 1970 г. содержат фрагменты лопаток и копытные кости, глубина находок разная. Есть кости молодых особей. Костей осевого скелета и черепа не обнаружено.

Таблица 3

Распределение костных остатков дикой свиньи по раскопочным горизонтам (находки 1971 г.)

Глубина, см	Челюсть		Отдельные зубы	Таранные кости		Пяточные кости		Фаланги		Копытные кости		Плечевые кости	Всего
	верхняя	нижняя		левая	правая	левая	правая	I	II	левая	правая		
180		1	3				1	2	3		1		11
185	1	3				1							5
195												1	1
210				1				1		1			3
215		1	3	1			1	4	5		1		16
220	1								1	1		1	4
230												1	1
235			1				1		1	4	1		8
240	1	1	1					1	4	3			11
250						1					1		2
255										1			1
260													
265													
270							1		1				2
275		1						1					2
280	2	1	2						1		1		7
290												1	1
295			1		1				1				3
300		1	1				1	1					4
360													
410											1		1
460													
480					1			1					2
490													
500													

Приведенное в таблице 3 количество костных остатков, по нашим подсчетам, соответствует 19 особям дикой свиньи. В литературе о находках костей дикой свиньи в пещере Караунгур (сборы Х. А. Алпысбаева в 1958—1959 гг.) говорится в работе Б. С. Кожамкуловой³ и Х. Алпысбаева⁴, они отмечают, что кости дикой свиньи выявлены вместе с мезолит-неолитическими орудиями.

Олень (марал) (*Cervus elaphus* L.). Часть черепа ископаемого марала из пещеры Караунгур хранится в коллекции лаборатории палео-

³ Б. С. Кожамкулова. Указ. работа, стр. 79.

⁴ Х. А. Алпысбаев. Указ. работа, стр. 85.

биологии Института зоологии АН КазССР. Из костного материала сборов 1970 г. установлено, что этому виду животного принадлежит нижняя часть плечевой кости, таранная, две вторые фаланги и восемь копытных костей. В сборах 1971 г. имеется часть верхней челюсти марала с P^4 и M^1 , найденная на глубине 2,50 м, нижняя часть плечевой кости и бедра.

Кроме них обнаружены верхняя часть большой берцовой кости и таранная на глубине 5 м, неполностью сохранившиеся три пяточные кости от правой конечности на глубине 2,2; 2,4; 2,7 м, а также фаланги пальцев и копытные кости на различной глубине и в разных квадратах раскопочной площади. Выявлено также несколько зубов и их обломки. Всего определено 28 костей скелета той или иной степени сохранности.

Приведенное в таблице 5 количество костей соответствует 9 особям.

Косуля (*Capreolus capreolus* L.). Из костей представителей этого семейства определены различные обломки верхних и нижних челюстей, в преобладающем большинстве с предкоренными и коренными зубами. Из костей конечностей имеются 34 таранных, 17 пяточных, 19 первых фаланг, два обломка нижних концов пяточной, а также десять плечевых костей. Материал собран на различной глубине. По сравнению с костями современных косуль соответствующие кости косули из пещеры Караунгур крупнее. О находке Х. Алпысбаевым костей косули в отложениях этой пещеры в 1958—1959 гг. писала Б. С. Кожамкулова⁵. Костные остатки косули в сборах 1971 г. с учетом нахождения их в различных горизонтах, по нашему мнению, относятся к 12 особям. Всего определено, включая находки костей косули 1970 г., 142 кости, они принадлежат 18 особям.

Сайга (*Saiga tatarica* L.). Среди костного материала, собранного в 1971 г., костей этого вида антилоп оказалось немного — пять таранных (4 от левой конечности), 10 первых фаланг и несколько отдельных зубов. О нахождении в 1959 г. двух роговых стержней сайги Х. Алпысбаевым сообщает Б. С. Кожамкулова⁶. Малочисленность костных остатков, по-видимому, объясняется тем, что сайга как житель открытых пространств в данный предгорный район заходила редко и охота на нее была случайной. Находки костей сайги известны также из мусьерской пещеры Ушбас.

Сибирский козел (*Capra sibirica* Pall.). Костных остатков этого вида животного очень мало. Имеется 7 таранных костей (из них 4 от левой конечности) и 10 первых фаланг, а также небольшой обломок рога. Таранные кости плохой сохранности, они от молодых особей. Небольшое число костей козлов, видимо, объясняется тем, что охота на них была затруднена, так как они обитали высоко в горах. Однако

⁵ Б. С. Кожамкулова. Указ. работа, стр. 77.

⁶ Там же, стр. 92.

на возможность существования козлов в прошлом в горах Каратау указывают наскальные изображения⁷.

Архар (*Ovis ammon* L.). При изучении костных остатков, принадлежащих к роду *Ovis*, удалось установить, что свыше 500 костей

Таблица 4

Распределение костных остатков архара по раскопочным горизонтам (находки 1971 г.)

Глубина, см	Зубы		Пле- чевая кость	Та- ран- ная кость	Пяточные кости		Фаланги		Ко- пыт- ные кости	Всего
	верх.	нижн.			левая	пра- вая	I	II		
180	5	4		1				4	3	17
185		1		1						2
195				1						1
210	1	1						1		3
215	7	11	2	4	3	1	4	11	9	52
220				1					3	4
235	4	1	1	4		1	1	3	2	17
240	3			2	1	1	2	4		13
250							1	1		2
255	2	3		1					1	7
260					1		3	3	2	9
265							2	3	4	9
270	1	1		1				3	2	8
275	1						3		2	6
280		1						2		3
290								3	2	5
295								1	3	4
300				4	2		5	10	6	27
360										
410		1								1
460							1	2		3
480	1	1		1			1			4
490			1	3	1		3	1	3	12
500	2			1						3

относятся к данному виду диких баранов. Несмотря на большое количество костей, среди них также нет черепов и очень мало трубчатых костей конечностей. Не обнаружено ни одной целой челюсти, хотя отдельных зубов много. Коллекция 1970 г. насчитывает от верхней челюсти 40 зубов, а от нижней 27, в находках 1971 г. — соответственно 29 и 28. Из костей конечностей наибольшее количество приходится на копытные кости и фаланги пальцев. Кроме того, определено

⁷ В. Е. Соколов. О прошлых ареалах копытных по наскальным изображениям. «Бюллетень МОИП, отд. биол.», т. XIX (I), 1964, стр. 113—114; М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьяшев. Третий сезон работы на Каратау. В сб.: «Археологические открытия 1971 г.». М., 1972, стр. 499—501.

по 25 таранных и пяточных костей, 4 обломка плечевой кости (нижние части). По количеству найденных костей этот вид занимает первое место в фауне из пещеры Караунгур.

Из таблицы 4 видно, что кости архара встречаются на различной глубине, наблюдается их некоторая стабильность в количестве, но в то же время имеются горизонты с наибольшим числом костей (1,80, 2,15, 2,35, 3 м). Причиной этого могла быть интенсивная охота в данном месте. Это еще раз подтверждает вывод о том, что в жизни древних караунгурцев архар был одним из основных промысловых животных.

Распространение архаров в прошлом в горах Каратау⁸ подтверждается находками наскальных изображений и, как отмечает В. Е. Соколов⁹, прежний ареал их совпадает с современным. Среди костных остатков диких баранов кроме костей, принадлежащих архару, имеются шесть таранных костей, обнаруженных на различной глубине (2,15, 2,35, 2,75 м), относящихся к другой форме рода *Ovis*.

Бык (*Bos taurus* L.). В исследуемом костном материале оказалось очень мало костей быка. Из сборов 1970 г. имеются фрагмент нижней челюсти и пять отдельных зубов (обломки), два вторых фаланга пальцев, а из находок 1971 г. — зуб верхней челюсти, найденный на глубине 2,15 м, два зуба нижней челюсти (с глубины 2,15 и 2,66 м), две таранные и нижняя часть берцовой кости, обнаруженные на глубине 2,15 м и копытная кость с глубины 2,95 м. Из этого небольшого материала заслуживают внимания таранная кость и обломок берцовой кости, несомненно, принадлежащие одному животному. Данные кости отличаются большей фассильностью, что свидетельствует о более древнем их происхождении. Однако малое количество костей и отсутствие достаточного сравнительного материала затрудняет более точное их определение, удалось установить только несомненную их принадлежность к роду *Bos*.

Среди костей, обнаруженных в пещере, имеются также раздробленные кости зайца (три нижние челюсти без зубов), суслика (12 нижних челюстей без зубов), полевок (92 нижние челюсти без зубов), ежа (5 неполных нижних челюстей), птиц (орла, дрофы, кеклика) и 20 обломков панцирей черепах (*Testudo horstfeldi* Gray), которая обитает в этом районе и в настоящее время. Все кости мелких животных найдены на различной глубине.

Данные определения остеологического материала из пещеры Караунгур позволили выяснить видовой состав животного мира, численность и значение отдельных видов животных в жизнедеятельности древних обитателей этого района как объектов их промысла.

Количественное и видовое соотношение, установленное по костным находкам, обнаруженным в различных раскопочных квадратах

⁸ В. М. Антипин. Экология происхождения и расселения диких баранов Казахстана. «Известия АН КазССР, серия зоологич.», 1947, вып. 6, стр. 3—22.

⁹ В. Е. Соколов. Указ. работа, стр. 113—114.

и на различной глубине, отражающее время использования тех или иных видов, помогает определить продолжительность жизни людей в данной пещере. Уже отмечалось, что животный мир этого района разнообразен в видовом отношении и, как показывают костные остатки, состоит из представителей дикой фауны (см. табл. 1).

Судя по количеству костных остатков, основными объектами охоты были архар, лисица, косуля, дикая свинья. Так, среди костных находок представителей отряда хищников кости лисицы составляют 93%. Из копытных животных наибольший процент приходится на кости архара — 55,8, затем дикой свиньи — 22,3 и косули — 14,3. В общем количестве остеологического материала (1497) из пещеры Караунгур кости архара дали 39,7%. Из других зверей наибольший процент составляют кости лисицы — 18,1, дикой свиньи — 15,7 и косули — 10,3. Эти показатели еще раз свидетельствуют об основной роли данных видов животных в жизни людей, видимо, неоднократно посещавших пещеру. Как отмечает Н. К. Верещагин¹⁰, среди остатков крупных животных, добывавшихся первобытными людьми, преобладали кости архара. Доминируют эти животные и в фауне диких млекопитающих южного склона хребта Каратау. Очевидна и наибольшая доступность их для охоты. Такие звери, как лисица, добывались почти повсеместно на территории СССР в палеолите, неолите и в эпоху бронзы¹¹. Однако Н. К. Верещагин не указывает для палеолита и неолита Казахстана находок костей в составе зверей охотничьего промысла дикой свиньи. Костные остатки из пещеры Караунгур доказывают, что дикая свинья отстреливалась охотниками и к тому же довольно интенсивно. Видимо, в то время численность ее была значительной. Сейчас, как отмечает А. А. Слудский¹², кабаны обычны во многих местах долины реки Сырдарьи и ее правого притока Арыси, немало их и в районе хребта Каратау.

Степень и продолжительность использования отдельных видов животных древними обитателями рассматриваемого района в своей хозяйственной деятельности можно установить, сравнив количество костей и их встречаемость на различной глубине по данным костного материала, собранного в 1971 г.

Из таблицы 5 видно, что наибольшее число костных находок приходится на 1,8, 2,15, 2,35, 2,40 и 3 м от поверхности. Это обстоятельство наталкивает на мысль, что пещеру Караунгур посещали в различные сезоны отдельные охотники с целью охоты на тех или иных животных и во время массовой заготовки мяса в определенное время года. Возможно, это был зимний период, когда такие животные, как архар, вследствие увеличения снежного покрова в горах спускаются к подножию, в основном южных склонов гор.

¹⁰ Н. К. Верещагин. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. В сб.: «Материалы по фауне антропогена СССР». Л., 1971, стр. 200—230.

¹¹ Там же.

¹² А. А. Слудский. Кабан. Алма-Ата, 1956, стр. 1—220.

Распределение костей животных по раскопочным горизонтам (находки 1971 г.)

Глубина, см	Волк	Шакал	Лисица	Барсук	Кулан	Свинья дикая	Олень (марал)	Косуля	Сайга	Архар	Баран ди- кий	Бык	Всего
180	1		9	3		11		1		17			42
185	1	1	3			5				2			12
195			1			1		1		1			4
210						3				3			6
215			10		3	16	4	2		52	3	5	96
220			2			4	1			4			11
230			2			1		2					5
235		1	7			8	1	3		17	1		38
240			1			11	1	1	1	13			28
250			2			2	2			2			8
255			1			1		2		7			11
260			2	1						9			12
265			4							9		1	14
270			1			2	2			8			13
275			2			2		2		6	1		13
280	1		2			7				3			13
290						1			2	5			10
295						3	1	2	2	4		2	12
300			6			4	1	3	2	27			44
360													
410						1				1			2
460			3							3			6
480			4			2		1	1	4			12
490			1							12			13
500			2				2			3			7

На остальных уровнях количество костей более или менее одинаково, что подтверждает высказывания Х. Алпысбаева о регулярном и длительном посещении пещеры людьми.

Судя по видовому составу животных, а также по значительному содержанию костных остатков, пещера Караунгур представляет большой интерес для выяснения палеозоологических и археологических вопросов. Дальнейшее накопление материалов даст возможность полнее изучить животных мир прошлого этой части республики, а также познать некоторые хозяйственные стороны жизни древних обитателей обследованной пещеры.

КУРУМЫ ХРЕБТА КАРАТАУ

А. Г. МАКСИМОВА

Во время археологических работ в 1969 г. Южно-Каратауский отряд Отрарской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР им. Ч. Ч. Валиханова¹ обнаружил к северо-востоку от с. Уюк по гребням небольших хребтов отрогов южных склонов хребта Каратау курганный могильник из 14 каменных насыпей. Диаметр их от 8 до 15 м, высота от 0,5 до 1,6 м (рис. 1).

Аналогичные сооружения нами зафиксированы и на северных склонах хребта Каратау. Один из курганов был исследован М. С. Мерциевым у поселения Актобе², другой раскопан автором в могильнике Тау-тары³.

В могильнике у с. Уюк вскрыто четыре кургана. Рассмотрим их.

Курган 2 диаметром с С на Ю 9 м, с З на В 9,7 м, высотой 0,5 м, с камен-

¹ Начальник экспедиции К. А. Акишев. Работы проводились под руководством автора.

² М. С. Мерциев. Могильник у поселения Актобе. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Археология. Алма-Ата, 1962, стр. 84, 87.

³ А. Г. Максимова. Дневник ЮКАЭ за 1958 г. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.

ной насыпью. При снятии насыпи в северо-западной части в основании собраны обломки глиняного горшка ручной лепки (рис. 2). В центре кургана обнаружена наземная погребальная камера, ориентированная с С на Ю, с небольшим отклонением северной стенки к востоку. Западной стенкой камеры являлся естественный выход скалы. Восточная, северная и южная выложены из камней и плит (рис. 3 и 4).

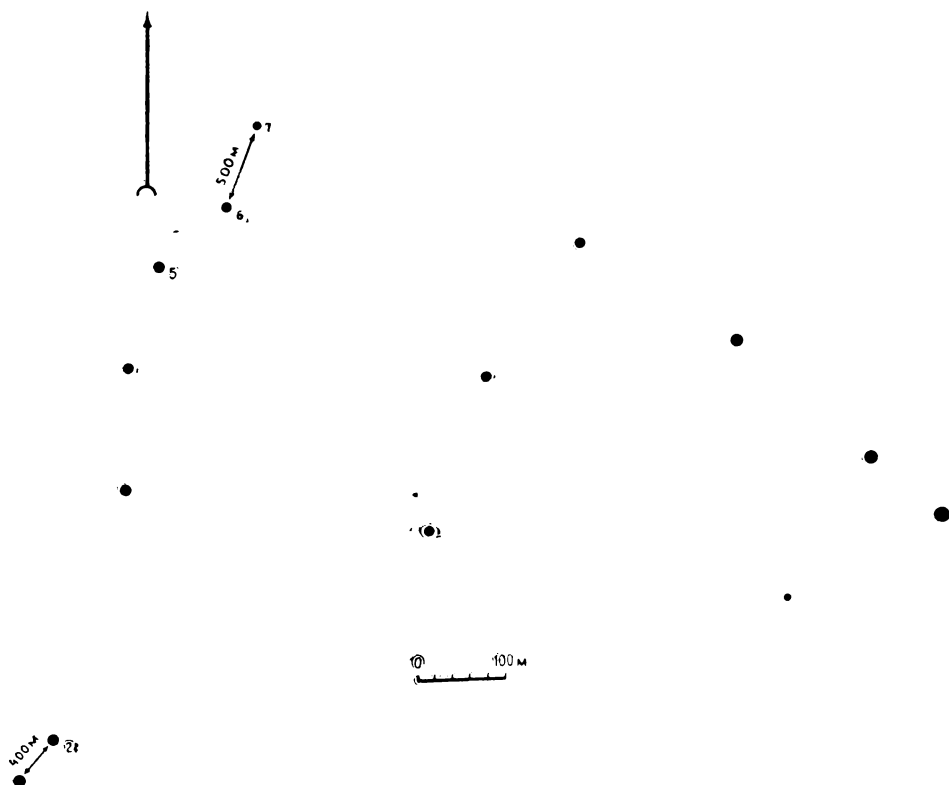

Рис. 1. План могильника у с. Уюк.

Длина камеры 1,95 м, ширина 0,9 м. На западной стенке найдена железная пряжка. В заполнении камеры встречены обломки глиняных сосудов, изготовленных ручной лепкой (табл. 2, 5, 6) и на гончарном круге (табл. 2, 1), кости человека и древесный уголек. На дне в северной части камеры встречены зубы человека, в южной в юго-восточном углу лежал глиняный сосуд ручной лепки (табл. 3, 1) и обломок трубчатой кости, возможно, ноги.

Судя по форме погребальной камеры (южная половина уже по сравнению с северной) и принимая во внимание находки зубов в северной части, а трубчатой кости в южной, возможно, погребенный лежал в вытянутом положении головой на ССВ.

Курган 5 диаметром с С на Ю 9,2 м, с З на В 10,8 м, высотой 1,2 м, с каменной насыпью. В центре кургана прослеживалась кладка. После расчистки завала в середине кладки оконтурилась наземная погребальная камера. Длина ее 2,28 м, ширина 0,9 м, полом (дном) служила скала. Стенки погребальной камеры выложены из камней и каменных плит, положенных напуском внутрь, и образуют арочное перекрытие. Сооружение в высоту сохранилось не полностью. Наилучшая его сохранность в южной части, где западная и восточная стенки достигают 1 м.

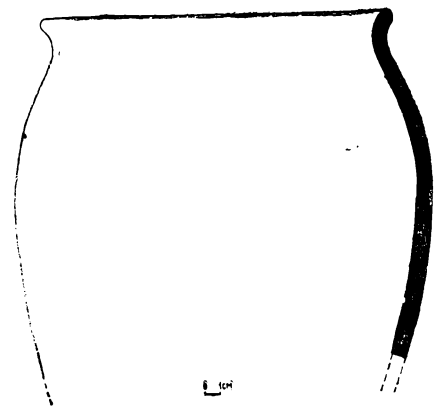

Рис. 2. Глиняный сосуд из кургана 2.

При расчистке погребальной камеры на разной глубине встречены обломки глиняного сосуда ручной лепки (табл. 3, 3) и обломки костей человека. Погребальная камера ориентирована по длинной оси С—Ю, с небольшим отклонением северной стенки к востоку (ССВ — ЮЮЗ). Судя по форме погребального сооружения, можно предположить, что погребенный лежал головой на ССВ.

Курган 6 диаметром с С на Ю 10,5 м, с З на В 11 м, высотой 1,5 м, с каменной насыпью (рис. 5). В центре кургана имелась воронка, в которой просматривалась кладка из камней и каменных плит. При расчистке завала внутри кладки оконтурилась наземная погребальная камера, ориентированная по длинной оси С—Ю, с небольшим отклонением северной стенки к востоку. Стенки камеры выложены из камней и плит, положенных напуском (рис. 6). В заполнении камеры найдены обломки глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге (табл. 2, 2, 4) и ручной лепкой (табл. 2, 3). В северной половине сооружения обнаружены косточки черепа и зубы человека. В северо-западном углу лежала бронзовая серьга, один конец которой завернут в спираль. Высота погребального сооружения 0,9 м. Оно с арочным перекрытием, образованным путем напуска. Дном являлась материковая скала. Неровности в полу заполнены плитками, а затем весь пол покрыт небольшими каменными плитками, на которых в вытянутом положении лежал погребенный головой на ССВ.

Курган 7 диаметром с С на Ю 10,7 м, с З на В 11,3 м, высотой 1,6 м. В центре кургана прослеживается кладка. После расчистки завала в середине кладки четко оконтурилось наземное погребальное сооружение, ориентированное по длинной оси с С на Ю, с незначительным отклонением северной стенки к востоку (ССВ—ЮЮЗ). Стенки камеры выложены из камня и каменных плит, положенных напуском

внутри (рис. 7, 8, 9). Кладка прослежена на высоту до 1,5 м. В северной части сохранилось перекрытие, которое имело вид арки. Длина камеры 2,45 м, ширина 1,1 м. На одной из плит в верхней части кладки восточной стенки обнаружен железный стержень, видимо шило. Один конец его круглый, другой граненый. При расчистке погребальной камеры на разной глубине встречены глиняное пряслице, обломки глиняных сосудов, изготовленных от руки (табл. 3, 2, 4) и на гончарном круге. На дне (дном являлась скала) в юго-западном углу найден астрагал барана. На разной глубине встречались обломки костей человека. Неровности пола (дна) заполнены каменными плитками, затем пол покрыт каменными плитками, на которые положен погребенный в вытянутом положении, вероятно, головой на ССВ.

Как показали раскопки, погребальные сооружения представляют собой наземные сооружения из неотесанных камней и каменных плит, положенных путем постепенного напуска внутрь камеры, в результате чего образуется как бы арка. Камеры перекрыты горизонтально положенными каменными плитами. Снаружи сооружения засыпаны камнем. Дном камеры являлась материковая скала, неровности которой обычно заполняли каменными плитками, а затем сверху выкладывали

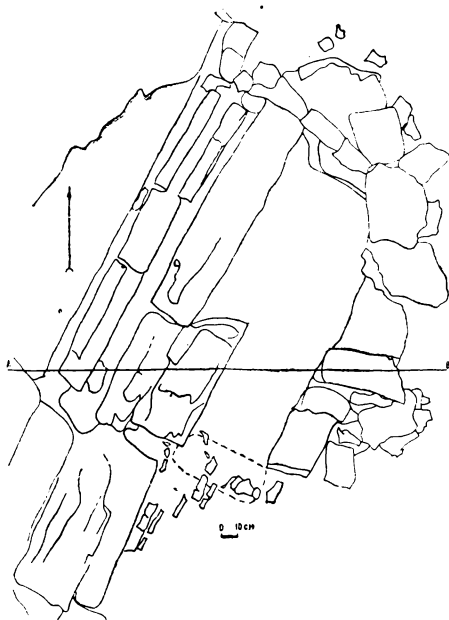

Рис. 3. Погребальное сооружение в плане. Курган 2.

Рис. 4. Разрез погребального сооружения. Курган 2.

пол небольшими каменными плитками, на которые опускали погребенного. Искусственно созданный пол из небольших камней и мелко-го щебня встречен в верховьях Ангрена в усыпальницах из камней

(курумах). В. А. Нильсен объясняет это существующими требованиями «зороастрийских канонов о создании специальных изолированных прослоек между останками умерших и землей»⁴. В каждом сооружении захоронено по одному погребенному, лежавшему в вытянутом положении головой на север, с незначительным отклонением к востоку.

При вскрытии погребальных камер найдены бронзовая серьга из проволоки с одним завернутым в спираль концом (табл. 1, 2), железная пряжка от ремня (табл. 1, 3), глиняное пряслице от веретена (табл. 1, 1), железное шило (табл. 1, 4) и обломки глиняных сосудов, изготовленных как на гончарном круге, так и от руки.

Сосуды, изготовленные на гончарном круге, представлены кружками и кувшином. Все они сделаны из хорошо отмученной глины. Одна из кружек (табл. 2, 2) с вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной посередине, и со следами красной краски на внешней поверхности. Другая (табл. 2, 1) с вертикальной петлеобразной ручкой в верхней части. Внешняя поверхность ее покрыта светлым ангобом. Кувшин имеет

петлеобразную вертикальную ручку и рифленую поверхность посередине (табл. 2, 4).

Сосуды ручной лепки представлены горшками разной величины и небольшими сосудиками баночной формы. В изломе они темные. В глине примесь шамота или мелкотолченой дровы.

Подобные сосуды встречены в курумах северо-восточной части Ленинабадской области, относящихся ко II—I вв. до н. э.—VI—VIII вв. н. э.,⁵ и в мугхона I—II вв. н. э.⁶

Железная пряжка, видимо, с подвижным язычком и неподвиж-

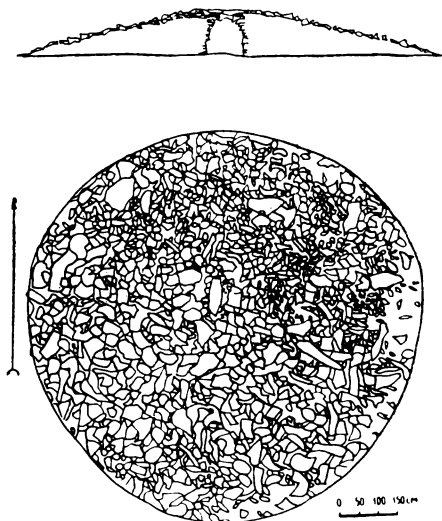

Рис. 5. План и разрез кургана 6.

⁴ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 110.

⁵ Б. А. Литвинский. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. V, Сталинабад, 1959, стр. 123, рис. 7.

⁶ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. 2, Ташкент, 1954, стр. 70, рис. 18.

ным щитком близка по форме найденной в Пенджикенте и датированной VII—VIII вв.⁷

Глиняное пряслице аналогично обнаруженному в курумах⁸.

Остальные предметы — серьга, шило — близких аналогий не имеют.

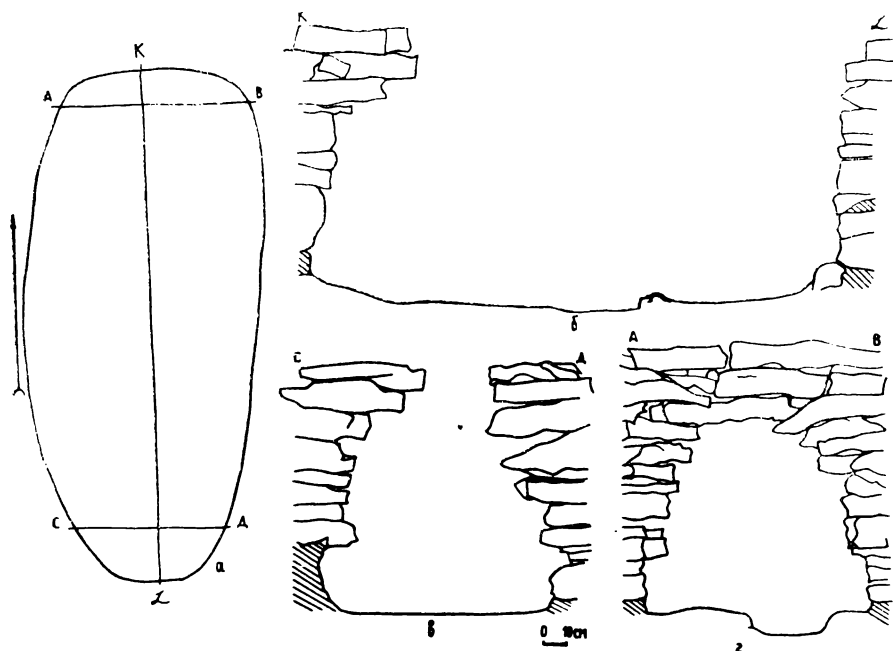

Рис. 6. План погребальной камеры, ее продольный и поперечный разрезы.
Курган 6.

Немногочисленный погребальный инвентарь затрудняет датировку раскопанных нами погребальных сооружений. Однако исходя из аналогий мы можем их предварительно отнести к первой половине I тыс. н. э.

По классификации Б. А. Литвинского, наши памятники подобны второму типу курумов, для которых характерно узкое и вытянутое помещение внутри с купольным или плоским перекрытием. Обычно снаружи они засыпаны мелким камнем⁹.

⁷ В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. «Советская археология», 1963, № 4, стр. 81, рис. 3, 1.

⁸ Б. А. Литвинский. Курумы. Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959, стр. 233, рис. 3.

⁹ Там же, стр. 226.

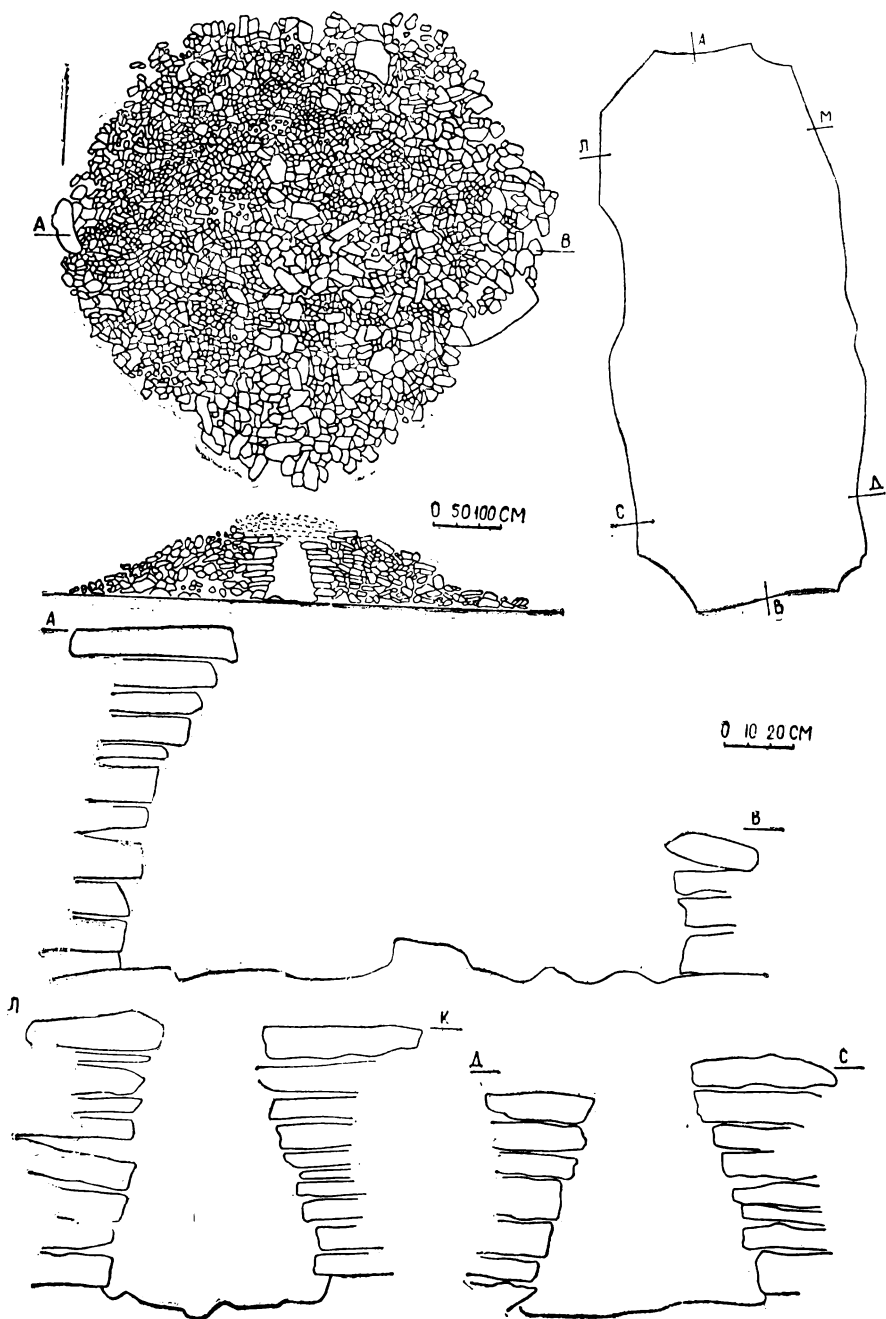

Рис. 7. Курган 7. Общий вид, разрез погребального сооружения и план погребальной камеры (вверху). Продольный и поперечные разрезы погребальной камеры (внизу).

Рис. 8. Курган 7. Вид северной стенки погребальной камеры.

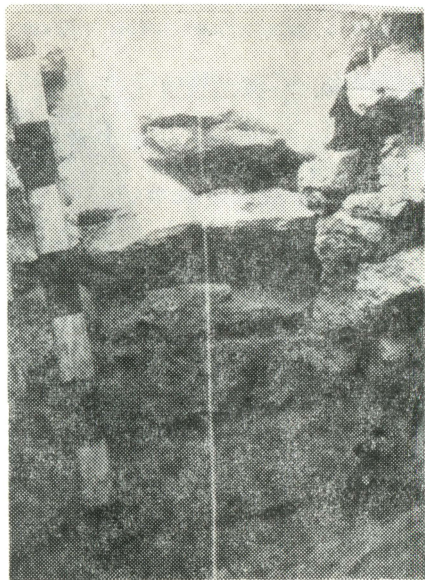

Рис. 9. Курган 7. Вид южной стенки погребальной камеры.

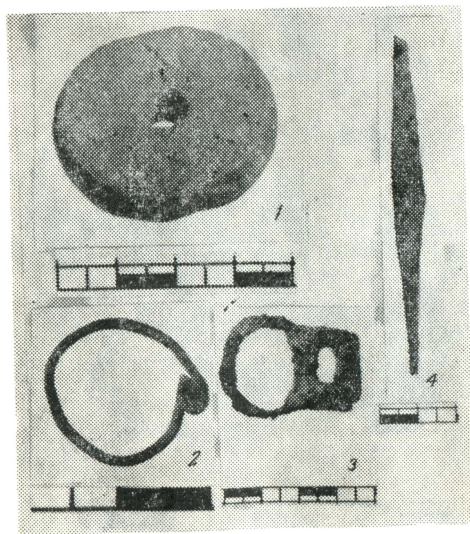

Таблица I. 1, 4 — курган 7; 2 — курган 6; 3 — курган 2.

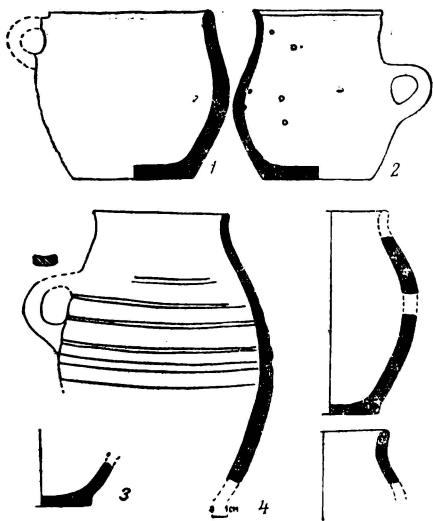

Таблица II. 1, 5, 6 — курган 2; 2—4 — курган 6.

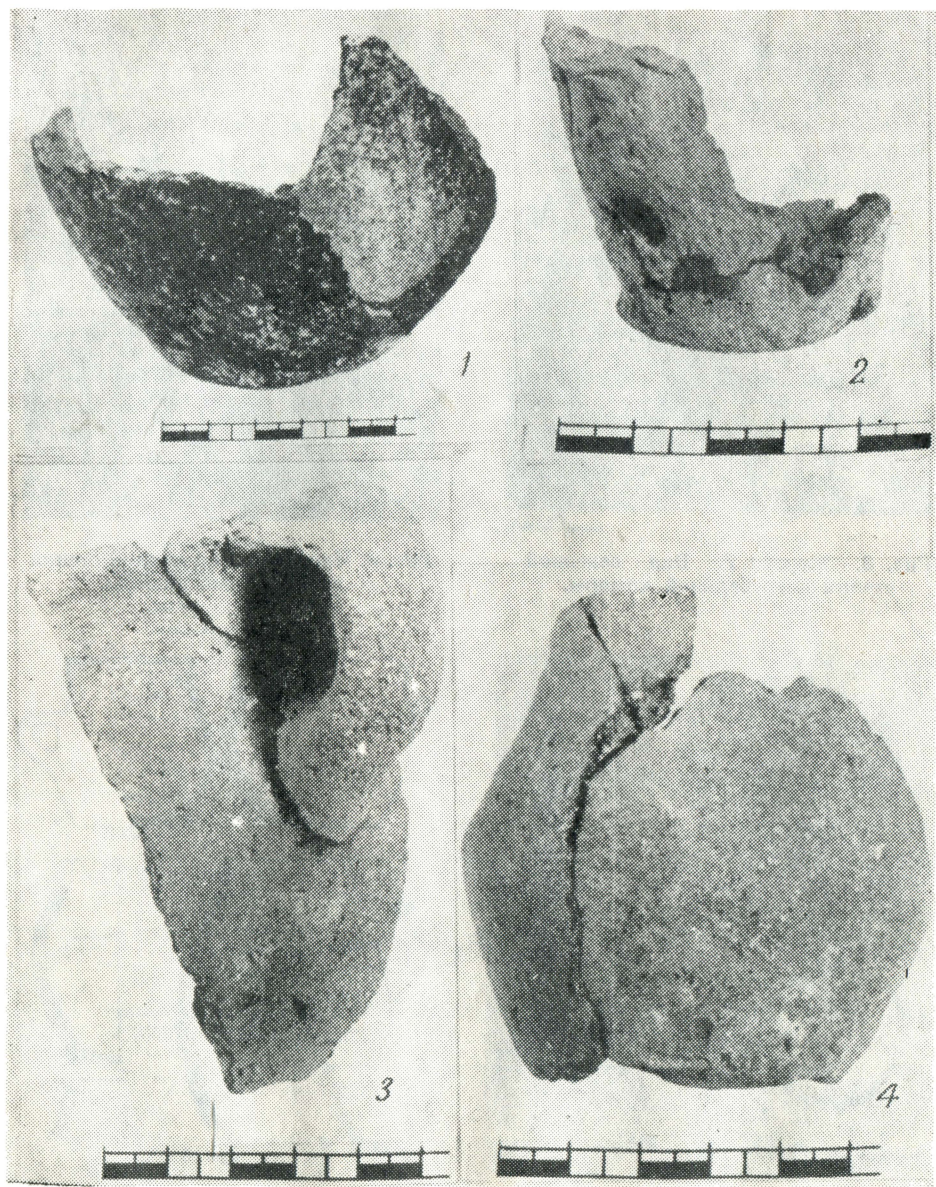

Таблица III. 1 — курган 2; 2, 4 — курган 7; 3 — курган 5.

Интересно отметить, что еще до недавнего времени существовало мнение, что курумы распространены почти исключительно в горах и предгорьях Ферганы¹⁰.

Исследования курумов в горах Каратау значительно пополняют сведения о границах их распространения.

По технике сооружения (кладка напуском) курумы своими корнями уходят в эпоху бронзы¹¹, что позволяет связывать их с погребальными сооружениями местных племен, живших тогда на этой территории.

¹⁰ Там же; его же. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, стр. 137—213.

¹¹ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12. Археология. Алма-Ата, 1961, стр. 68, 69, табл. III; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 54, рис. 10; стр. 75, рис. 13.

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ЖИЛИЩ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

В 1966 г. золотоордынский отряд Астраханской археологической экспедиции проводил раскопки поселения «Шареный бугор», расположенного в 25 км севернее Астрахани, на правом берегу Волги¹. Большая часть поселения снесена при современных строительных работах и уничтожена вследствие размыва берега. Частично сохранилась лишь южная окраина «бугра», где и был заложен раскоп протяженностью с запада на восток 110 м, с севера на юг 104 м. Обнаружены жилища, многочисленные ямы (мусорные, выгребные, очажные), две крупные печи для обжига керамики (рис. 1). Найдены медные и серебряные монеты XIV в., много керамики, главным образом неполитой, и небольшое количество металлических предметов, характеризующих различные стороны хозяйственной деятельности и торговых связей населения в золотоордынское время². Преи-

¹ Начальник Астраханской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В. П. Шилов, начальники золотоордынского отряда А. М. Мандельштам и В. И. Филипенко.

² В. П. Ш и л о в. Работы Астраханской экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 89.

мущественно в северной половине восточного участка зафиксировано немало поздних мусульманских погребений, некоторые из них прорезали жилища и ямы.

На исследованной части памятника не обнаружено остатков наземных сооружений. Исключение составляет кирпичная кладка на западном участке, она не вполне ясного происхождения. Жилища представлены землянками, которых насчитывается 22. Они имеют очень тонкий культурный слой песчано-золистого характера, содержащий большое количество костей животных и обломков керамики. Все землянки оставлены не поспешно, находившееся в них имущество (в том числе деревянные части перекрытий) унесено, после чего ямы жилищ стали использовать для мусора и различных отходов.

В настоящем сообщении описываются жилища «Шареного бугра». Материалы поселения в определенной степени дополняют сложившееся представление о характере жилищ Золотой Орды³ и позволяют отметить некоторые новые моменты, касающиеся вопроса их происхождения.

Землянка I (кв. XV, 42—45; XVI, 43—45). Восточная сторона сильно разрушена ямами. Судя по сохранившейся части, четырехугольная, неправильных очертаний, размером 440×320 (?) см, глубиной до 70 см, вытянутая с ЮЮЗ на ССВ (рис. 2).

Вход, площадка которого с равномерным спуском, расположен с южной стороны. Ширина его 100—110 см. Выход из землянки нарушен могильной ямой.

Вдоль всех четырех стен суфы шириной с западной стороны 90 см, с северной 130 см, с восточной 85 см (?), с южной до 110 см. Высота суфы от 25 до 30 см.

На уцелевшем участке восточного отрезка суфы, ближе к юго-восточному углу, имеется горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 17 см и глубиной 25 см. Очаг разрушен, но перед его топочным отверстием сохранилась зольная ямка глубиной 15 см. В северо-западном углу землянки на суфе очажное пятно с остатками золы и углей.

Пол землянки и часть суфы в юго-восточном углу прорезаны овальной ямой размером 50×40 см, глубиной 60 см. Около ямы с западной и северной сторон обломки прокаленных сырцовых кирпичей (остатки перекрытия отопительно-дымоходного канала?). В юго-западном и юго-восточном углах суфы, в северной половине западного и восточного участков остались ямки диаметром 8—10 см, глубиной от 27 до 36 см. Во входе-спуске отмечено продольное возвышение шириной до 18 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, гумус, обломки керамики; в пределах входа — медная монета.

³ В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая. МИА, № 164, 1970, стр. 172—193.

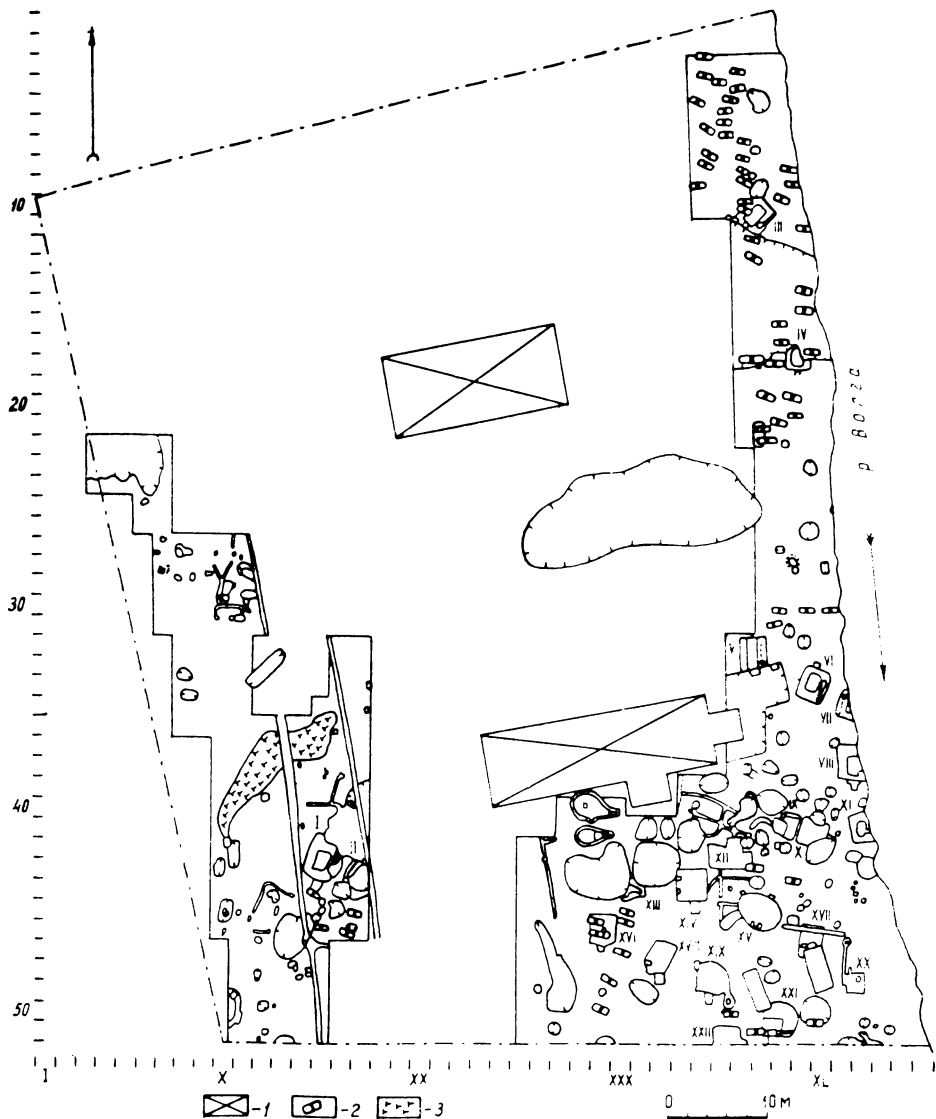

Рис. 1. План поселения «Шареный бугор»: 1 — современные постройки; 2 — мусульманские погребения; 3 — кирпичная выкладка.

Землянка II (кв. XVI, 44—45; XVII, 44—45). Очень сильно разрушена ямами, а с северо-восточной и юго-западной сторон траншеей водопровода. Форма неясна, возможно, четырехугольная, вытя-

нутая с юго-запада на северо-восток. Размер трудно установить (?×325 см?). Глубина до 130 см (рис. 2).

Направление входа определить не удалось. Возможно, он был с юго-западной стороны.

Вдоль всех четырех стен суфа высотой около 25 см. Ширина ее выяснена только с двух сторон: у юго-западной стенки 110 см, у северо-западной 70 см.

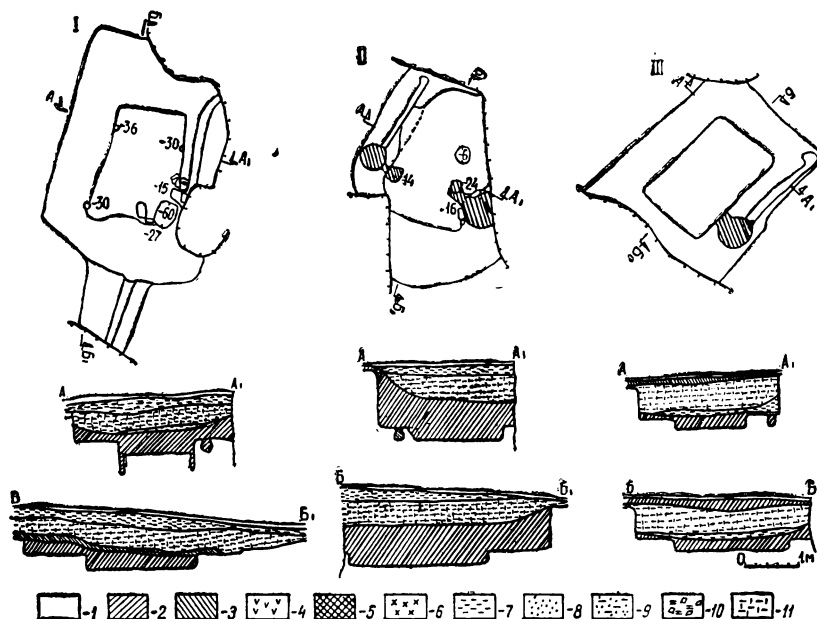

Рис. 2. Планы и разрезы землянок I—III: 1 — песчаный нанос; 2 — песок с золой; 3 — зольник; 4 — прокаленный суглинок; 5 — битая глина; 6 — гумус; 7 — серый песок; 8 — желтый песок; 9 — смешанный песок; 10 — строительный мусор; 11 — суглинок с золой.

В северо-западном отрезке суфы, ближе к юго-западному углу, устроены круглый очаг (диаметр 50 см) и горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 15 см и глубиной 22 см. Под очага ниже уровня пола на 5 см. Перед топочным отверстием (ширина 11 см) округлая ямка диаметром 30 см, глубиной 14 см, заполненная золой. В юго-восточном углу в суфе сделан второй очаг (диаметр 68 см). Его передняя часть выложена обломками обожженных кирпичей. Под очага ниже уровня пола на 16 см. Ширина топочного отверстия 22 см. Перед ним прямоугольная ямка размером 40×20 см, глубиной 16 см; в северном конце ее углубление овальной формы (20×15 см, глубина 24 см). Обе ямки заполнены золой.

Пол землянки покрыт интенсивным слоем золы. В средней части в полу овальная ямка размером 40×25 см, глубиной 6 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, рыба чешуя, гумус, обломки керамики.

Землянка III (кв. XXXVI, 12—13; XXXVII, 12—13). Юго-западная часть и северный угол разрушены ямами. Прямоугольная, $360 (?) \times 270$ см, глубиной до 95 см, вытянутая с юго-запада на северо-восток (рис. 2). Вход был, видимо, с юго-западной стороны.

Вдоль всех стен сильно разрушенная суфа шириной 60—80 см, высотой 20 см.

В юго-восточном отрезке ее, ближе к южному углу, устроены круглый очаг диаметром 60 см и горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 17 см и глубиной 19 см. Под очага ниже уровня пола на 1 см. Перед топочным отверстием очага (ширина 26 см) на полу остатки золы. Вертикальный дымоходный канал диаметром 25 см находится в восточном углу землянки.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, гумус, обломки керамики.

Землянка IV (кв. XXXVIII, 19—20; XXXIX, 19—20). Северная часть ее разрушена ямой. Судя по сохранившейся части, прямоугольная, $? \times 260$ см, глубиной до 100 см, вытянутая с юга на север (рис. 3).

Вход-спуск шириной 52 см расположен с южной стороны.

Вдоль всех стенок суфа высотой 36 см и шириной с западной стороны 77 см, восточной 95 см, южной 35 см.

В сохранившейся части суфы, у восточной стены, прослеживаются остатки очага; перед устьем его зольная ямка глубиной 16 см.

В суфе у южной стенки землянки, восточнее входа, зафиксирована овальная ямка размером 30×20 см, глубиной 20 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных и обломки керамики.

Землянка V (кв. XXXVII, 33—34; XXXVIII, 33—34). Южная часть ее разрушена ямой. Четырехугольная (вероятно, прямоугольная), $? \times 250$ см, глубиной до 120 см, вытянутая с юга на север (рис. 3). Вход был, видимо, с южной стороны.

Вдоль стен суфа шириной с западной стороны 70 см и с южной 100 см. Участок суфы у северной стены сохранился очень плохо, высота суфы 45 см.

В восточном отрезке суфы устроен очаг диаметром 51 см и горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 20 см. Под очага ниже уровня пола в землянке на 10 см. Перед отопительным отверстием очага шириной 13 см полукруглая ямка глубиной до 10 см, заполненная золой. Вертикальный канал дымохода диаметром 21 см находится в северо-восточном углу землянки.

В центре землянки в полу круглая ямка диаметром 12 см, глубиной 5 см. На полу большое количество обломков сырцового кирпича, происхождение которого неясно.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, угли, обломки керамики, две медные монеты.

Землянка VI (кв. XXXIX, 35; XL, 34—36; XLI, 35). Прямоугольная, правильной формы, размером 400×280 см, глубиной до 90 см, вытянутая с ЮЮЗ на ССВ (рис. 3).

Вход в землянку (длина 75 см и ширина 73 см) с северной стороны. Площадка входа с двумя невысокими ступеньками.

Вдоль всех четырех стенок суфа: с северной и западной сторон шириной 60 см, с восточной 77 см и с южной стороны землянки 102 см. Высота суфы 35—40 см.

В юго-восточном отрезке суфы, ближе к восточному углу, имеется очаг диаметром 56 см и горизонтальный отопительно-дымоходный канал (ширина 34—40 см). Частично сохранились сырцовые кирпичи его перекрытия. Вертикальный канал дымохода проходит в южном углу землянки (диаметр 22 см). Под очага ниже уровня пола на 12 см. Перед точным отверстием очага (ширина 17 см) ямка неправильной формы размером 55×40 см и глубиной 10 см, заполненная золой.

В суфе у краев входа обнаружены округлые ямки диаметром 15—16 см, глубиной 20—40 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки обожженных кирпичей.

Землянка VII (кв. XLI, 35—37; XLII, 35—37). Большая часть разрушена в результате обвала берега. Судя по сохранившейся части, четырехугольная (прямоугольная?), размером $260 \times ?$ см, глубиной до 90 см, вытянутая с ЮЮЗ на ССВ (рис. 3).

Вход был, видимо, с северной стороны.

Вдоль стен расположена суфа шириной 70—75 см, высотой 20 см.

В суфе у северо-западной стены, ближе к северному углу, имеется очаг диаметром 52 см и горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 15—17 см. Вертикальный канал дымохода диаметром 22 см находится в юго-западном углу землянки.

В юго-западном углу суфы в полу землянки округлая ямка диаметром 15 см, глубиной 20 см.

Землянка заполнена золой и песком. В заполнении найдены кости животных, рыба чешуя, обломки керамики.

Землянка VIII (кв. XLII, 38—40; XLIII, 39—40). Восточная часть разрушена вследствие обвала берега. Судя по сохранившейся части, четырехугольная (прямоугольная?), размером $340 \times ?$ см, глубиной до 70 см, вытянутая с юга на север (рис. 3).

Вход, площадка которого с уклоном внутрь землянки, находится с южной стороны. Длина его 115 см, ширина 57 см.

Вдоль стен суфа: у южной стены шириной 50 см, у западной 78 см, у северной 110 см, высотой 30—35 см.

Очаг находился, видимо, в восточной части землянки, которая разрушена. Частично сохранилась южная стенка очага и зольная ямка перед ним диаметром 16 см и глубиной 12 см.

В суфе вблизи от северо-западного угла две ямки диаметром 7 и 8 см, глубиной 10 см. В полу землянки, в северной части имеется пять ямок диаметром 6—10 см, глубиной 8—15 см; в центральной части — две ямки диаметром 8 см и глубиной 8 и 14 см. В суфе восточнее входа ямка диаметром 10 см, глубиной 10 см. В примыкающей к суфе части входа около углов также отмечены ямки диаметром 6—7 см, глубиной 12 и 15 см.

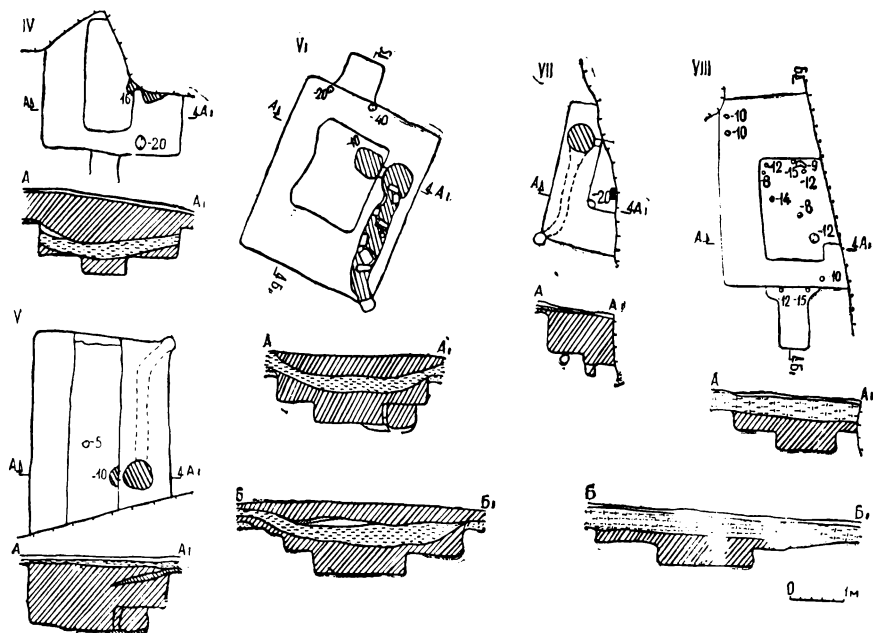

Рис. 3. Планы и разрезы землянок IV—VIII.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении кости животных, рыба чешуя, гумус.

Землянка IX (кв. XXXVIII, 42; XXXIX, 41—42). Трапециевидная в плане, вытянутая с ССЗ на ЮЮВ и размером: северо-западная стена 210 см, северо-восточная и юго-западная 230 см, юго-восточная 240 см. Глубина землянки до 116 см (рис. 4).

Вход-спуск шириной 43 см с юго-западной стороны в виде Г-образного пандуса, площадка которого состоит из трех частей: пологого спуска длиной 78 см, горизонтальной площадки с поворотом и вновь спуска длиной 85 см. У пола землянки пандус оканчивается невысоким уступом.

У двух стен суфа высотой до 35 см и шириной у северо-восточной стены 70 см и у юго-восточной стены 100 см.

В северо-восточном отрезке суфы, ближе к северному углу, очаг диаметром 60 см и горизонтальный отопительно-дымоходный канал. Под очага ниже уровня пола на 15 см. Перед топочным отверстием (ширина 20 см) полукруглая ямка глубиной до 16 см, заполненная золой. Отопительно-дымоходный канал глубиной 30 см и шириной от 10 у очага до 20 см в углу землянки, где сохранились обломки обожженных кирпичей его перекрытия.

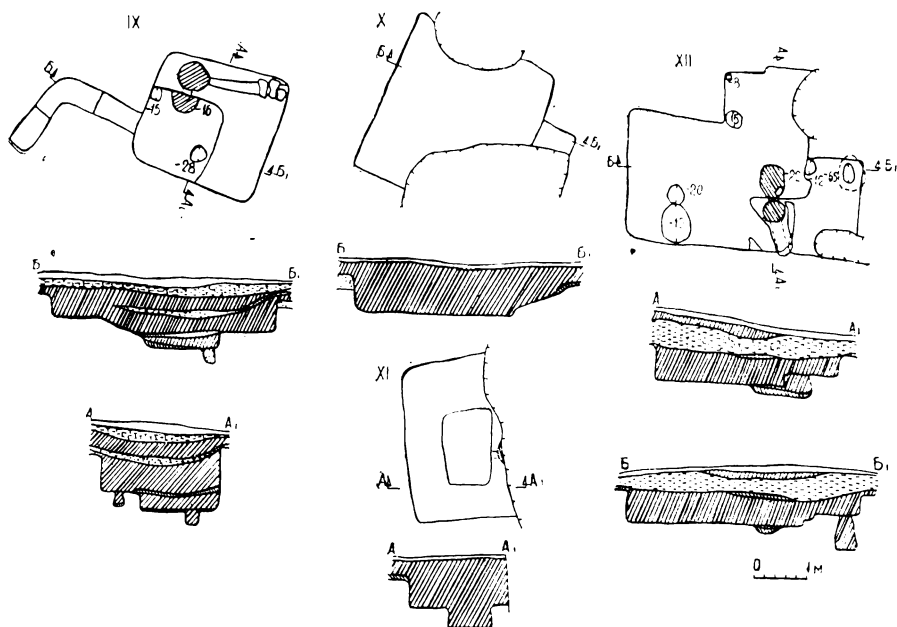

Рис. 4. Планы и разрезы землянок IX—XII.

В землянке прослеживается два пола: первоначальный материковый с плотными прослойками (2—3 см) золы и вторичный в виде глиняной обмазки толщиной 1 см. На верхнем полу золные пятна. В северо-западном углу у суфы прямоугольная ямка 20×18 см, глубиной 15 см; вблизи от восточного отрезка суфы овальная ямка размером 30×25 см, глубиной 28 см. Обе ямки содержат золу.

Землянка заполнена песком и золой, на полу имеются гумусированные прослойки. В заполнении встречены кости животных, обломки керамики и железных предметов, две медные монеты.

Землянка X (кв. XL, 42—43; XLI, 42—43). Сильно разрушена ямами с южной и северной сторон. Четырехугольная, размером 280×270 см, глубиной до 70 см, вытянутая с юго-востока на северо-запад (рис. 4).

Вход с площадкой-спуском длиной 70 см, с юго-восточной стороны он частично разрушен ямой.

Суфа не сохранилась, но, по-видимому, она была сложена из сырцового кирпича, остатки которого обнаружены на полу. Не уцелела и отопительная система в землянке. Лишь в северном углу имеются остатки вертикального дымохода. Печь и отопительно-дымоходный канал были, видимо, в северо-восточном отрезке суфы.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных и обломки керамики.

Землянка XI (кв. XLII, 41—43; XLIII, 41—43). Восточная часть с суфой разрушена в результате обвала берега. Судя по сохранившейся западной стене и остаткам северной и южной стен, землянка четырехугольной (трапециевидной?) формы, вытянутая с севера на юг, размером 270×? см, глубиной до 90 см (рис. 4).

Вход в землянку, разрушенный ямой, находился, видимо, с южной стороны.

Вдоль всех стен суфа шириной 70—95 см, высотой до 40 см.

В сохранившейся частично восточной суфе, на расстоянии 33 см от юго-восточного угла суфы, обнаружены остатки очага с топочным отверстием шириной 26 см. Перед ним на полу обильные остатки золы. В разрезе берега местами прослеживались остатки отопительно-дымоходного канала, проведенного в восточной суфе, с остатками сырцовых кирпичей перекрытия канала.

В заполнении зафиксирован песок с золой, в котором встречаются угли, кости животных, обломки железных предметов и керамики. Имеется фрагмент кашинной поливной керамики с орнаментом позолотой. На дне землянки найден череп человека.

Землянка XII (кв. XXXV, 43—44; XXXVI, 43—44; XXXVII, 43—44). Неправильной формы, сочетание вытянутой с запада на восток трапеции с примыкающим к ней с севера четырехугольником. Длина землянки 420 см, ширина 340 см, глубина 60—67 см (рис. 4).

Вход находился, вероятно, в северо-восточной части, разрушенной ямой.

В юго-восточном углу частично уцелела суфа шириной 100—140 см, высотой 20—25 см.

В южном отрезке суфы выявлены сильно разрушенный очаг диаметром 40 см, сложенный из обломков сырцовых кирпичей, и остатки короткого горизонтального дымохода (длина 60 см, ширина 17 см). Вертикальная часть последнего обнаружена в южной стене. Под очага ниже уровня пола в землянке на 20 см. Перед очагом овальная зольная яма размером 60×54 см, глубиной 22 см.

В восточном участке суфы около северо-восточного угла имеется овальная яма 30×24 см по устью, глубиной 65 см, расширяющаяся ко дну; западнее, на краю суфы — углубление (12 см).

В полу землянки в северной части у западной стенки две ямки: одна диаметром 10 см, глубиной 8 см и другая диаметром 30 см, глу-

биной 15 см; в западной половине трапецевидной части находились две ямы рядом: круглая диаметром 40 см, глубиной 20 см и овальная размером 70×55 см, глубиной 10 см.

Землянка заполнена песком с золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, железных предметов.

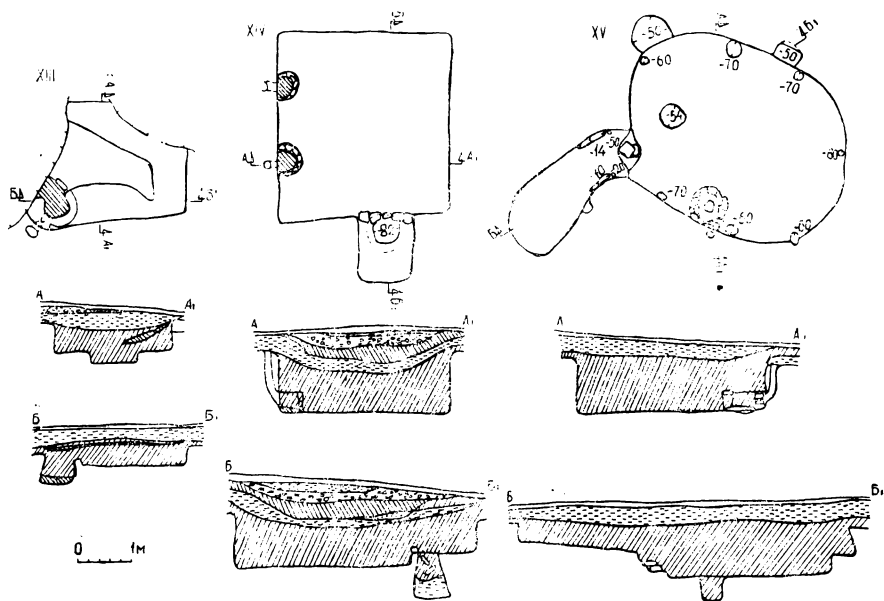

Рис. 5. Планы и разрезы землянок XIII—XV.

Землянка XIII (кв. XXXI, 45—46; XXXII, 45—46). Очень сильно разрушена ямами с западной и северо-восточной сторон. Вероятно, четырехугольная, вытянутая с запада на восток, размером 300(?)×230 см, глубиной до 55 см (рис. 5).

Вход был, видимо, с западной стороны, которая нарушена ямой.

Вдоль сохранившихся участков стен углубление неправильных очертаний шириной 50—80 см, высотой 20 см.

В южном отрезке суфы, ближе к юго-западному углу, круглый очаг диаметром 45 см, под которого глубже уровня пола на 32 см. Очаг с коротким горизонтальным дымоходом шириной 10 см, длиной 26 см и вертикальным дымоходом диаметром 17 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, единичные обломки керамики.

Землянка XIV (кв. XXXIV, 44—45; XXXV, 44—45). Прямоугольная, вытянутая с юга на север, размером 330×310 см и глубиной до 100 см (рис. 5).

Вход шириной 100 см с южной стороны, длина его 120 см. Площадка входа горизонтальная, углубленная в материк на 56 см. Порог высотой 25 см выложен обломками обожженного кирпича. В северной части входа (частично под кирпичами) имеется округлая яма диаметром 45 см, глубиной 82 см, расширяющаяся ко дну. Яма заполнена сверху песком и золой, на дне — слой серого песка.

У западной стенки два округлых очага диаметром 35—40 см, на расстоянии 80 см друг от друга. Стенки толщиной 10 см сложены из обломков обожженного кирпича и сохранились в высоту до 40 см. Под очагов на уровне пола землянки. У каждого очага короткий вертикальный дымоход диаметром 13—15 см в стенке землянки.

Землянка заполнена золой и песком. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, нож, костяное шило, медная монета.

Землянка XV (кв. XXXVII, 45—47; XXXVIII, 45—47; XXXIX, 46—47). Овальной формы, вытянутая с юга-востока на северо-запад, размером 440×330 см, глубиной до 105 см (рис. 5).

Вход находится в юго-западном секторе в виде пандуса-спуска шириной 96—115 см. Перед входом в землянку две ступеньки высотой 27 и 20 см. Нижняя укреплена двумя квадратными обожженными кирпичами. Выход из пандуса также со ступеньками высотой 30 см.

В северной стенке землянки две ниши: северо-западная на высоте 60 см от пола, полуовальная, размером 50×68 см, и северо-восточная на высоте 30 см от пола, размером 50×20 см.

У южной стенки разрушенный овальный очаг размером 47×35 см, высотой 38 см. Под на 5 см ниже уровня пола. Толщина стенки, сложенной из обломков жженого кирпича, 13—15 см, в стенке землянки имеется короткий вертикальный дымоход диаметром 9 см.

Уровень пола повышается в восточной половине землянки. У стен в полу приблизительно на равном друг от друга расстоянии (110—150 см) находится семь ямок диаметром 20—30 см, глубиной 50—70 см. В западной половине в 60 см от входа отмечена круглая яма диаметром 44 см и глубиной 54 см, заполненная песком с золой. В пандусе у поворота, у обоих стенок его по круглой ямке глубиной 20 см и 50 см и узкой канавке длиной 90 см и глубиной 10—14 см. В южной стенке пандуса имеется также небольшая нишка (глубина 30 см), в 22 см от пола.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, три медные монеты.

Землянка XVI (кв. XXIX, 46—48; XXX, 46—48). Частично разрушена мусульманскими погребениями. По форме четырехугольная, неправильных очертаний, вытянутая с юга на север, размером 300×250 см, глубиной 38 см (рис. 6).

Вход шириной 76 см и длиной 60 см с южной стороны. Площадка выхода горизонтальная, углубленная в материк на 14 см.

В юго-западном углу землянки отмечена очажная яма неправильной формы, размером 60×40 см, глубиной 20 см; у северного конца

ее — трапецевидное углубление размером 30×20 см, глубиной 8 см. В центре обнаружена вторая очажная яма, овальная, 30×40 см, глубиной 31 см (частично разрушена ямой).

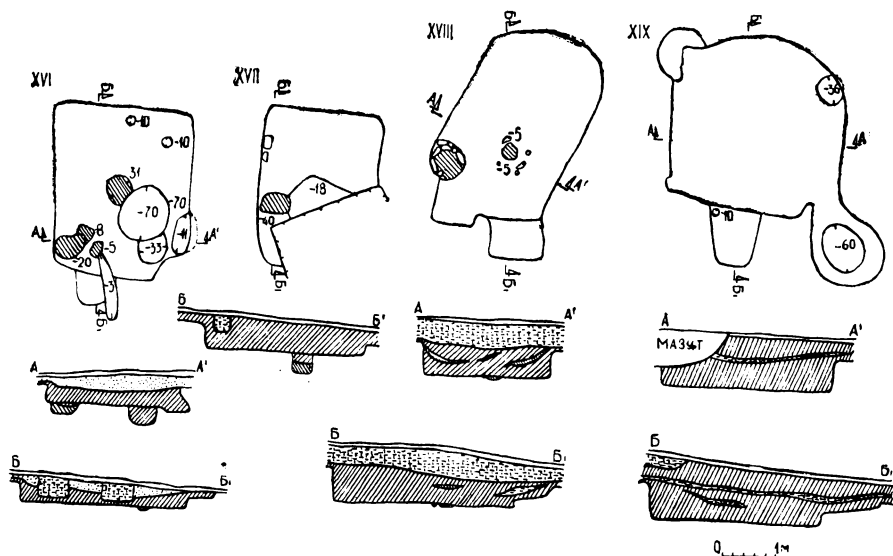

Рис. 6. Планы и разрезы землянок XVI—XIX.

В юго-восточном углу ниша неправильной формы, размером 80×40 см, углубленная в полу на 11 см. В северо-восточной части землянки две ямки диаметром 18—20 см, глубиной 10 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении были кости животных, обломки керамики. В центральной очажной яме найдены железная скоба, два обломка обожженных кирпичей, а в нише — обломки изразцов, покрытых голубой поливой.

Землянка XVII (кв. XL, 47—48; XLI, 47—48). Юго-восточная часть разрушена ямой. Четырехугольная в плане, вытянутая с юга на север, размером 290×220 см, глубиной 45 см (рис. 6).

Остатки входа, разрушенного, видимо, ямой, не прослеживаются.

В центре землянки углубление (до 18 см) неправильной формы.

У западной стены углубления — очаг, выложенный из сырцового кирпича. Размер очага 52×40 см, его под на 22 см ниже уровня пола. Севернее очага зафиксированы два обломка обожженного кирпича.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, железных предметов.

Землянка XVIII (кв. XXXII, 48—49; XXIII, 48—49). В плане четырехугольная, но неправильной формы, размером 400×240 см, глубиной до 60 см, вытянутая с юго-запада на северо-восток (рис. 6).

Вход с южной стороны, у юго-восточного угла. Ширина входа

100 см и длина 80 см. Площадка его углублена в материк на 39 см с небольшим уклоном внутрь землянки.

В юго-западном углу землянки округлый очаг, сложенный из обломков обожженных кирпичей. Размер очага 56×36 см, стенки толщиной 10—12 см, они сохранились в высоту до 40 см. В центре очажная ямка диаметром 30 см, глубиной 5 см. Вокруг нее пять небольших углублений. В юго-западном углу, рядом с очагом, в южной стенке землянки на уровне пола — ниша (78×23 см).

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, среди которой были фрагмент селадоновой чаши, два обломка изразцов, медная монета.

Землянка XIX (кв. XXXV, 49—50; XXXVI, 49—51). Основная часть четырехугольная, неправильной формы, размером 330×320 см, глубиной до 65 см. В юго-восточном углу расположен проход шириной 52 см в овальную дополнительную часть (145×130 см), в которой выявлена яма размером 90×70 см и глубиной 60 см (рис. 6).

Вход длиной 100 см с южной стороны. Ширина его на выходе уменьшается с 96 до 60 см. Площадка перед ним наклонная в виде спуска, который ниже на 20 см уровня пола.

В юго-западном углу, видимо, остатки очень разрушенного вертикального дымохода, очаг которого обнаружить не удалось.

В основной части землянки, в северо-западном углу, на высоте 27 см от пола — округлая ниша шириной 87 см и глубиной до 43 см. У северо-восточной стенки яма размером 60×50 см, глубиной 36 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных и обломки керамики.

Землянка XX (кв. XLII, 49—50; XLIII, 49—50). Четырехугольная, неправильных очертаний, размером 190×180 см, глубиной 30 см, вытянутая с юга на север. В северо-западной части имеется выступ размером 100×34 см. Узкий вход в землянку с северной стороны длиной 70 см, шириной 25—30 см.

В северо-западном углу обнаружены остатки очага с вертикальным дымоходом, сложенного из обломков обожженных кирпичей. Его размер 35×30 см, стенки толщиной 8—10 см сохранились в высоту лишь на 13—15 см.

Около северо-восточного угла овальная яма 50×30 см, глубиной 15—18 см. Яма заполнена песком и золой, в ней были обломки двух раздавленных кувшинов.

Землянка заполнена золой и песком. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики и железных предметов.

Землянка XXI (кв. XXXVIII, 51—52; XXXIX, 51—52). Северо-западный угол разрушен ямой. Четырехугольная в плане, неправильных очертаний, размером 340×340 см, глубиной до 70 см, вытянутая с запада на восток.

Вход с южной стороны. Ширина входа 60 см, его горизонтальная площадка длиной 120 см углублена в материк на 25 см.

Вдоль землянки имеется суфа шириной у северной стены 150 см, у восточной 136 см и у южной 50 см, высотой 20—30 см.

В суфе с южной стороны, у юго-восточного ее угла, находится округлый очаг диаметром 45 см, под которого ниже уровня пола на 15 см. От очага вдоль южной стенки землянки тянется горизонтальный отопительно-дымоходный канал шириной 18 см и вертикальный дымоход диаметром 17 см в юго-восточном углу землянки. Перед очагом выявлено углубление, заполненное золой.

В восточной стенке на расстоянии 70 и 45 см друг от друга расположены три округлые ямки: первая диаметром 25 см и глубиной 10 см; вторая диаметром 30 см и глубиной 60 см и третья диаметром 40 см и глубиной 20 см.

В конце входа с обеих сторон округлые ямки диаметром 6 см, глубиной 20 см.

Землянка заполнена песком и золой. В заполнении найдены кости животных, обломки керамики, целый светильник. В очаге обнаружено 45 спаянных окислами медных монет с остатками ткани.

Землянка XXII (кв. XXXV, 52; XXXVI, 52; XXXVII, 52). Раскрыта лишь северная часть землянки. По-видимому, четырехугольная, размером 240×? см, глубиной 60 см.

Вход с восточной стороны шириной 60 см и длиной около 85 см. Площадка входа горизонтальная, углублена в материк на 36 см.

В заполнении песок и зола, кости животных и обломки керамики.

Сравнительный анализ землянок поселения «Шареный бугор» показывает, что они далеко не однотипны. Можно выделить две основные группы жилищ по принципу внутреннего устройства: 1) с суфой и очагом, у которого имеется горизонтальный отопительно-дымоходный канал; 2) с очагом, сложенным из кирпича и без суфы.

Первая группа наиболее распространена на поселении и представлена 13 землянками: I—IX, X(?), XI, XII, XXI. По форме ямы они четырехугольные, в основном правильных прямоугольных очертаний, глубиной до 130 см, вытянутые с ЮЮЗ на ССВ. Суфа с четырех сторон, лишь в землянке IX, небольшой по величине, суфа двухсторонняя, а в землянке XII суфа устроена в углу. Все суфы вырублены в материковом грунте с последующей обмазкой глиной. Возможно, лишь в землянке X суфа была выложена из кирпича.

Система отопления во всех землянках первой группы одинаковая: это очаг с горизонтальным отопительно-дымоходным каналом, проходящем в суфе. Горизонтальный канал завершается в углу землянки вертикальным дымоходом. Хорошо сохранившаяся система отопления типа канов в некоторых землянках позволяет отметить ряд характерных деталей. Очаги округлые, с плавным переходом стенок к поду, который, как правило, несколько ниже уровня пола в жилище. Они устроены так, что над устьем топки и устьем отопительно-дымоходного канала образуется сводик. Канал перекрыт сырцовым или обожженным кирпичом. Дно его обычно на 5—10 см выше пода оча-

га. Перед устьями очагов — ямки, возникшие в результате выгребания золы. Стенки очагов обожжены докрасна, толщина обожженного слоя 2—3 см. Стенки отопительно-дымоходных каналов покрыты сажей.

Все дымоходы односторонние и одноканальные. Лишь в землянке II, одной из самых крупных на поселении, имелось два очага в противоположных участках суфы и, видимо, независимые каналы канов.

Устройство угловых вертикальных дымоходов не всегда удавалось проследить. Несомненно, они вырубались в углу, а затем одни обмазывались глиной, а другие обкладывались кирпичом с внутренней стороны. Дымоходных труб специального изготовления не обнаружено. Но каналы вырубленных в углу дымоходов, как правило, с ровной округлой поверхностью, что позволяет предполагать использование при их устройстве каких-то круглых (деревянных?) шаблонов.

Ко второй группе жилищ на поселении относятся землянки XIV, XV, XVIII, XIX(?), XX. Формы углубления встречаются прямоугольные (XIV), овальные (XV), неправильных четырехугольных очертаний (XVIII, XX). Ориентация жилищ различная, как и глубина ям (от 30 до 105 см). В землянках отсутствует суфа, а очаги сложены из обломков кирпичей, обмазанных глиной. Очаги округлые в плане или подковообразные, сохранились в высоту до 40 см, толщина стенок 10—15 см. Под очагов на уровне пола жилищ. Короткие вертикальные дымоходы выходят на поверхность около стенки землянки.

Кроме упомянутых землянок две — XIII и XVII — по принципу внутреннего устройства занимают промежуточное положение между двумя группами. Очаги в этих жилищах без канов, в выступе неправильных очертаний, происхождение которого не ясно. Возможно, первоначально в них были очаги, углубленные ниже уровня пола. Позднее рядом с очагами очень неумело вырубili углубление, которое образовало суфу по образцу землянок первой группы.

От всех отличается землянка XVI. В ее сохранившейся части суфа и очаг отсутствуют, имеются лишь очажные ямы, однако землянка сильно разрушена, что не позволяет определить ее тип, как и землянки XXII, которая осталась недокопана.

Уловить какие-либо конструктивные особенности перекрытий жилищ не удастся, так как никаких остатков деревянных или других конструкций не зафиксировано. В землянках довольно много ямок, но отличить случайные от имеющих отношение к опорам крыши почти невозможно, потому что заполнение ямок, как правило, идентично заполнению жилища, в нем не обнаружено остатков горелого или истлевшего дерева. Происхождение лишь нескольких ямок можно считать конструктивно оправданным. Это ямки в суфе перед выходом, по его краям, отмеченные в землянках VI, VIII, XV, XXI, ямки у стен землянки XV и с восточной стороны землянки XXI, а также ямки в углах четырехсторонней суфы в землянке I. По-видимому, данные углубления предназначались для опор перекрытий. Каких-либо остатков конструкций жилищ за пределами углубления не обнаружено.

Кроме черт, отличающих группы землянок, имеются и общие признаки, характерные для жилищ поселения «Шареный бугор», прослеживаемые в способе возведения, ориентации входов, расположении очагов и т. д. Все землянки вырублены в материке без дополнительного укрепления стен, пола, входов. Определенная закономерность наблюдается в расположении входов. Они находятся, как правило, либо с южной (юго-западной), либо с северной (северо-восточной) сторон жилищ, что объясняется, видимо, стремлением оградить жилище от сильных восточных и западных ветров, постоянных в этих местах. Площадки входов чаще всего в виде более или менее равномерного пандусного спуска. Ступени как таковые отсутствуют, и в четырех жилищах зафиксирована горизонтальная площадка входа.

Постоянно и расположение очагов в землянках. Все они находятся у стены, ближе к выходу, справа или слева от него. Правда, в расположенных рядом землянках XVI и XVIII имеются небольшие очажные ямы и в средней части жилища.

Поселение однослойное, в стратиграфии жилищ и их заполнении не заметно каких-либо признаков, по которым можно было бы установить последовательность появления жилищ на поселении. Отличия в микростратиграфии (например, наслоения «старых» и «новых» хозяйственных и выгребных ям) отнюдь не свидетельствуют о каких-то принципиальных планировочных переменах на поселении. Следовательно, планировочное «пятно» поселения складывалось в сравнительно короткий промежуток времени и представляет собой единое целое.

Четкая планировка городского типа на исследованной части поселения не прослеживается. Но нельзя не заметить, что окраина поселения застроена в определенном порядке. Просматриваются «цепочки» землянок, вытянутые с юго-востока на северо-запад: I, II; V—VII; IX—XI; XIII—XV, XVII, XX; XVI, XVIII, XIX XXI. «Цепочки» располагаются вокруг больших общих дворов, овальных в плане. Например, такие группы землянок с общим двором: 1) V—VIII; 2) IX—XII; 3) XIII—XVII, XX; 4) XVI, XVIII, XIX, XXI, XXII. Интересно, что вокруг двора находятся однотипные жилища: две первые группы — это землянки с канами, в третьей и четвертой преобладают землянки с кирпичными очагами и промежуточного типа.

Отмеченные черты планировки находят параллели. В частности, в топографии золотоордынских поселений в Хорезме наряду с беспорядочно застроенным центром и усадьбами на периферии планировка домов в центре одного из поселений «представляла собой замкнутое каре жилых и хозяйственных построек вокруг внутреннего двора»⁴.

Следует отметить распространенную на поселениях сеть неглубоких канавок с ямками, назначение которых не совсем ясно. Это, ко-

⁴ О. А. Вишневская. Археологическая разведка на средневековых поселениях левобережного Хорезма. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963, стр. 63—67, рис. 6.

нечно, не арыки, так как они слишком узкие и мелкие. Аналогичные канавки встречались на древних поселениях. Например, каркас стен наземных построек на поселении Карнауховское закреплялся в специально вырытых канавках глубиной около 30 см⁵. На Тигашевском городище в болгарском слое есть канавки, которые были вырыты для забора из деревянных досок. Исследователь городища Г. А. Федоров-Давыдов ссылался на такое же устройство заборов у современных чувашей⁶. Видимо, канавки на поселении «Шареный бугор» аналогичного происхождения. Они сделаны для закрепления заборов из камыша и кустарника.

Состав находок и керамические комплексы в землянках «Шареного бугра» по существу одинаковы, но неоднородность конструкций жилищ, видимо, свидетельствует об этнических различиях в среде оставившего их населения⁷. В связи с этим можно отметить, что землянки с очагами, сложенными из кирпича, имеют много общего с жилищами Болгара⁸, Саркела — Белой Вежи⁹ домонгольского времени. В устройстве землянок с канами прослеживается влияние среднеазиатских традиций, имеются в виду суфы и «пандусные» входы.

Не совсем ясны пути проникновения канов в золотоордынские города. Традицию их сооружения могли занести на Волгу как выходцы из Центральной Азии¹⁰, так и насильно переселенное подневольное население присырдарьинских городов, где каны были известны еще в домонгольское время¹¹.

⁵ И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА, № 62, 1958, стр. 266, рис. 5, 18.

⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. МИА, № 111, 1962, стр. 52, примеч. 10.

⁷ Исследователи сталкивались с подобного рода явлением в крупных оседлых центрах, когда развитое ремесло и торговля нивелируют этническую пестроту населения. См.: В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 132—133.

⁸ А. П. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар. МИА, № 80, 1960, стр. 155—158.

⁹ Имеются в виду жилища с печами-каменками. См.: В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи, стр. 98.

¹⁰ В. Ф. Баллод. Приволжские «Помпеи». М.—Пг., 1923, стр. 131; Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 476; В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая. МИА, № 164, 1970, стр. 185, 186.

¹¹ Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-ата). В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 148—149; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 69, 74; Е. Е. Неразник. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 204; С. Ахиянжанов, Л. Ерзакович. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1972, вып. 2, стр. 64—69.

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ДОЛИНЫ АРЫСИ

Н. П. ПОДУШКИН

Исследование истории керамического производства неразрывно связано не только с изучением эволюции форм керамики, ее химического состава, но и технологии изготовления. Большую роль при этом играет определение характера и условий заключительного производственного цикла — обжига. В зависимости от интенсивности и умения выполнять эту операцию зависели в конечном итоге количество и качество выпускаемой продукции. Поэтому изучение керамических печей имеет важное значение.

Если на территории Средней Азии встречено и исследовано немало гончарных печей, то в Казахстане их отмечены единицы. В литературе по археологии этого района имеются краткие данные лишь о пяти керамических печах. Это поздняя гончарная печь на городище Сарайчик (Г. И. Пацевич), печи на городищах Баба-Ата, Куйрук-тепе и Мардан-Куюк (Е. И. Агеева) и в памятниках Джетыасара (Т. Н. Сенигова)¹.

¹ Е. И. Агеева. Оборонительные сооружения и работы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Археология. Алма-Ата, 1962, стр. 181—182; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из исто-

Новые данные о гончарных печах получены в результате археологических работ в долине Арыси. Выявлены четыре гончарные печи сравнительно хорошей сохранности и одна площадка для открытого обжига керамики. Площадка и керамическая печь на поселении Караул-тобе относятся к I—IV вв. и три печи на городище Торткуль-тобе — к V—VIII вв. Дадим их характеристику.

В процессе раскопок на поселении Караул-тобе, в его северной стороне, являвшейся частью хозяйственного двора, вскрыта площадка для обжига площадью более 6 кв. м и глубиной более 1 м. Площадка состоит из нескольких десятков слоев прокаленной глины, каждый толщиной 1—2 см. Цвет слоев различен — красный, оранжевый, темно-серый, что указывает на различную степень температурного воздействия на каждый слой. Вокруг площадки по всей ее глубине найдено немало керамических шлаков, бракованных фрагментов керамических изделий, слой охры толщиной 0,5—1 см и площадью около 1 кв. м, комочки известковой глины, которая, как показали химические анализы, является одной из основных примесей в керамике поселения.

Площадка длительное время использовалась для обжига керамики открытым способом, причем после каждого производственного цикла ее поверхность покрывалась тонким слоем обмазки. Подобный метод обжига описан Е. М. Пещеревой, наблюдавшей его технологию в недавней практике керамического производства населения отдаленных горных районов Таджикистана. Она пишет: «Выбирается для этого небольшая ровная площадка, и все имеющие посуду женщины сообща убирают с нее камни и чисто выметают ее... Когда вся посуда уложена, ее аккуратно закрывают сверху в 5—6 слоев лепешками из навоза, а затем лепешки эти поджигают сверху в разных местах»².

Вскрытая нами площадка доказывает, что этот метод существовал в глубокой древности как наиболее простой и экономичный. Однако при таком способе обжига добиться высокой температуры нельзя, а от нее в прямой зависимости находятся прочность и качество изделий, особенно столового и хозяйственного назначения. На наш взгляд, таким способом изготовлялась керамика преимущественно кухонного типа и реже, по необходимости, посуда других видов.

Рядом с этой площадкой выявлена керамическая печь удлиненно-овальной формы, сохранившаяся высота ее стенок достигает 60—65 см. Наибольшая ширина печи 70 см, длина 1,15 м. Толщина прокаленных серо-зеленых стенок 5—7 см, внутренняя часть их опла-

рии оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 185—186; Т. Н. Сенигова. К изучению технических особенностей керамики. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 226—227.

² Е. М. Пещерова. Гончарное производство у горных таджиков. «Известия Среднеазиатского отдела Географического общества», т. XIX, Ташкент, 1929, стр. 29.

лена. На высоте 17—20 см от основания стенок вдоль их внутренней части имеются следы площадки, на которую, вероятно, ставили предназначенные для обжига сосуды. Сохранившаяся ширина ее 12—15 см. При расчистке печи в ней и вокруг найдено значительное количество шлаков и фрагментов керамики, аналогичной керамике поселения.

Описанная однокамерная печь могла предназначаться для обжига небольших по размеру керамических изделий. Следует отметить, что печи подобной конструкции — явление редкое, на территории Казахстана они зарегистрированы единицами (Куйрук-тепе), а для Средней Азии совсем не характерны³.

Керамическая печь поселения Караул-тобе датируется I—IV вв. н. э., как и памятник в целом. Гончарные печи различной величины и конструкции составляли неотъемлемую принадлежность раннеземледельческих общин, население которых изготовляло посуду только для себя⁴.

Следующая группа керамических печей вскрыта на городище V—VIII вв. Торткуль-тобе на р. Кумышке. Исследованы две парные и однокамерная печи. Они расположены в северной части шахристана, в месте его крутого обрыва к пойме реки, недалеко друг от друга.

Парные гончарные печи примыкают друг к другу и сохранились довольно хорошо. По конструкции и размеру они одинаковы. Верхний под обжигательных камер обрушился на их основание. Обе камеры круглые в плане, диаметр у основания западной 3 м, восточной 2,9 м. Стенки их состоят из нескольких слоев обмазки и сохранились на высоту 80—90 см, толщина прокаленного слоя стенок 12—15 см. Следует указать на одну из особенностей сооружения печей. Их отопительная камера полностью и нижняя часть обжигательной до высоты 1 м вырублены в лессовом грунте и затем обмазаны в несколько слоев глиной. Никаких признаков кирпичной кладки в печах Торткуль-тобе не обнаружено.

В нижней части обжигательных камер отмечено по 17 жаропроводящих каналов, соединяющих камеры с топкой. Диаметр отверстий каналов 10—12 см. Они расположены в основном равномерно по кругу (12), отступая от стенки камеры на 20—25 см. В середине пода обжигательной камеры также сделаны отверстия (обычно 5). Все крайние продухи направлены под углом к центру отопительной камеры, центральные продухи прямые. Эта особенность расположения продухов продиктована характером сооружения топочных камер. Последние овальной формы, вытянутой от устья топки вдоль продольной оси под центром обжигательной камеры. Топка по сравнению с порогом загрузочного устья заглублена на 30—40 см. Ее размер: длина

³ М. Г. Воробьева. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». М.—Л., 1961, стр. 154.

⁴ В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 66.

3,5 м, ширина у основания 1,3 м, высота 1,2 м. В верхней части к центру основания обжигательной камеры она сужается (90—60 см) по типу сводчатого перекрытия, причем на всех стенках топочной камеры сохранились так называемые ребристые лопатки-выступы, на которых и держалось основание обжигательной камеры. Внутренних опорных столбов в топочных камерах не выявлено. Примечательна следующая деталь конструкции — все крайние продухи расположены между лопатками-выступами, что обеспечивало им прочность (рис. 1).

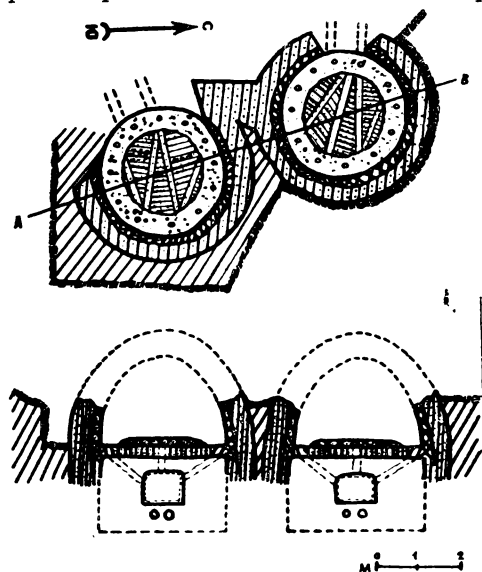

Рис. 1. Парная гончарная печь городища Торткуль-тобе (план и разрез).

тяги в печи. После определенного рабочего цикла закрывалось устье топочной камеры, продолжали функционировать лишь три небольших продуха диаметром 6—7 см, расположенные ниже порога отопительной камеры, которые служили для поддержания медленного горения в печи и сохранения на длительный срок нужной температуры.

В описанных печах обжигалась разнообразная керамика, в том числе и типа хумов. Расчеты показывают, что в каждую камеру одновременно можно было помещать по два таких сосуда, причем при любом варианте их загрузки — стоя или на боку, — центр тяжести приходился не на середину камеры, а на площадь, расположенную ближе к ее стенкам, которую поддерживали лопатки-выступы.

Малая гончарная печь, как отмечалось, находится в этой же части городища, недалеко от парных печей. Она также врыта в склон и одинаковой с ними конструкции. Диаметр обжигательной камеры 1,5 м, сохранившиеся стенки высотой 5—10 см. Толщина прокаленной обмазки 5—6 см. Основание камеры имеет 9 жаропроводящих каналов, расположение и конструкция которых аналогичны описанным. Топочная камера овальной формы, несколько меньшего размера

(продольный диаметр 1,5 м, поперечный 1,2 м, высота 0,75 м), как и парные печи, с поддерживающими лопатками-выступами. В подобных печах обжигалась посуда средних и малых размеров.

Все гончарные печи Торткуль-тобе функционировали в одно время. Об этом говорит не только общность конструкций, но и керамический материал, совершенно идентичный керамике городища, датированной V—VIII вв. По своему устройству описанные печи встречаются аналогии в материалах ряда районов Средней Азии. Так, устройство отопительных и обжигательных камер наших печей близко по конструкции гончарной печи городища Мунчак-тепе (г. Бекабад, Узбекистан)⁵. Они имеют также нечто общее с печами кангюйского и кушанского периода Хорезма (печь № 6 на городище Кюзели-Гыр, печь № 1 на городище Калалы-Гыр и печь на городище Уй-Кала и др.)⁶. Наряду с этим есть и отличия, главным из которых является то, что печи Торткуль-тобе сооружались без применения кирпича.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1946, стр. 99.

⁶ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, стр. 201—213, рис. 48, 52.

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ И ХОЗЯЙСТВО СТОЯНКИ ИМАН-БУРЛУК

Л. А. ЧАЛАЯ

Стоянка Иман-Бурлук находится в Володарском районе Кокчетавской области, в 2,5 км к юго-востоку от села Никольско-Бурлукского, вверх по течению р. Иман-Бурлук, впадающей в Ишим¹. Сейчас это небольшой ручей, разбитый на плесы, с крутыми берегами (до 17 м высоты), в обрывах которых ясно прослеживается слой с костями, углем, кремневыми изделиями. Стоянка расположена на левом берегу реки, на первой надпойменной террасе.

Для выявления границ стоянки были заложены квадраты на западном, центральном и восточном участках.

Профиль южной стенки квадрата 3 (центральный участок): дерновая поверхность; черная супесь с редкими находками; более светлая супесь с редкими находками; культурный слой; щебенка; желтая глина (материк) (рис. 1). Наибольшее количество находок с глубины 40—70 см. В вышележащих слоях они единичны.

¹ Первые сведения о стоянке Иман-Бурлук были получены в 1953 г. М. Д. Бирюковым («Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 40), затем в 1958 г. Г. Ю. Петренко, геологом Центрально-Казахстанской экспедиции МГУ. Изучение ее началось в 1970 г. Северо-Казахстанским отрядом.

Профиль западной стенки квадрата 11 (западный участок): дерновая поверхность; черная супесь; культурный слой; красноватый суглинок; щебенка; желтая глина (материк) (рис. 2). Основные находки встречены на глубине 10—50 см. В нижележащих слоях они единичны.

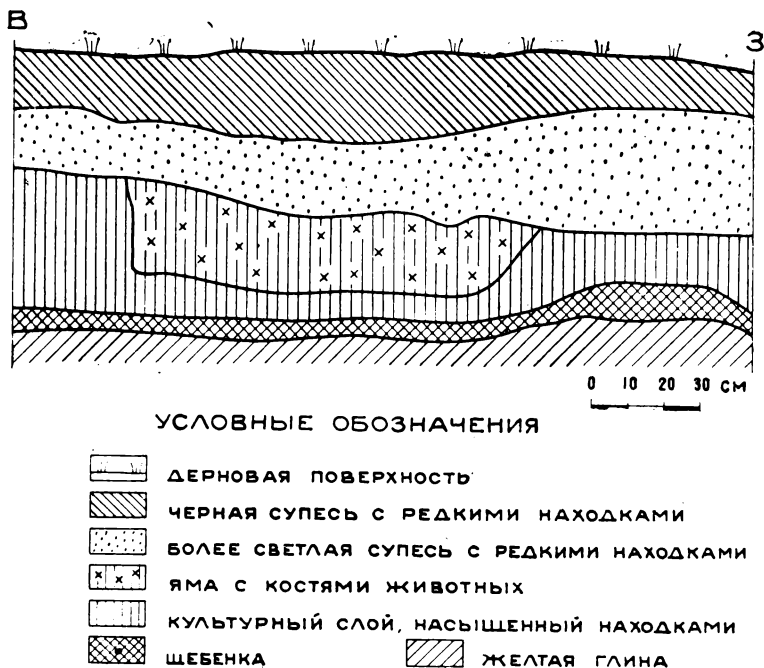

Рис. 1. Иман-Бурлук 1. Профиль южной стенки квадрата 3.

Профиль северной стенки квадрата 6 (восточный участок): верхний слой разрушен, слой более светлой супеси, под ним залегает довольно плотный слой красноватых суглинков, который подстилается слоем щебенки и, наконец, материковый слой (плотная желтая глина). Находки были в незначительном количестве в первых двух слоях.

Таким образом, на всех участках наблюдается единая последовательность горизонтов, хотя культурные слои залегают на разной глубине, следовательно, перед нами две разновременные стоянки, причем стоянка центрального участка — Иман-Бурлук 1 — древнее, чем стоянка западного участка — Иман-Бурлук 2.

Стоянка Иман-Бурлук 1. При расчистке культурного слоя найдено 279 экз. каменного инвентаря и 7 экз. керамики.

Сырьем для изготовления каменных изделий служили в основном кремнистые кварциты серо-белого цвета и незначительное количество кремня коричневого и серого цветов.

Нуклеусы представлены в слое тремя экземплярами: два из них относятся к коническому типу с односторонним ограничением, третий — плоский нуклеус с односторонним ограничением.

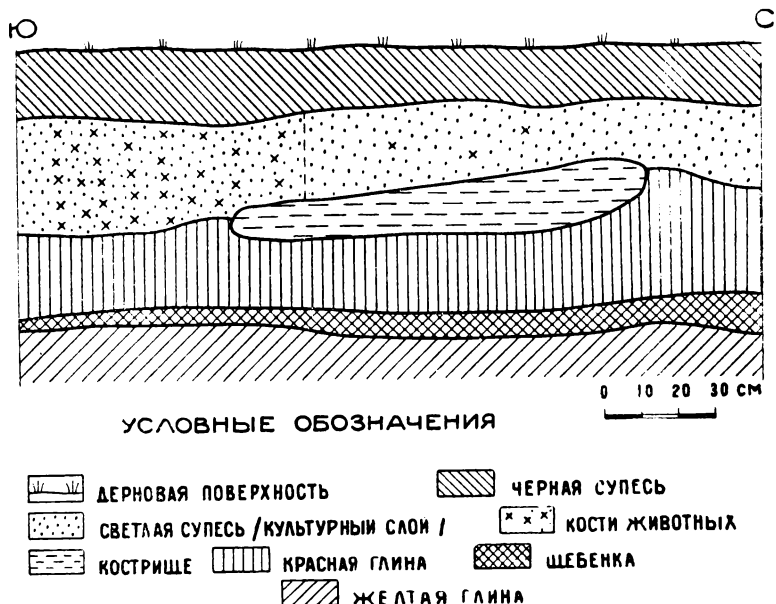

Рис. 2. Иман-Бурлук 2. Профиль западной стенки квадрата 11.

Отщепы (88 экз.) без корки выветривания, массивные, неопределенных очертаний, делятся на крупные (13 экз., длина 6—7 см, ширина 4—5 см); средние (56 экз., длина 4—6 см) и мелкие (19 экз.).

У пластин (98 экз.) обломан один из концов, целых 3 экз. Среди них только 8 экз. правильных ножевидных пластин, остальные грубой стделки, 5 экз. имеют трапецевидное сечение. Ретушированные пластины составляют от их общего количества 22,4% (13 экз.).

К изделиям из пластин относятся (рис. 3, 1—8): сверло срединного типа с плечиками, сделанными ретушью со спинки, которая продолжается и на продольных сторонах, но с брюшка; резец углового типа, у которого скол занимает четвертую часть продольной стороны; пластины с выемками незначительных размеров (0,5 см).

Изделия из отщепов также однообразны. Скребки (14 экз.) из грубых массивных отщепов (толщина некоторых 1,4 см).

Выемки на отщепах (2 экз.) незначительных размеров (0,5—0,8 см). Отщепов с ретушью 3 экз.

На глубине 50 см рядом с нуклеусом в северо-западном углу квадрата 3 найден нож крупных размеров (длина 11 см, ширина

4,5 см, толщина 0,8 см). Материалом для него служил сланец. Края его обработаны с двух сторон крупными сколами.

Интересен каменный предмет типа «утюжка» (длина 5 см, ширина 2 см, толщина 1 см), имеющий форму вытянутого овала (рис. 4, 1). Его боковые поверхности оформлены поперечными желобками. Последних на каждой из сторон нечетное количество (5, 9, 11).

В квадрате 3 на глубине 50—70 см оказалось скопление костей. Здесь же обнаружены скребок с двойным лезвием, воткнувший в полость кости (вероятно, им очищали кость), и керамика.

Керамика представлена мелкими неорнаментированными фрагментами. Тесто из местного материала. В нем много мелкорубленой травы (на некоторых фрагментах заметны обрезки стеблей) и дресвы естественного происхождения, т. е. входящей в состав глины, использованной для производства керамики. Посуда сделана ленточной техникой (неясно спиральной или кольцевой). Лепка, скорее всего, без последующей формовки (следы пальцев под заровненной поверхностью). О форме сосудов из-за незначительных фрагментов нельзя сказать даже предположительно.

Стоянка Иман-Бурлук 2. В культурном слое обнаружено 1199 экз. каменного инвентаря. Материалом для него служил яшмовидный кварцит красно-серого цвета, кремний, а для крупных изделий — сланец.

Таблица 1

Группы	Кол-во	Размер	Характеристика
Крупные	130	Длина 4,5—7 см, ширина 3—5 см, толщина 0,7—2 см	Большинство отщепов коротких, широких и толстых. Спинки покрыты негативами бессистемно снятых сколов
Средние	284	Длина 2,5—3,5 см, ширина 2,5—4 см, толщина 0,7—1,3 см	Имеют такие же очертания, как и крупные, но менее толстые. Спинки их с двумя-тремя негативами от снятых пластинчатых отщепов
Мелкие	343	Длина 1,5—2,5 см, ширина 1,5—2 см, толщина 0,1—0,5 см	Форма овальная, хотя встречаются и пластинчатые отщепы, но в большинстве они некондиционные

Примечание. Чешуйки и осколки 449 экз. Получены в результате изготовления и подправки орудий.

Нуклеусов нет, а потому мало и пластин — 29 экз. (рис. 3, 9—16). Почти все они целые, но среди них нет правильных (кривые продольные стороны и две грани на спинке).

Изделий из пластин мало. Скребки (2 экз.) с округло-выпуклым лезвием. Ретушью обработан один продольный край. Микроскребки (3 экз.) изготовлены на пластинах трехгранного сечения, длина 1,4 см, ширина 1,3 см (рис. 3, 15—16).

Выемки на пластинах (9 экз.) неглубокие, диаметром от 0,5 до 1,5 см. Выполнены крутой ретушью (7 экз.— со спинки, 2 экз.— с брюшка). На продольной стороне одной из пластин ретушью сделаны мелкие зубцы в виде пилки (рис. 3, 13), у другой с боковой выемкой на конце имеется острое с противоположающей ретушью (рис. 3, 14). Из-за незначительного количества пластин их, вероятно, стремились максимально использовать (в основном это комбинированные изделия).

Основным же сколом-заготовкой в данном комплексе являются отщепы. Следует отметить, что отщепов с коркой выветривания почти нет. По размеру их можно разделить на три группы (табл. 1).

Отщепы служили основной заготовкой для всех орудий и, прежде всего для изготовления скребков, которые поражают крупными размерами и грубостью отделки (рис. 3, 17—21).

Таблица 2

Тип	Количество	Длина, см	Ширина, см
Округлый	1	Диаметр 1,6	
Округлый, но с сохранившейся «пяткой»	3	Диаметр 1,6—2,1	
Округлый с округло-выпуклым лезвием	21	3—5	2,6—3,8
Ногтевидный	3	1,5	1,5
Веерообразный	20	4—5	2,2—3,5
Стрельчатый	5	2,1—3	1,8—2,2
Подчетыреугольный с прямым лезвием	4	1,6—2,7	2,1—2,5
Подчетыреугольный со скошенным лезвием	3	2—2,2	1,9—3,5
Заготовки	16	4—6	3,2—6
Фрагменты	17	—	—

Как показывает таблица 2, самый многочисленный тип скребков веерообразный. Эти скребки наиболее крупные. Следует отметить, что лезвие у них круто обработано крупной ретушью и располагается параллельно оси удара, что отличает их от подобных орудий из других стоянок. С брюшка большинство имеет подтеску. Вероятно, они предназначались для первичной обработки.

Отщепы с выемками (10 экз.) неопределенных очертаний. Выемки от 0,5 до 1,5 см сделаны крутой ретушью со спинки.

Сверла (3 экз.) и проколки (2 экз.) — это небольшая группа изделий.

Ножи (15 экз.) составляют значительную и разнообразную серию изделий (рис. 4, 2—5). Они изготовлены из пластинчатых отщепов, сырьем служил сланец серого цвета, яшмовидный кварцит и кремнь (для более мелких). По технике обработки они делятся на двусторонне обработанные (3 экз.) и оформленные краевой ретушью (12 экз.).

По форме ножи можно разделить на несколько типов:

а. Ножи треугольной формы (3 экз.). Один с двусторонней обра-

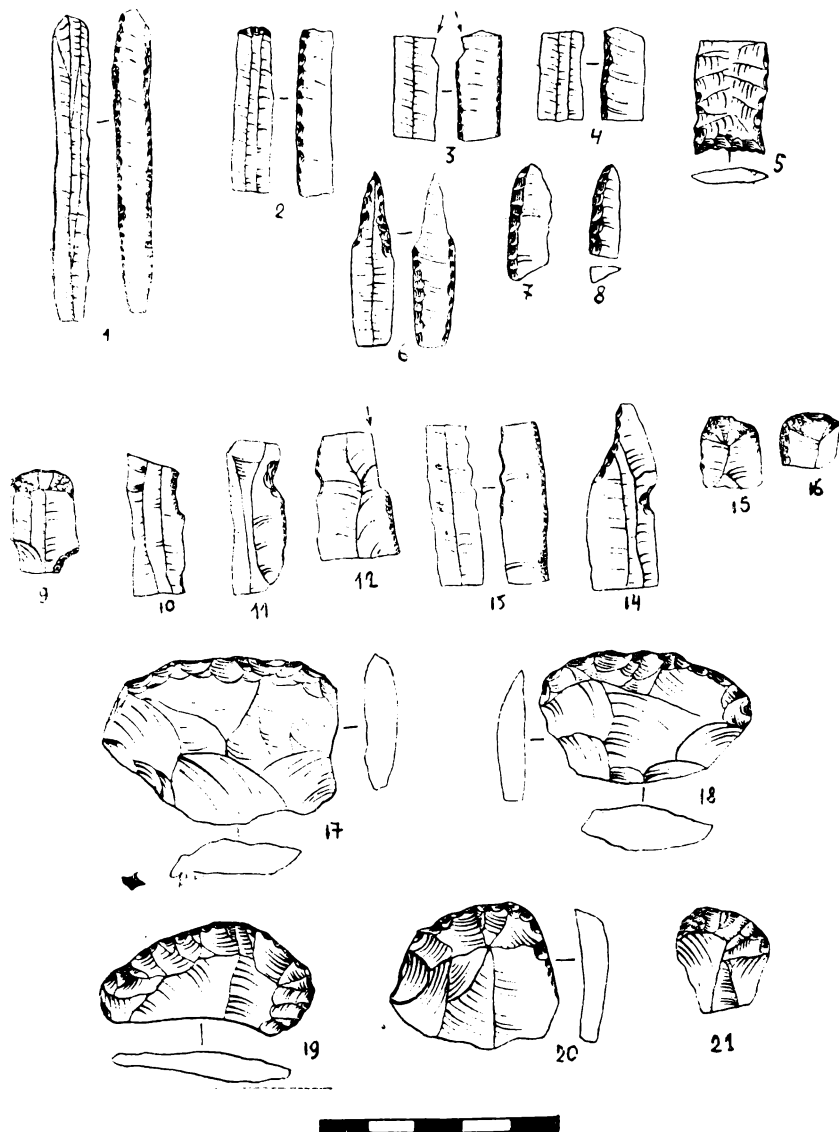

Рис. 3. Каменный инвентарь со стоянок Иман-Бурлук 1 и 2.

боткой, продольные лезвия его сильно затуплены в процессе работы, другой с краевой ретушью со спинки, два его лезвия прямые, а третье вогнутое. Скорее всего, ими пользовались без рукоятки. Длина их 6,5 и 7 см, ширина 5,5 и 3,5 см.

б. Ножи серповидной формы (3 экз.) ретушированы только по краю. Само лезвие дополнительно обработано зубчатой ретушью. У одного экземпляра рабочей частью являлся скошенный конец, другой — противоположный — подтесан, возможно, для вставления в рукоятку. Размер ножей: длина 7 и 3,5 см, ширина 3,8 и 1,8 см.

в. Ножи прямоугольной формы (3 экз.). Один экземпляр с плоской двусторонней ретушью, два других с краевой ретушью со спинки.

г. Ножи на отщепах, неопределимых до типа (9 экз.). Они меньше размером (длина 4,5 см, ширина 2,5 см). Тонкая заостряющая ретушь занимает у них только край лезвия.

Необходимо особо описать изделие с двусторонней обработкой. Это комбинированное орудие. Одно из продольных лезвий округло-выпуклой формы служило для резания; другое, расположенное на противоположном конце, в середине имело выступ, самый конец которого сломан, вероятно, — это сверло. Выемки по бокам сверла представляют собой скобели.

Ретушированные отщепы (38 экз.) неопределенных очертаний. Ретушь у них занимает самый край и носит заостряющий характер.

Наконечники стрел (3 целые и 3 фрагмента) двусторонне обработанные отжимной ретушью. Целые наконечники относятся к трем типам: один миндалевидный с выемкой в основании, образующей острые шипы (длина 2,5 см, ширина 1,7 см); второй миндалевидный с круглым основанием (длина 3,5 см, ширина 2 см); третий вытянутых пропорций с пильчатыми краями (длина 4 см, ширина 1,4 см).

Наконечники дротиков (22 экз.) представлены фрагментами заготовок. Самый крупный фрагмент длиной 7 см, шириной 6 см, толщиной 0,9 см. Все они листовидной формы, двусторонне обработанные крупными сколами, с волнистыми краями.

Наконечники копий (5 целых и 4 фрагмента, 5 заготовок) двусторонне обработанные, имеют иволистную форму. Техника их обработки аналогична обработке дротиков, но лучше ее (рис. 5, 1—2).

Из крупных рубящих орудий выделяются топоры (3 целых, фрагмент и заготовка), которые изготовлены из сланцевых пород (рис. 4, 6, 7) и обработаны плоскими сколами от краев к середине. Они расширяются к лезвию, которое заострено и имеет полукруглую форму, обухок заузен. В профиль топоры округло-выпуклой формы.

Тесловидные изделия (2 экз.) плоские (рис. 4, 8).

В квадрате 12 на глубине 22 см обнаружен фрагмент полированного и сверленного изделия типа булавы (рис. 5, 4). Оно имеет форму двух как бы соединенных полушарий. В месте соединения проходит плоский ободок шириной 1,6 см. Диаметр изделия 10,5 см. Сверление, по-видимому, производилось костью (заметны следы). Отверстие конической формы (диаметр верхней части 2,5 см, нижней 1,5 см), оно сделано односторонним сверлением.

Сырьем для одного из крупных изделий служил крупнозернистый сцементированный песчаник (гранитная порода). Изделие сломано.

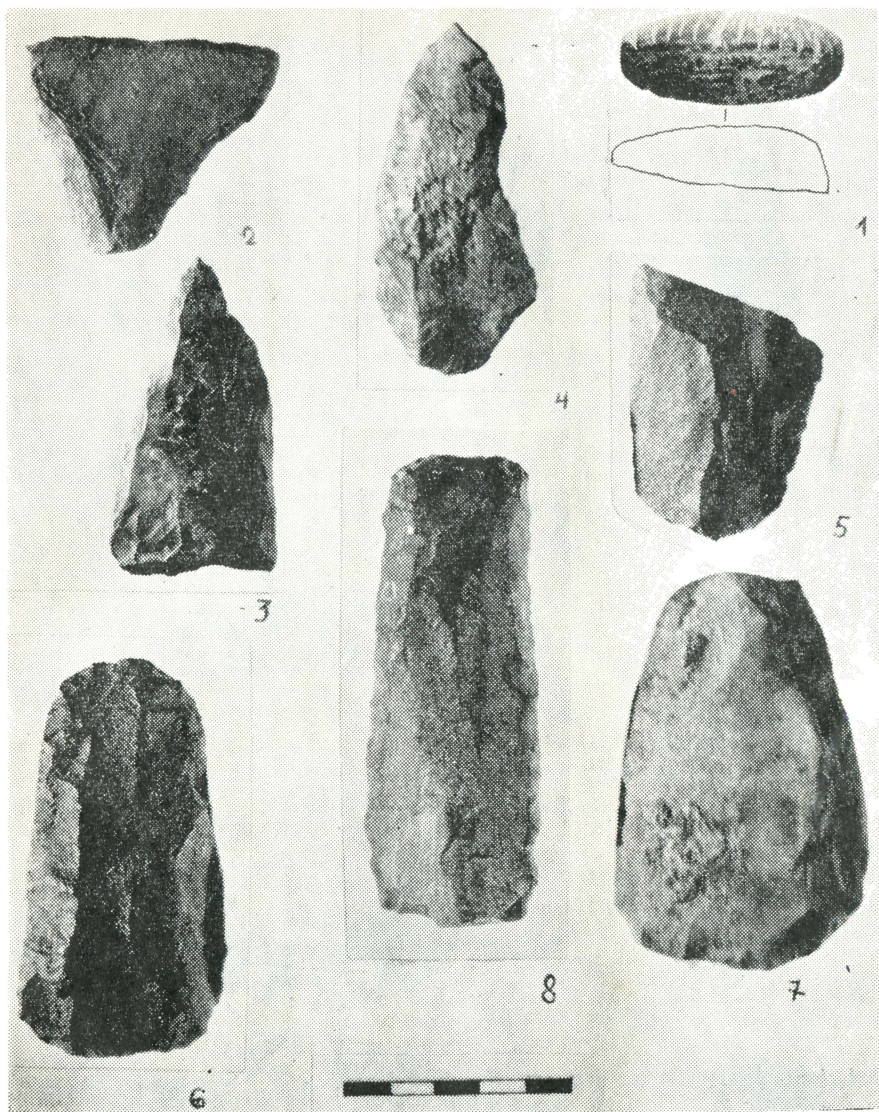

Рис. 4. Каменный инвентарь.

Нижняя его поверхность слегка округло-выпуклая, а верхняя к середине углубляется. В этом месте она заглажена, имеются следы растительных остатков. Вполне возможно, что это курант для растирания растений, которые использовались в качестве примеси в тесте при изготовлении керамики. Толщина куранта 3,5 см.

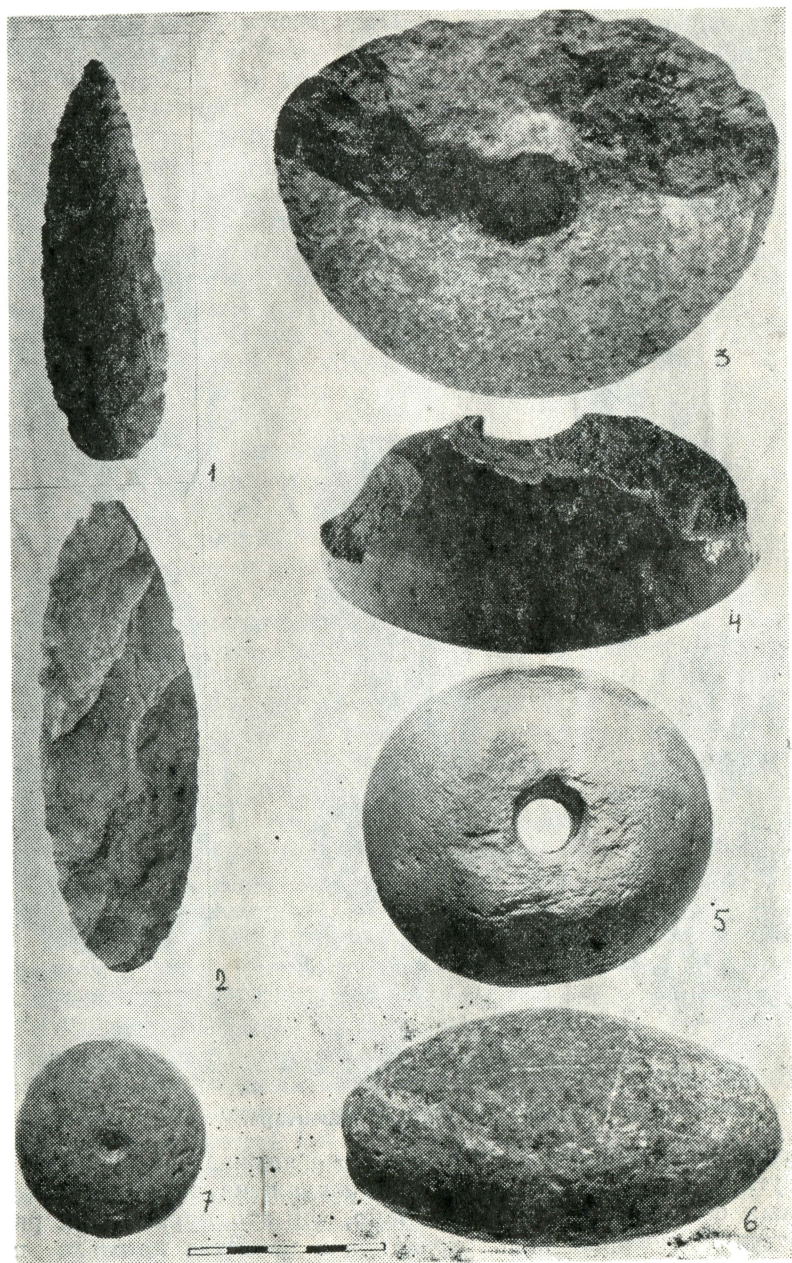

Рис. 5. Иман-Бурлук 2. Каменный инвентарь.

Другое изделие прямоугольной формы с округленными боковыми сторонами имеет в одном месте слегка углубленную и заглаженную поверхность. Вероятно, им заглаживали поверхность посуды при ее производстве.

Дисковидное каменное изделие (диаметр 5,5 см) служило, скорее всего, грузилом (рис. 5, 7). Три предмета изготовлены из мелкозернистого песчаника, вероятно, это точильные камни.

Несмотря на значительное количество остеологического материала на стоянке, изделий из кости очень мало.

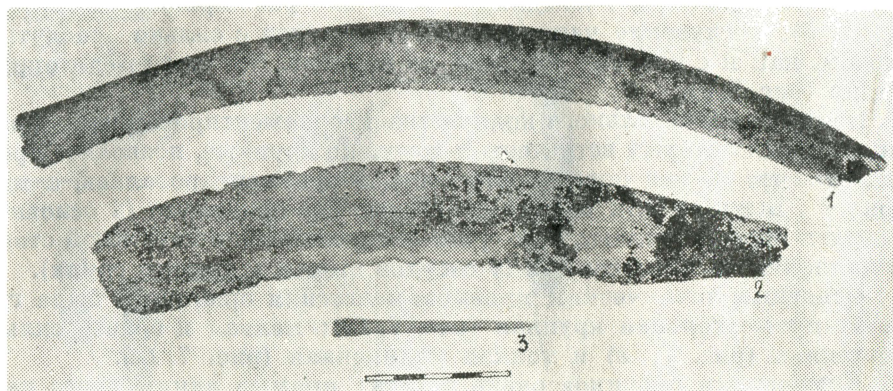

Рис. 6. Костяные изделия со стоянки Иман-Бурлук 2.

Найдено три иглы (рис. 6, 3). Наибольший интерес представляют три гребневидных костяных изделия (из крупных ребер). Они напоминают кривой нож или серп, у которых по вогнутой дуге вырезаны многочисленные зубцы: на одном экземпляре мелкие — 0,2—0,3 см; на другом более крупные — 0,5—0,7 см (рис. 6, 1—2).

В квадрате 11 на глубине 39 см встречен клинок вкладышевого одностороннего ножа (клинок разломан по линии продольного паза). Длина его 9 см, ширина 1,2 см.

В этом же квадрате отмечено кострище в виде вытянутого овала, прокал на глубину 15 см. Вокруг кострища много костей.

Гораздо богаче керамическая коллекция (16 венчиков, 32 фрагмента орнаментированных стенок, 37 неорнаментированных).

Тесто посуды по составу такое же, как и на стоянке Иман-Бурлук 1, т. е. это глина с мелкими обломками гранита (естественного происхождения), в качестве отощителя применена мелкорубленая трава. Но в отличие от первой стоянки здесь в тесто добавляли еще дробленый кварцит. Керамика изготовлена ленточной техникой (кольцевым или спиральным налепом). На некоторых черепках заметна формовка.

Для сосудов характерно просушивание перед окончательной обработкой. Обжиг более сильный (заметно оплавление краев кристаллов), чем на Иман-Бурлуке 1. На наружной поверхности некоторых обломков видны следы лощения.

В коллекцию входят обломки приблизительно от 23 сосудов. Все они (за исключением одного) удлинённых пропорций. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1 см.

По форме сосуды можно разбить на несколько групп: баночной формы (рис. 7, 2—3); со слегка отогнутым венчиком и немного раздутым туловом; с прямым венчиком, переходящим в несколько вытянутую горловину, а последняя — в плавно расширяющееся тулово (рис. 7, 5); неглубокие чаши (рис. 7, 4). Сосудов с сильно раздутым туловом, как и с плоским дном, не найдено. Все они имели округлое дно (рис. 7, 6).

Наличие значительного количества неорнаментированных фрагментов, среди которых встречены и довольно крупные, позволяет предполагать, что не вся поверхность сосудов орнаментировалась, а примерно $\frac{2}{3}$. Венчики или плоско срезанные без орнамента (в основном у сосудов первой группы), или орнаментированные с наружной стороны наклонными вдавлениями (у сосудов второй и третьей групп).

Основным техническим приемом нанесения орнамента была гребенка: прямоугольная крупная (рис. 7, 1а); мелкая и более сильно вдавленная (рис. 7, 1в) и тонкая удлинённая (рис. 7, 1е).

Композиция рисунков очень проста: прямые линии через каждые 0,5 см, их пересекают через каждые 1,5 см наклонные, вертикальные, параллельные линии (рис. 7, 1а, б). У некоторых фрагментов в месте перехода венчика в горловину горизонтальные линии расположены на расстоянии 1 см. Этот орнамент нанесен крупной прямоугольной гребенкой.

Такой же гребенкой выполнен рисунок другой композиции: прямые линии, горизонтально идущие через каждые 1,5 см, а между двумя первыми нанесены короткие вертикальные прямые, в результате образуется горизонтальная лесенка; между следующими прямыми линиями — горизонтальные короткие прямые (рис. 7, 1д). Эта композиция, чередуясь, покрывала поверхность сосудов.

Описанные орнаменты украшали посуду второй и третьей групп. Мелкой гребенкой типа зубчиков наносились узоры в виде лесенок, располагающихся между двумя прямыми, и елочка (рис. 7, 1в). Такой орнамент чаще всего был на сосудах второй группы.

Удлинённая гребенка, нанесенная острым штампом, составляет композицию из прямых параллельных линий, идущих горизонтально или наклонно-вертикально (рис. 7, 1е).

Орнамент, прочерченный прямыми линиями в виде «каннелюр», встречен только у одного сосуда (рис. 7, 1ж). Довольно распространенным орнаментальным приемом является нанесение насечек и вдавле-

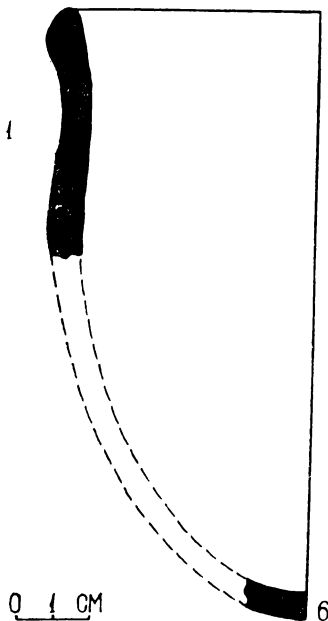
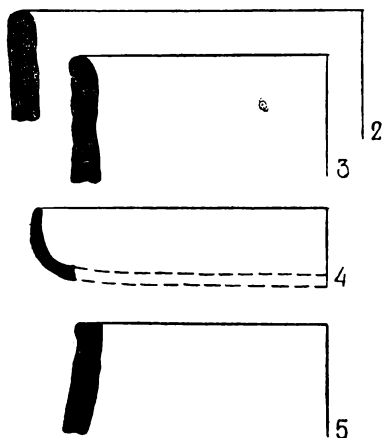
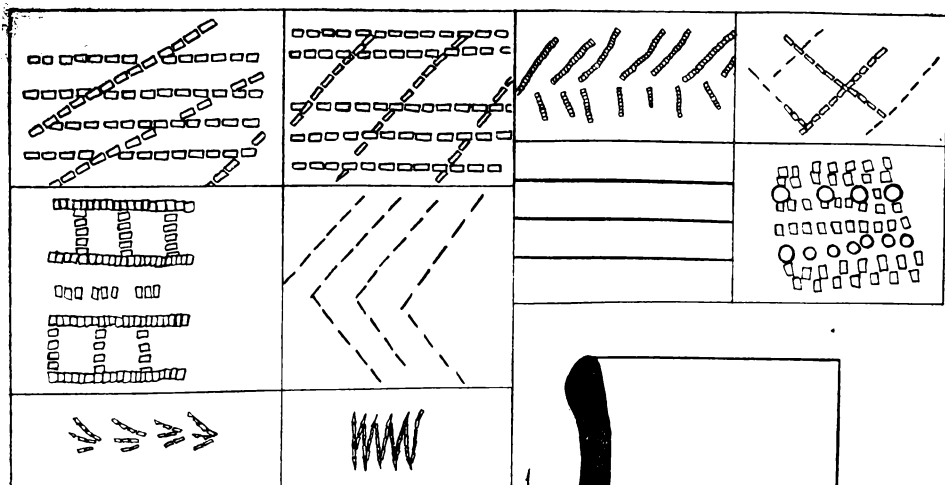

Рис. 7. Иман-Бурлук 2. Орнаменты и формы сосудов.

ний неопределенных форм (рис. 7, 1з). Таким орнаментом украшены в основном сосуды баночной формы.

Важно отметить, что на наружной поверхности некоторых фрагментов имеется сложная система отпечатков, напоминающих ткань диагонального переплетения. Внутренняя же поверхность у одних гладкая, у других заглажена тупым гребенчатым штампом.

Сосуды второй и третьей групп, вероятно, служили для приготовления пищи, ибо на внутренней стороне сохранились от нее остатки (скорее всего, растительной), иногда до самого венчика.

Сборы с поверхности дали богатый материал. Они производились поквратно, наибольшее количество находок дали западный участок и осыпи западного обрыва (416 экз.). Сырьем для каменного инвентаря служили цветная яшма, яшмо-кварциты и кремень. Каменный инвентарь этих сборов по своим техническим и типологическим данным полностью совпадает с материалами из культурного слоя стоянки 2.

Среди найденных изделий следует обратить внимание на булаву, сделанную из песчаника осадочного происхождения. Она конической формы (рис. 6, 5). Ее размер: высота 8 см, диаметр нижней стороны 8 см, диаметр верхней 5 см. Сквозное отверстие диаметром 2 см двустороннего сверления.

Комбинированным изделием является и другой интересный предмет. Он сделан из какой-то гранитной породы вулканического происхождения и имеет форму «утюжка» (рис. 6, 6). Верхняя часть его выпуклая, нижняя плоская. Этот предмет, судя по сработанности нижней части, использовался как терка, а судя по сбитости концов, — как молот. При применении его в качестве молота к нему привязывали рукоять, от которой остался след в виде углубления. Привязка была перекрестной в одну сторону. Размер предмета: длина 10 см, ширина 5 см, толщина 4 см.

Два других предмета, сделанные из такой же породы, что и описанный, имеют караваеобразную форму (рис. 6, 3). Диаметр одного 11,5 см, диаметр другого 9 см. Верхняя часть выпуклая, нижняя плоская. Можно было бы предположить, что их использовали в качестве отбойников, если бы на одном из них с плоской стороны не было бы отверстия диаметром 3 см. Скорее всего, он служил упором для сверла при лучковом сверлении.

Таким образом, в комплексе стоянки Иман-Бурлук 2 заготовки и изделия более крупных размеров.

Материалы стоянок Иман-Бурлук 1 и 2 при кажущемся сходстве имеют и существенные отличия, которые нельзя объяснить только хронологической разницей. Это прежде всего различия в сырье для каменных изделий (на первой стоянке применялись в основном кварциты, а на второй — яшмовидные породы). У нуклеусов первой стоянки ударная площадка углублена к середине, а у нуклеусов второй она выпуклая, что свидетельствует о разных технических традициях. Пластины в первом случае ретушировались притупляющей ретушью с брюшка, во втором — заостряющей со спинки. Керамика второй стоянки в отличие от первой имеет более интенсивный обжиг, и ее тесто более насыщено кварцитами.

Все это вряд ли говорит о преемственности в инвентаре обитателей стоянок, оно отражает более сложные исторические процессы, протекавшие на этой территории в неолитическое время.

Отдельные предметы со стоянки Иман-Бурлук 2 сходны с изде-

лиями из стоянок Усть-Нарым², Усть-Юрезань³, с Учалинского поселения⁴, второго слоя Джебела⁵, Саксаульской^{2 6} и Пеньков^{2 7}.

Сходство с вышеуказанными памятниками, выявленное по отдельным предметам, на этом заканчивается, исключая стоянку Терсек-Карагай, которая, возможно, относится к тому же культурному ареалу⁸, что и наша. В целом же комплекс каменных изделий стоянки Иман-Бурлук 2 весьма своеобразен. Здесь заготовкой для изделий служили крупные отщепы, однако пластин найдено мало. Это, конечно, не говорит о том, что обитатели стоянки были плохими мастерами по каменному делу, ибо они знали полирование, сверление, пользовались отжимной техникой.

Таким образом, если стоянку 2 можно датировать второй половиной III — началом II тыс. до н. э., то первую, возможно, серединой III тыс. до н. э.

Эта датировка подтверждается и керамикой, которая на первый взгляд обнаруживает сходство с керамикой позднелетелинских стоянок (орнаментальные узоры: лесенка, елка, «качалка», сделанные крупной гребенкой, и насечки)⁹. Прослеживается близость и с некоторыми южноуральскими памятниками, такими, как Кысы-Куль¹⁰, Сабакты III¹¹, и другими поселениями суртандинского типа¹².

² Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии, МИА, № 158, 1969, стр. 151, рис. 39 (2, 6, 13); ее же. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 226, рис. 3 (2).

³ Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии, МИА, № 79, 1960, стр. 271, рис. 16. Коллекция ГЭ, опись № 158.

⁴ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Л., 1968, стр. 144, рис. 8. Коллекция ГЭ, опись № 158.

⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. VII. Ашхабад, 1958, стр. 42, рис. 20.

⁶ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральско-Саксаульской в 1955 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 75—85.

⁷ Л. А. Чалая. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 163—181.

⁸ А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и связь с ландшафтом. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1950, № 15.

⁹ А. В. Виноградов. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6, 1963, стр. 93, рис. 2; егo же. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 122, рис. 56 (1—3, 19—25).

¹⁰ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа, 1962, рис. 6.

¹¹ Г. Н. Матюшин. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. Сб. «Древности Башкирии». М., 1970, рис. 10.

¹² Г. Н. Матюшин. К проблеме энеолита Южного Урала. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, рис. 1; егo же. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИИМК, вып. 92, 1962, стр. 32 (2а, 2б, 3).

Видовой состав костных остатков из поселений Иман-Бурлук 1 и 2

Памятник	Мелкий рогатый скот			Крупный рогатый скот			Лошадь			Не-опре-дели-мые	Другие виды животных
	костей	особей	возраст	костей	особей	возраст	костей	особей	возраст		
Иман-Бурлук 1	10	1	Моложе 1,5 лет	4	1		1	1	1-3 года	9	Заяц I/I
Иман-Бурлук 2							39	2	1-5 лет		
Квадрат 11	3	1		6	1		101	4	1-4 года		
Квадрат 12											
Квадрат 13				2	1	1,5 лет	30	3	2-8 лет		
Шурф А							24	2		5	

В перечисленных материалах в орнаменте глиняной посуды господствует техника гребенчатого штампа, образующего узоры в виде елочек, сеток, ломаных линий. Однако орнаменты на керамике со стоянки Иман-Бурлук 2 наносились довольно густо и не отличались какой-либо сложностью. Встречается и «шагающая» гребенка. Как уже отмечалось, плоских дниц не найдено.

Много общего обнаруживается с керамикой западноказахстанских стоянок, причем не только в технике нанесения орнамента и в орнаментальных композициях, но и в примесях теста¹³, что, возможно, в дальнейшем позволит выделить здесь единый этнокультурный ареал, восточная граница которого будет включать и территорию Наурзумского заповедника.

Интересно отметить, что на Иман-Бурлуке 2, как на североказахстанских стоянках и южноуральских поселениях суртандинского типа, найдены кости животных, принадлежащих крупному и мелкому рогатому скоту и лошадям¹⁴.

К сожалению, определить диким или домашним животным принадлежали кости оказалось невозможно.

Несомненно интересно, что среди остеологического материала большинство костей принадлежит лошадям. Не касаясь вопросов о времени и месте domestikации лошади, которые до сих пор еще не

¹³ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 143, рис. 50.

¹⁴ Определение проведено в лаборатории Института археологии АН СССР.

разрешены специалистами¹⁵, мы предполагаем, что кости, найденные на наших стоянках, принадлежат домашним животным. Такое предположение не противоречит данным с других территорий. В Туркмении кости лошадей известны с поселений конца II — начала I тыс. до н. э., и есть предположение, что лошади проникли туда из северных районов, где были одомашнены в III тыс. до н. э.¹⁶ Кости домашних животных, в том числе и лошади, встречены и в неолитических стоянках Южного Урала¹⁷. На территории Казахстана кости лошади найдены на стоянках Караганда 15 и Зеленая Балка 4¹⁸, с других же стоянок известны кости домашних коровы, овцы, козы (Усть-Нарым, Агиспе, Саксаульская I и др.).

В. И. Бибилова считает, что в степях Юго-Восточной Европы и Заволжья лошадь была одним из первых одомашненных животных¹⁹.

Косвенно о существовании домашних животных на стоянке Иман-Бурлук 2 свидетельствуют также обнаруженные здесь черепки с отпечатками шерстяных тканей, указывающих на развитие ткачества.

Гребневидные костяные изделия, найденные на этой стоянке, возможно, служили для растрепывания и расчесывания волокон пряжи²⁰.

Развитие скотоводства у последующих андроновских племен в середине II тыс. до н. э. допускает возникновение его на предыдущем этапе.

Было ли известно неолитическим племенам Северо-Восточного и Центрального Казахстана земледелие, по имеющимся данным судить трудно. Курант с растительными остатками мог применяться и для растирания продуктов собирательства, которое, несомненно, еще играло немалую роль в хозяйстве позднеолитических племен.

Так или иначе в изучаемых районах в конце III — начале II тыс. до н. э. сложились те природные и общественные условия, которые способствовали переходу к производящему хозяйству²¹.

¹⁵ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 201.

¹⁶ Н. Е. Ермолова. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих древних поселений Туркмении. Сб. «Каракумские древности», вып. 3, Ашхабад, 1970, стр. 210.

¹⁷ Г. Н. Матюшин. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. СА, 1970, № 4, стр. 163.

¹⁸ М. И. Клапчук. Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 36, 1969, стр. 111.

¹⁹ В. И. Бибилова. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологии», 1967, № 3.

²⁰ А. П. Окладников. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, № 86, 1960, стр. 44—45.

²¹ В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. «Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 150—166.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В КАЗАХСТАНЕ В 1972 ГОДУ

Т. В. САВЕЛЬЕВА

В течение полевого сезона 1972 г. на территории Казахстана работали археологические экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, Министерства культуры Казахской ССР, Уральского, Усть-Каменогорского, Петropавловского педагогических институтов, Хорезмская экспедиция АН СССР.

Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (К. А. Акишев) проводила работы в Южном Казахстане. Три отряда с апреля по октябрь вели раскопки на цитадели бугра городища Отрар-тобе (К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович, С. А. Ахинжанов). Три раскопа размером 50×50 м были заложены в северо-западной части городища, они примыкали северными сторонами к раскопу 1971 г. Еще один раскоп такого же размера был разбит вблизи юго-западных ворот Отрара. В раскопе I постройки разделены улицами и незастроенными участками на три квартала. Всего помещений как жилого, так и хозяйственного назначения — 38. На площади рас-

копа II вскрыто 62 помещения, которые образуют два квартала, разделенных улицей, идущей в меридиональном направлении. На участке раскопа III расчищено 35 помещений, которые делятся улицами на четыре квартала. И наконец, на раскопе IV выявлено 35 помещений, которые составляют один квартал. Верхний строительный горизонт датируется монетами XVII—XVIII вв., нижний — XVI в.

Раскопки на больших площадях позволили выяснить характер городской застройки. Это кварталы, ограниченные со стороны улиц глухими задними стенами домов. Площадь их 1500—1800 кв. м. В кварталах насчитывается 10—12 домов. Планировка их стандартная. Центральным было помещение с очагом площадью 20—35 кв. м. Стены помещений имеют толщину 80—120 см и сложены из прямоугольного сырцового кирпича форматом $27 \times 16 \times 7$ и $30 \times 20 \times 9$ см. В помещении в суфу, приподнятую по отношению к основанию стен на 30—40 см, вмазан очаг — тандыр с дымоходом, выведенным в стену. Рядом с тандыром находились площадка, выложенная жженым кирпичом, и ташнау. Кроме очага в помещении устроены закрома, лари, погреба. К центральному помещению пристроены одно или два хозяйственных с глиняными ящиками-ларями для хранения зерна и продуктов.

При раскопках получены многочисленные коллекции керамики, украшений из металла, камня и стекла, а также большой набор орудий труда из камня — песты, жернова, терочки.

Палеоэтнографический отряд (С. Жолдасбаев) продолжал работы на городище Куль-тобе на северных склонах Каратау. Раскоп площадью около 2500 кв. м был заложен в северо-восточной части шахристана. Планировка жилищ аналогична отрарской, однако в отличие от Отрара здесь основным строительным материалом был камень-плитняк. Керамика, металл, изделия из кости, аналогичные отрарским, позволяют датировать верхние слои Куль-тобе XVI—XVII вв.

Курганный отряд (М. К. Кадырбаев) проводил разведку в предгорьях Северного Каратау и в Центральном Казахстане. На Каратау были изучены петроглифы групп Берикбай-сай, Койбагар и Арпаузен, а в Центральном Казахстане в бассейнах рек Нура и Сарысу — могильник Жиланды. В нем было раскопано 14 погребений андроновского времени и две могилы эпохи раннего железа.

Южно-Каратауский отряд (А. Г. Максимова) в течение двух месяцев проводил работы в Туркестанском районе вблизи с. Чага. Было исследовано 5 курганов. Наиболее интересным оказался курган 68. В нем обнаружено захоронение в гробнице типа науса. Удалось проследить характер кладки стен. Находка в наусе монеты позволяет точно датировать погребальный комплекс VII — первой половиной VIII в.

Борижарский отряд (Б. Н. Нурмуханбетов) проводил раскопки в Борижарском могильнике на Арыси и в некрополе Мазраты Мардана в Отрарском оазисе. На Арыси обнаружены погребения в катакомбах

и хумные захоронения первой половины I тыс. н. э. Интересные материалы (керамика, бусы, изделия из металла) собраны в захоронениях могильника Мазраты Мардана.

Актюбинский отряд работал в зоне строительства Актюбинского водохранилища (Х. А. Алпысбаев). Здесь зафиксированы неолитические стоянки, поселения эпохи бронзы и курганные могильники различных эпох.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством академика А. Х. Маргулана работала в Карагандинской области. Интересные результаты получены при раскопках кургана эпохи поздней бронзы в могильнике Айваз-Дарвазы вблизи Улутау. Исследовался также могильник эпохи бронзы Жаман-узен II и два кургана ранних кочевников на р. Терсаккан; были осмотрены наскальные изображения в районе Байконура.

Экспедиция Уральского педагогического института (Г. А. Кушаев) в урочище Узун-коль исследовала захоронения сарматского времени. Большую научную ценность представляют найденные в курганах предметы вооружения, быта и украшения.

Усть-Каменогорский педагогический институт (Ф. Х. Арсланова) в долине Иртыша у с. Зевакино Шемонаихинского района и у с. Точка, в урочищах Кызыл-тас и Кызыл-каин Уланского района изучал памятники эпохи бронзы и погребение VII—IX вв.

Экспедиция Петропавловского педагогического института совместно с Северо-Казахстанским областным историко-краеведческим музеем (Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович) провела работы в Целиноградской области. Исследовались поселения эпохи бронзы Жабай, Покровка I, II, Саргари и могильник Саргари у с. Покровки.

На первом поселении вскрыта площадь 400 кв. м. Были организованы также разведывательные работы в долинах Чаглинки, Баби-Бурлук и др.

Хорезмская экспедиция продолжила комплексные исследования в низовьях Сырдарьи, изучая памятники различных эпох. Наиболее ранний из них — стоянка Тас I — относится к эпохе бронзы. Интересна усадьба IV—II вв. до н. э. Сангир-кала. Обнаружены и обследованы средневековые поселения в урочищах Мурзали и высохших притоков Инкардарьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Сообщения и публикации

А. Х. Маргулан. Джезказган — древний металлургический центр (Городище Милыкудук)	3
К. А. Акишев. Саки азиатские и скифы европейские (Об- щее и особенное в культуре)	43
С. М. Ахинжанов. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII — начале XIII века	59
К. М. Байпаков. Раскопки усадьбы на городище Тал- гар	71
Р. З. Бурнашева Монеты с городища Отрар-тобе и Отрар- ского оазиса (Материалы 1969—1970 гг.)	81
А. В. Вислогузова. К вопросу о геологическом возрасте древ- него палеолита хребта Каратау (Южный Казахстан)	97
С. Жолдасбаев. Некоторые источники по истории мате- риальной культуры казахов XV— XVIII вв.	102
Г. Б. Зданович. Стратиграфия поселения Новониколь- ское I	113
М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьяшев. Каратауские колесницы	128
Л. А. Манарова. Терифауна пещеры Караунгур	146

А. Г. Максимова. Курумы хребта Каратау .	156
Л. Б. Ерзакович. Некоторые типы жилищ Золотой Ор- ды	166
Н. П. Подушкин. Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси	183
Л. А. Чалая. Поздненеолитический инвентарь и хозяй- ство стоянки Иман-Бурлук	188

Х р о н и к а

Т. В. Савельева. Некоторые итоги археологических работ в Казахстане в 1972 году	204
---	-----

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Редактор Н. Н. Королева
Худож. редактор А. Б. Мальцев
Художник М. Т. Палаткин
Техн. редактор В. К. Горячкина
Корректор Л. Л. Михайлова

* * *

Сдано в набор 16/X 1973 г. Подписано к печати 12/XII 1973 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 15,4 (1 вклейка).
Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 2150. УГ05595.
Цена 1 р. 89 к.

* * *

Типография издательства «Наука» Казахской ССР, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 150.

p. 89 k.